

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2015 – 11 (281)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2015**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке: *Е.С. Хазанов* – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2015. – № 11 (281). – 144 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Р. Шафиев.</i> Экономика под санкциями. Негативные последствия и позитивные возможности	5
А. Кулькин. Тернистый путь России в информационное общество	17

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>К. Насибуллов.</i> Начальный сегмент мусульманского образования: Итоги мониторинга примечетских курсов в Республике Татарстан	37
<i>Е. Сытых.</i> Угрозы исламизма в Челябинской области: Миф или реальность?	55
<i>Р. Сердеров.</i> О внутренних и внешних угрозах России на Северном Кавказе	63
<i>С. Новосёлов.</i> От «Отца всех туркмен» до «Покровителя» – что изменилось?	70
<i>С. Луконин.</i> Инвестиции Китая в Центральной Азии (ТЭК, ресурсы, транспорт)	83

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>С. Демиденко.</i> Ливия: Хаос продолжается	96
<i>В. Кириченко.</i> Трансграничная конфессиональная общность и национальное государство: Шииты и власть в Ираке в годы правления Саддама Хусейна (1979–2003)	104

Г. Карнов. «Шарли Эбдо»: Взгляд из Африки.....122

**МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

А. Ниязи. Исламские ценности для устойчивого развития:
К вопросу о культуре и прогрессе.....135

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Р. Шафиев,

профессор кафедры мировой экономики
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова, советник государственной
гражданской службы РФ 1-го класса,
доктор экономических наук

ЭКОНОМИКА ПОД САНКЦИЯМИ. НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ПОЗИТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В виде санкций Россия получила удар по большинству сфер деятельности. Это те запреты, которые изменили инвестиционный климат страны и ее промышленную политику. В целом в результате произошедших событий инвестиционный климат ухудшился, а Россия была названа наименее привлекательной для инвестиций экономикой.

Однако есть отрасли, на которые санкции оказали эффект роста. Запреты несут в себе стимул, который направлен на реальную работу государства по развитию экономики; также существующие условия убирают с рынка слабых игроков, что позволяет стабильным компаниям упрочить свои позиции.

Экономическая ситуация в России

Несмотря на экономические трудности, России в 2014 г. удалось избежать рецессии. Экономический рост составил 0,6% отчасти благодаря эффекту переноса роста в 1,3% в 2013 г.

Также этому способствовали два фактора:

1. Своевременные ответные меры правительства и Банка России, которые способствовали стабилизации экономической ситуации. В ноябре досрочно был осуществлен запланированный переход к плавающему курсу рубля, а также были проведены опе-

ративные меры по поддержке финансового сектора, включая докапитализацию банков в декабре.

2. Еще один благоприятный фактор связан с компенсирующим эффектом от снижения импорта, что позволило смягчить шок, обусловленный ухудшением внешнеторговых условий. При этом значительное ослабление рубля и торговые ограничения дали небольшой импульс ряду обрабатывающих отраслей.

В то же время оперативные данные указывают на то, что в I квартале – начале II квартала 2015 г. отмечен экономический спад. ВВП в апреле 2015 г. снизился на 0,6% после падения на 0,4% в марте, на 0,6% в феврале и на 1,6% в январе. Негативную динамику с учетом сезонности демонстрируют обрабатывающие производства (-2,0%), добыча полезных ископаемых (-0,5%) и торговля (-1,5). Позитивное влияние на развитие экономики оказали производство электроэнергии, газа и воды (0,9%) и производство продукции сельского хозяйства (0,1%). Усиление спада ВВП во II квартале 2015 г. прежде всего обусловлено падением динамики отраслей промышленного производства, транспорта и финансового сектора. Также негативное влияние на ВВП начала оказывать динамика экспортных пошлин, которая поддерживала ВВП в первые месяцы года. В первом квартале 2015 г. наблюдался существенный рост бюджетных расходов, и прежде всего расходов на оборону. Однако в апреле динамика этих расходов стала негативной. Судя по всему, это стало одним из факторов снижения выпуска машиностроительных производств.

В то же время данные Росстата по инвестициям вполне благоприятны. Следует отметить резко усилившийся спад ввоза инвестиционных товаров из дальнего зарубежья. Выпуск машиностроительных производств и производство строительных материалов определили общий разворот позитивного тренда в промышленности в апреле. Отток капитала из частного сектора также ускорился и составил около 12 млрд долл. против 8 млрд в марте, что указало на риски ускорения спада во II квартале 2015 г. Украинский кризис ни при чем.

Прошло больше года с тех пор, как США в связи с украинским кризисом ввели первые персональные (против отдельных российских политиков и бизнесменов) санкции, к которым присоединился Евросоюз и другие западные страны. Впоследствии персональные списки неоднократно дополнялись и расширялись, а в июле были введены первые секторальные санкции, наиболее чувствительные для отечественной экономики. Падение цены на

нефть и ужесточение санкций начались в конце июля, поэтому их влияние на экономику стало ощущаться только в последнем квартале 2014 г. Следовательно, их влияние будет более ощутимо и в текущем, 2015-м, и в 2016 гг.

Как повлияли санкции на экономику России? Почему в ней возникли кризисные явления? Как строить экономическую политику в дальнейшем?

Анализ показывает, что негативные тенденции в нашей экономике, в том числе замедление темпов экономического роста, наблюдались в течение ряда лет еще до украинского кризиса. Если в 2011 г. ВВП России вырос на 4,3%, то в 2012 г. – на 3,4, а в 2013 г. – всего на 1,3%.

Основная причина заключалась в накоплении структурных деформаций, дисбалансов и диспропорций, которые стали результатом либеральной экономической политики, сконструированной по лекалам МВФ.

Таких деформаций и диспропорций накопилось много, но выделим четыре основных.

Первая – гипертрофированная роль топливно-энергетического сектора и деградация обрабатывающей промышленности, которые были обусловлены нацеленностью экономики на вывоз нефти, газа и другого минерального сырья.

Вторая – узкая направленность экспорта энергоресурсов на Европу при неразвитости других географических направлений внешней торговли. Следовательно, подавляющая часть новых нефтегазовых проектов реализовывалась в сотрудничестве (финансовом и технологическом) с европейскими и американскими компаниями.

Третья – массированное наращивание российскими банками и компаниями внешних заимствований на фоне широкомасштабного оттока капиталов из страны.

И наконец четвертая, вытекающая из двух предыдущих, – несоответствие внешнеполитического курса (попытка преодолеть доминирование Запада на международной арене и построить многополярный мир в сотрудничестве с государствами БРИКС) внешнеэкономическим связям (ориентация финансовых и товарных потоков на Запад).

Модель экономического роста, опирающаяся на расширение экспорта энергоресурсов и других видов минерального сырья, еще работала в условиях глобализации мировой экономики и постоянного роста мировых цен на нефть, однако после глобального

финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. полностью себя исчерпала. Если до кризиса 2008–2009 гг. экспорт, который был основным двигателем экономического роста, увеличивался ежегодно на 27–30%, то в 2012 г. – только на 2,4%, а в 2013 г. – задолго до украинского кризиса и принятия Западом санкций – впервые снизился в абсолютном выражении (на 1,2%).

Резкое замедление темпов роста экспорта в 2012 г. и снижение объема вывоза товаров в абсолютном выражении в 2013 г. произошло, несмотря на чрезвычайно благоприятную конъюнктуру на мировых рынках энергоносителей и металлов. Средняя цена на нефть в 2012 г. составила 110,5 долл. за баррель, а в 2013 г. – 107,9 долл. Это замедление привело к ухудшению большинства финансово-экономических показателей. В итоге промышленное производство в России в 2013 г. выросло всего на 0,3%, инвестиции в основной капитал сократились на 0,3%, а золотовалютные резервы упали на 28 млрд долл., или на 5,2%.

Положительное сальдо внешней торговли уменьшилось на 7,8% – до 177,3 млрд долл. Курс рубля по отношению к доллару снизился на 7,5%, а к евро – на 12%. Ускорился отток капитала из страны. Государственный внешний долг за год вырос на 18,4%, или на 284 млрд руб., а внутренний – на 368,1 млрд руб., или на 9,1%.

В первой половине 2014 г., еще до введения секторальных санкций и падения цен на нефть, произошло дальнейшее ухудшение основных макроэкономических показателей, в том числе снижение темпов роста ВВП (в I квартале – 0,9% в годовом исчислении, во II квартале – 0,8%). Во второй половине года тенденции к замедлению роста несколько усилились, но не радикально: в III квартале ВВП вырос на 0,7%, а в IV – на 0,4%.

Таким образом, западные санкции не породили кризис и не «порвали» национальную экономику «в клочья», а лишь усилили в ней негативные тенденции, проявившиеся за несколько лет до украинских событий. По оценке Минфина России, ущерб, понесенный российской экономикой от западных санкций, – 40 млрд долл. Еще 100 млрд госбюджет недополучил из-за снижения стоимости барреля на треть. Поэтому негативные тенденции в середине 2015 г. и проявились.

Равновесие и финансовые инструменты

Сейчас российская экономика нашла некоторое эмпирическое равновесие, в том числе на валютном рынке. Если не будет драматических изменений в части геополитики и сырьевых цен, то экономика продолжит адаптироваться. Сегодня наиболее сильно влияние санкций ощущает банковский сектор, которому перекрыли доступ к западным кредитам. По итогам 2014 г., прибыль российских финансовых учреждений упала на 40%, а в январе-феврале 2015 г. 30 крупнейших банков России получили общий убыток в объеме 22,76 млрд руб. Возник дефицит ликвидности, который государство вынуждено гасить, чтобы не допустить массовых банкротств финансовых учреждений.

Из-за повышения процентной ставки и быстрого роста цен на товары длительного пользования (в основном импортные), а также увеличения рисков невозврата быстро сокращаются объемы потребительского кредитования. Число заявок граждан на выдачу кредитов упало с февраля на 50%, а банки выдали гражданам в три раза меньше займов, чем за аналогичный период прошлого года.

Кроме того, явно с подачи администрации США, международные (а фактически американские) рейтинговые агентства снизили кредитные рейтинги России до уровня ниже инвестиционного, хотя все макроэкономические показатели нашей страны соответствуют рейтингам на 2–3 ступени выше. Это еще больше затруднило доступ российских хозяйствующих субъектов к мировым рынкам ссудного капитала.

Нефть и газ

Негативное влияние санкций на добычу нефти и газа пока ощущается слабо, но со временем оно будет, очевидно, нарастать. Ограничения финансового и технологического характера против российских компаний ТЭК ставят под вопрос освоение новых месторождений, в частности на шельфе арктических морей. Западные компании уже вынуждены отказаться от ряда проектов. Например, ExxonMobil пока свернула сотрудничество с российскими компаниями по шельфовым проектам, в том числе по освоению нового крупного месторождения «Победа» в Карском море.

Могут также ускориться темпы падения добычи на действующих нефтяных месторождениях Западной Сибири, поскольку

объемы добычи на таких месторождениях в последние годы осуществлялись за счет использования технологий горизонтального бурения или многозонного гидроразрыва пласта. А они вошли в санкционный список. Так, в 2013 г. 42% новых скважин «Газпромнефти» были пробурены горизонтальным методом, а многозонный гидроразрыв пласта применялся в 57% скважин, пробуренных с использованием нетрадиционных технологий.

Надо отметить, в свою очередь, что зависимость российских регионов от экономических санкций Запада весьма неоднозначна. Есть несколько областей, где промышленность может ожидать определенный спад. Наиболее уязвимыми для санкций могут оказаться регионы, в которых сосредоточены оборонные и машиностроительные предприятия (Удмуртия, Тульская область, Санкт-Петербург). К числу компаний, находящихся в повышенной зоне риска, можно отнести «Уралвагонзавод» (Свердловская, Челябинская, Тверская, Томская области), «НПО машиностроения» (Московская, Оренбургская, Смоленская, Челябинская области, Пермский край), НПО «Базальт» (Москва, Костромская, Московская, Тульская области), концерн «Созвездие» (Воронежская, Новгородская, Ростовская, Рязанская, Тамбовская, Тверская области, Краснодарский край, Северная Осетия, Москва), концерн «Радиоэлектронные технологии» (97 предприятий и НИИ), ПВО «Алмаз-Антей» (46 предприятий и НИИ во многих регионах).

Динамика развития «топливных» регионов Западной Сибири также находится в зависимости от санкций из-за снижения инвестиционной активности западных участников. На предприятия и компании Крыма также пришлись адресные западные санкции. Давление ощутят такие крымские компании, как Феодосийское предприятие по обеспечению нефтепродуктами, Керченская паромная переправа, Керченский и Севастопольский торговые порты, компания «Массандра» и ряд других. Наиболее тревожные ожидания ощутимы в тех регионах, которые целиком зависят от успехов бюджетобразующих предприятий. Есть ли плюс от санкций?

Естественно, возникает вопрос: что нужно предпринять, чтобы переломить сложившуюся ситуацию и использовать положительные возможности санкций?

Считается, что следует как можно скорее выработать долгосрочную программу структурных реформ, четко обозначив ее приоритеты, цели, источники финансирования, этапы, и предусмотреть активную роль государственного регулирования.

Эффективность такого подхода доказана многочисленными примерами развития стран Восточной и Юго-Восточной Азии, в том числе Южной Кореи и Китая. Значительных успехов добилась Южная Корея, которая сохранила сильный государственный сектор в экономике и даже практиковала пятилетние планы экономического развития, не обращая внимания на все обвинения в отходе от рыночных принципов. Сеул неоднократно пренебрегал «рекомендациями» МВФ и выработал собственную экономическую стратегию, которая соответствовала национальным условиям и историческим традициям. В результате создано современное автомобилестроение, судостроение и другие высокотехнологичные отрасли индустрии, превратившие Южную Корею из отсталой аграрной в современную промышленную страну. За 25 лет ВВП Южной Кореи вырос в 3 раза, и по его объему (1,3 трлн долл.) небогатая природными ресурсами страна вышла на 14-е место в мире. Экономика Южной Кореи диверсифицирована, и ей не страшны никакие колебания цен, которые периодически происходят на современных сырьевых рынках.

Влияние санкций на российский инвестиционный климат и промышленную политику в результате нынешних событий становится очень актуальной и самой обсуждаемой темой. Введение санкций сказывается практически на всех сферах деятельности. Конечно, экономическая часть находится под самым сильным давлением. Экономические санкции отражаются не только на конкретных людях, хозяйствах, малых перерабатывающих предприятиях, но и на службах: инфраструктурных, транспортных, логистических и др.

Так, по данным последнего исследования Bloomberg Markets Global Investor Poll, в котором участвовали трейдеры, банкиры и менеджеры по денежным операциям, Россия была названа наименее привлекательной для инвестиций экономикой из числа восьми крупнейших экономик мира.

И все же нельзя однозначно утверждать, что введенные Западом санкции оказали на инвестиционный климат России существенное негативное влияние. Почему так?

Позитивный момент во всей этой истории состоит, во-первых, в том, что внешнее давление стимулирует российские власти на оперативные мероприятия по развитию экономики. Во-вторых, промышленный сектор страны начинает работу над собственными составляющими, используя отечественного производителя как в мелких комплектующих, функционирующих в промысле,

так и в оборудовании. Таким образом, в свою очередь стимулируется и развитие российских производителей.

В таком положении российской экономике остается рассчитывать только на собственные ресурсы, а для этого необходимо провести целый ряд реформ, чтобы упростить регистрацию новых предприятий и привлечение инвестиций в базовые отрасли. Этот процесс начался еще несколько лет назад, однако теперь его жизненно необходимо ускорить.

Очень важно сформировать качественно иной климат для иностранных инвесторов, чтобы они даже в режиме санкций работали в России. В настоящий момент улучшение инвестиционного климата в промышленности происходит несколькими способами. Это создание особых экономических зон и территорий опережающего развития, что действительно может стать драйвером привлечения инвестиций в Россию. Безусловно, нужно постоянно проводить мероприятия по повышению общего инвестиционного климата промышленного сектора России путем внедрения мер по снижению административных барьеров ведения бизнеса и повышению эффективности работы судебной системы. Кроме того, работа правительства по созданию пилотных особых экономических зон и территорий опережающего развития позволит протестировать и выработать ряд эффективных механизмов повышения инвестиционной привлекательности отдельных регионов страны, которые позднее можно будет использовать в масштабе всей России.

В условиях глобальной экономики представить себе государство, не встроенное в систему мировых хозяйственных связей, невозможно. Однако степень взаимосвязи может быть разной. Для России подобная зависимость от мира может отразиться на ряде сфер, в том числе это обеспеченность страны стратегически важными товарами (продовольствие, лекарства, технологии, комплектующие для машин). В торговом балансе страны главными партнерами остаются:

- страны ЕС (42,2% импорта и 53,8% всего экспорта);
- АТЭС (34,3% импорта и 18,9% экспорта);
- ЕАЭС (13% импорта и 14% экспорта).

Крупнейшие из них – Китай и Германия. Каковы позитивные возможности?

Российские и зарубежные производители, чьи производства находятся на территории России, от введенных санкций не только не пострадали, но и выиграли. Европейским производителям

запрещен ввоз продукции из санкционного списка на территорию России. Этим уже нанесен существенный экономический урон по производителям, чьи производства находятся на территории стран ЕС. Иностранные инвестиции в Россию, в производства на ее территории надежно застрахованы от российских экономических санкций. Это доказали последние события. Инвестировать в Россию оказывается не только выгодно, но и надежно, так как иностранные инвестиции в России находятся под защитой свода законодательных актов «Об иностранных инвестициях».

Если рассмотреть структуру иностранных инвестиций в Россию, то можно увидеть, что США далеко не главный инвестор, на их долю приходится всего 2,7% всех иностранных инвестиций. Однако при сокращении инвестиций из США могут пострадать такие отрасли, как производство кокса и нефтепродуктов (12% идут от США) и производство машин и оборудования (28,1%).

Вопреки ожиданиям воздействия санкций, с октября 2014 г. демонстрирует рост отечественное промышленное производство. Рост производства произошел за счет обрабатывающей промышленности, выработки электроэнергии, а также пищевых продуктов, в частности сыров и мясной продукции. Положительную роль сыграли несколько факторов. Во-первых, это эффект импортозамещения, особенно в таких отраслях, как производство некоторой машиностроительной продукции, производство труб, пищевой, обрабатывающей промышленности. Во-вторых, это то, что в результате ослабления рубля улучшилась ситуация с бюджетами и доходами и, естественно, появилась возможность увеличить госзаказ. Но ослабление рубля привело к росту инфляции, а рост инфляции привел, естественно, к замедлению потребительского спроса, в том числе на продукцию российской промышленности. В результате сокращения частных и иностранных инвестиций будет снижаться инвестиционный спрос. Санкции в отношении экспорта технологий российским нефтегазовым компаниям могут осложнить поддержание текущих темпов добычи ресурсов на истощающихся месторождениях в Западной Сибири. Это связано с тем, что методы повышения нефтеотдачи пластов, используемые на данных браунфилдах (месторождениях со степенью выработанности более 75%), близки к тем, которые применяются при извлечении сланцевой нефти. А подобные технологии – одна из ключевых целей санкций со стороны западных стран. В среднесрочной перспективе санкционные меры могут привести к переносу сроков

развития части масштабных российских проектов, в том числе в Арктике.

Учитывая, что в долгосрочной стратегии российских нефтяных компаний Арктика занимает одну из ключевых позиций, такой эффект от санкций явно будет негативным. В перспективе к 2050 г. арктический шельф будет обеспечивать от 20 до 30% всей российской нефтедобычи, а добыча первой арктической нефти ожидается уже в 2018 г. Запрет на финансирование проектов и закупку западного оборудования – серьезная проблема, и добыча нефти из-за санкций действительно сократится. Однако соразмерно со снижением объемов вырастут цены на нефть, что для России очень хорошо. Также санкции могут явиться неким стимулирующим действием для российских производителей, которые уже выпускают продукцию, например насосное оборудование, на уровне высочайших мировых стандартов.

Российские металлурги и компании горнодобывающей отрасли могут получить выгоду при введении санкций. Инвесторы беспокоятся о благополучии основных мировых производителей никеля и платиноидов («Норникель»), алюминия («Русал») и алмазов («АЛРОСА»). Применение санкций против этих компаний маловероятно, но в этом случае российские корпорации смогут переориентировать поставки на другие направления, например в Азию, Китай, Ближний Восток и Латинскую Америку, а цены на их продукцию в Европе и США могут резко вырасти. Пока геополитическая ситуация не оказала серьезного влияния на цену металлов, так как не несла риски перебоев поставок на мировой рынок. Однако санкции против российских экспортеров металлов и алмазов приведут к дефициту их продукции в Европе и США, а следовательно, и к росту цен. В Азиатском регионе в этом случае возникнет профицит, и цены снизятся.

Полный запрет российского экспорта металлов в Европу, США и Японию увеличит цены на продукцию российской горнодобывающей отрасли в диапазоне от 6 до 61%. Чистая прибыль «Русала» в случае роста цены алюминия на 100 долл. за тонну вырастет на 37%. Чистая прибыль «Норникеля» увеличится на 6% при росте цен на никель на 1 тыс. долл. за тонну, и на 5% – вследствие роста цены палладия и платины на 100 долл. за унцию. При росте цены алмазов на 10 долл. за карат «АЛРОСА» нарастит чистую прибыль на 13%.

От мировых санкций могут пострадать производители автокомпонентов с небольшим бюджетом, для которых особенно

важен хороший инвестиционный климат в России. Что касается мировых санкций в отношении нашей страны, то насколько сильно они могут отразиться на автопроизводстве в России, пока сказать сложно. Неясна ситуация с объемами и сроками этих санкций. Крупные автопредприятия устоят, так же как крупные производители автокомпонентов. Кстати, 15 из 20 крупнейших производителей автокомпонентов имеют свои заводы в России. Сложнее будет мелким производителям, которые только собираются налаживать производство и чьи инвестиции могут составить до 10 млн долл. Для развития промышленности такие компании не менее важны, но, к сожалению, именно на них большое влияние оказывает инвестиционный климат в стране. Нынешняя ситуация для мелких компаний может стать настораживающим фактором, и они, конечно, будут сомневаться в возможностях своего бизнеса в России. Кроме того, в период с 2018 по 2020 г. истекает срок действия большей части соглашений о промышленной сборке, после чего сниженные таможенные пошлины не будут обеспечивать дополнительное преимущество для локальных производителей. В этот период локальное производство может быть выгоднее, чем импорт, только в случае достаточно крупных объемов выпуска и глубокого уровня локализации, а также поддержки на государственном уровне.

Кроме того, при взаимодействии российских производителей и поставщиков отечественных продуктов питания, а также компетентных в данной отрасли бизнеса российских логистических операторов сработает механизм становления экономики страны в данном сегменте рынка. Российский потребитель может получить качественные и свежие продукты, которые будут лидировать по отношению к импортной продукции в соотношении «цена – качество».

Санкции и высокие технологии

Очередной пакет санкций Евросоюза против России предусматривает запрет поставок товаров и технологий двойного назначения для военно-промышленного комплекса. По сути, санкции можно разделить на несколько категорий. К первой можно отнести холдинги «Высокоточные комплексы», «Техмаш», «Базальт», «РТ-Химкомпозит», концерн «Калашников», «Сириус», «Станкоинструмент». Санкции не окажут влияния на производство продукции в рамках гособоронзаказа, так как в производстве военной продук-

ции не используются какие-либо европейские комплектующие. Но санкции окажут влияние на европейские предприятия оборонно-промышленного комплекса, продукция которых используется в военной продукции, поставляемой «Рособоронэкспортом» на рынки третьих стран.

Ко второй категории можно отнести санкции в отношении «Оборонпрома». Но этот холдинг не привлекал и не привлекает займов и кредитов от европейских банков и других зарубежных финансовых институтов. Облигационные займы «Оборонпрома» приобретены российскими банками (в частности ВТБ). Таким образом, санкции не окажут никакого влияния на его текущую оборонно-промышленную бизнес-деятельность.

В любом случае очередной пакет санкций Евросоюза против России ставит задачу импортозамещения на совершенно новый уровень. Теперь это не просто насущная проблема, а жизненно важная необходимость для выживания отечественной промышленности.

Делая вывод по вышесказанному, можно резюмировать, что в виде санкций Россия получила некий удар по большинству сфер деятельности. Это те запреты, которые изменили инвестиционный климат страны и ее промышленную политику. В целом в результате произошедших событий инвестиционный климат ухудшился, а Россия была названа наименее привлекательной для инвестиций экономикой.

Однако есть отрасли, на которые санкции оказали эффект роста.

Запреты несут в себе стимул, который направлен на реальную работу государства по развитию экономики; также существующие условия убирают с рынка слабых игроков, что позволяет стабильным компаниям упрочить свои позиции.

Несмотря на санкции, индекс промышленного производства в России в 2014 г. превысил аналогичные показатели по отношению к предыдущему году.

Выводы

Эффективными инструментами решения проблемы и привлечения инвестиций являются создание особых экономических зон и территорий опережающего развития и внедрение мер по снижению административных барьеров ведения предпринимательской деятельности. Зависимость российских регионов от

экономических санкций Запада очень неоднородна. Есть несколько областей, где промышленность может ожидать определенный спад. Санкции в отношении экспорта технологий российским нефтегазовым компаниям могут осложнить поддержание текущих темпов добычи ресурсов на истощающихся месторождениях в Западной Сибири. А российские металлурги и компании горнодобывающей отрасли могут получить выгоду при введении санкций.

«Стратегия России», М., 2015 г., № 2, с. 15–24.

А. Кулькин,

доктор философских наук,
руководитель Центра научно-информационных
исследований по науке, образованию
и технологиям (ИНИОН РАН)

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ РОССИИ В ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Современный этап общественного развития, который формируется в передовых странах мира начиная с середины прошлого века, называют «информационное общество». Были и продолжают оставаться и другие варианты (например, технотронное общество, супериндустриальное и постиндустриальное общества), но они постепенно отошли на второй план, а термин «информационное общество» фактически обрел статус официального, поскольку широко используется не только в средствах массовой информации, но и в документах правительственных и международных организаций.

Участие России в становлении информационного общества определяется не только объективными социально-экономическими показателями, характеризующими степень развития отраслей новой «информационной» экономики, соответствующей инфраструктуры и внедрения информационно-коммуникационных технологий в работу государственных учреждений, банковского сектора, промышленности и т.д., но и фиксируется действующими международными соглашениями. В Окинавской хартии глобального информационного общества, принятой лидерами стран «Большой восьмерки» (G-8) 22 июля 2000 г., Россия наравне с другими ведущими странами мира заявляет о своем стремлении содействовать переходу к информационному обществу, а также полной реализации его экономических, социальных и культурных

преимуществ. Активная роль и заинтересованность России в развитии глобального информационного общества была подтверждена на последнем саммите «восьмерки» в Эвиане (Франция) в июне 2003 г.

Всю вторую половину XX в. можно с полным основанием назвать эпохой информационной революции. Один за другим происходили прорывы в производстве электронных схем, сменялись поколения и типы ЭВМ, росли их быстродействие, вычислительная мощность, надежность, снижалась стоимость, миниатюризировались размеры.

Индустриальное общество, сменившее в ходе промышленной революции аграрное, в свою очередь уступает место постиндустриальному, первым этапом которого является общество информационное. Информатизация не становится самодовлеющей целью, сегодня она выступает как наиболее эффективный фактор обеспечения научно-технического и социально-экономического прогресса. Однако наличие, распространенность и быстрое развитие информационных технологий не являются единственными особенностями современного общества, хотя его и называют информационным. Главный, на наш взгляд, его признак – это ведущая роль научно-технологического потенциала во всей системе производительных сил.

Мы попытаемся кратко рассмотреть процесс формирования информационного общества (ИО). Он имеет целый спектр граней и направлений: технологическое, экономическое, организационно-управленческое, пространственно-территориальное, культурное. В своей совокупности они весьма динамичны. Первоначально базовой основой было технологическое направление. Сейчас на первый план выдвинулись экономическое и организационно-управленческое направления.

Специфика информационной экономики

Развитие мировой экономики, как объясняют эксперты-исследователи, обрело новую парадигму – не экстенсивного, а интенсивного экономического роста. Эту новую парадигму специалисты называют по-разному: «новой экономикой», «информационным сектором экономики», «информационной», «постэкономической» (точка отсчета – традиционная экономика); «постиндустриальными» хозяйственными системами. Показательно одно из определений «новой экономики» – «информационная эко-

номика», т.е. органическая часть информационного общества. Далее мы будем использовать термины «информационная экономика» или «постиндустриальная хозяйственная система» в качестве тождественных понятий.

Итак, информационная экономика характеризуется следующими основными тенденциями развития. В целом информационная экономика ориентирована не на экстенсивный, а на интенсивный экономический рост, что означает методологию прироста ВВП не за счет расходования природных ресурсов, а напротив, как раз благодаря ресурсосберегающим технологиям. По меткой характеристике одного из исследователей обсуждаемой проблемы, современная экономика требует поистине «алхимических» умений – «производить компьютеры из грязи». И он называет такую – «умелую» – экономику «технологической» в отличие от традиционной экономики естественных ресурсов (земли, рабочей силы, полезных ископаемых и т.д.), указывая, что «технология приумножает сама себя» и, следовательно, дает возможность резко снизить зависимость экономического роста от естественных ресурсов.

В информационной экономике материальные активы и основные фонды, да и само производство материальной стоимости уже не имеют того значения, какое они имели в традиционной экономике. В координатах информационной экономики традиционная бухгалтерия материальных издержек уступает место качественно новой бухгалтерии – информационных издержек, которые очень быстро окупаются, поскольку, выступая информационными технологиями, «приумножают сами себя».

Информационная экономика – это наукоемкая и высокотехнологичная экономика, где основной упор делается на знания, технологии, инновации, поэтому в центре такой экономики находится то, что специалисты называют «интеллектуальный и человеческий капитал». В информационной экономике также существенно возрастает значимость управления, поскольку в ее центре оказывается интеллектуальный и человеческий капитал, который качественно меняет традиционную практику менеджмента, вводя в нее важную нематериальную составляющую – управление человеческим капиталом. В информационной экономике качественно иной характер, чем в традиционной, приобретает социально-трудовая сфера. Приведем следующие причины.

Во-первых, существенно меняются качество рынка труда и сферы занятости в связи со спросом уже не просто на рабочую силу, а на человеческий капитал – работников с высокой профессио-

нальной квалификацией, широко образованных, способных и готовых участвовать в стратегическом планировании на предприятии, высокооплачиваемых и в качестве человеческого капитала предприятия надежно защищенных от увольнения; понятно, что в «информационной экономике» рынок труда приобретает важнейшую функцию резерва человеческого капитала и в такой своей роли становится объектом особой заботы государства: рынок человеческого капитала должен иметь иную структуру, нежели традиционный рынок рабочей силы, и потому нуждается в компетентном государственном управлении.

Во-вторых, существенно меняются отношения между работодателями и работниками в связи с изменением качества рабочей силы в рамках тенденции спроса на человеческий капитал, что вынуждает работодателей строить свои отношения с наемными работниками скорее на партнерской, нежели «эксплуататорской» основе, т.е. брать на себя в отношении работников серьезные обязательства по их социальной защите; данное обстоятельство, очевидно, уменьшает роль профсоюзов как традиционных правозащитных организаций в сфере трудовых отношений, и это, например, отчетливо продемонстрировала в 1980–1990-е годы практика реформирования социально-трудовой сферы в развитых странах, где между правительством, открывшим путь к партнерским отношениям в сфере труда, и профсоюзами возник серьезный конфликт.

Информационно-технологическая деятельность является ключевой в описании общего состояния мировой экономики в ее сегодняшних координатах. Термин «информационная экономика», собственно говоря, является признанием научным сообществом факта трансформации мировой экономики в феномен, где действуют уже другие механизмы экономической эффективности, нежели традиционный механизм производства материальной стоимости.

Становление новой организационно-управленческой системы

Современная потребность общества в системах, управляющих знанием-информацией, не остается на уровне теоретических проектов, а реализуется, в частности, в хозяйственной сфере, в появлении предприятий, менеджмент которых включает в качестве одного из основных своих направлений социально-адаптивную стратегию, состоящую в том, что предприятие максимально рас-

ширяет сеть своих партнеров, выстраивая вокруг себя широкую среду сотрудничества. Это обстоятельство дало специалистам повод констатировать перемену характера рыночной конкуренции. Они заговорили о трансформации традиционного рынка в пространство, где выигрывает тот, кто больше знает, больше информирован, и потому каждый конкурент стремится максимально присутствовать на глобальном рынке информации, максимально участвовать в глобальной коммуникации, тем самым выстраивая реально глобальное коммуникативное, т.е. партнерское пространство информационной экономики.

По экспертному мнению, предпочтительные в информационной экономике системы управления знанием-информацией имеют организационную форму холдинга – корпоративной структуры, составленной из суверенных субъектов рынка как раз по мотивации (у этих субъектов) создания социально-адаптивного предприятия, которое будет защищено сетью партнерских отношений в условиях преимущественно информационных коммуникаций¹. Смысл холдинговой организационной формы состоит в том, что спрос на нее в условиях информационной экономики исходит не от больших более или менее централизованных корпораций, а от небольших суверенных субъектов рынка, которые стремятся в данных условиях решить двоякую задачу: выжить и сохранить свою суверенность.

Действительно, строящееся сегодня информационное общество – это формирующийся информационный рынок, который по определению выстраивает глобальное пространство, поскольку переход социальных коммуникаций на информационные технологии означает создание единого коммуникационного пространства. Отдельному небольшому субъекту такого глобального информационного рынка просто невозможно в одиночку справиться с огромными объемами быстро меняющейся информации. В одиночку этот небольшой субъект не может стать системой, управляющей знанием-информацией, и, значит, ему нет места на рынке. Поэтому такой информационный рынок, с одной стороны, «отбирает» в качестве оптимальных (наиболее эффективных) организационных форм именно холдинговые (нецентрализованные) корпоративные структуры, а с другой – отвергает традиционные (централизованные) корпоративные структуры как уже неоптимальные, малоэффективные. Преимущество холдинговой корпоративной организационной формы перед традиционной корпоративно-организационной формой заключается в том, что холдинговая корпо-

рация – это не просто «большой субъект», способный захватить значительную долю рынка, а субъект, который получает через свою партнерскую сеть реальный доступ к информационным потокам на рынке, т.е. субъект, который реально становится системой, управляющей знанием-информацией.

Не случайно лидерами современного мирового бизнеса являются транснациональные корпорации, причем такие, которые организованы как «виртуальные корпорации», когда не имеют значения размеры доли «домашнего» и иностранного деловых представительств корпоративного холдинга, а важно лишь, чтобы деловая активность холдинга осуществлялась как можно более широким кругом его суверенных субъектов. Транснационально-корпоративная структура – это не столько географически, сколько информационно глобальная холдинговая организационная форма, именно виртуальная корпорация, «корпорация наоборот» – в том смысле, что «не корпорация владеет своими функциональными подразделениями, а они являются ее собственниками»².

Недаром сегодня наивысшую рыночную стоимость имеют акции тех транснациональных корпораций, в которых минимизированы материальные активы (балансы освобождаются от основных фондов: под штаб-квартиру помещение арендуется; ипотечные закладные обращаются в ценные бумаги; автотранспорт нанимается; общая организация дела, вместо выстраивания «материальной» интеграционной вертикали, виртуализируется / информатизируется) и основные усилия сосредоточены на управлении знанием-информацией.

Сегодня отмечается перетекание деловой активности непосредственно в информационно-коммуникативную среду электронных рынков, когда возникают виртуальные транснациональные корпорации уже в самом прямом смысле их существования в основном в Интернете, существования, которое фиксируется по объемам электронных продаж этих компаний. Так формируется экономика, в которой ее ведущие организационные формы – транснациональные корпорации – сами все более и более трансформируются в модульно-сетевые структуры, полностью существующие в информационно-коммуникативном пространстве. Такая экономика – организованная в виде сетей суверенных деловых структур (модулей) – радикально меняет характер всех своих управленческих систем. Ключевым фактором этих новых систем управления являются именно сети, т.е. организационные системы, побуждающие управленцев сосредоточиваться не столько на

производственно-технологических, сколько на организационных вопросах. Мало того, что менеджмент вообще возник как в принципе организационное знание – в современных условиях формирования модульно-сетевой экономики он трансформируется в интеллектуальный менеджмент.

Модульно-сетевая организационная система, перестраивающая системы управления на принципах интеллектуального менеджмента, обуславливает также и основное требование к самому интеллектуальному менеджменту, а именно требование «диффузности», т.е. нецентрализованности интеллектуально-менеджерской активности, ее «рассредоточения» по всей сети – среди всех модулей данной сетевой организации. Таким образом, интеллектуальный менеджмент оказывается координационным, сотрудническим: организуют, поддерживают и развивают модульную сеть все ее модули-субъекты, над которыми в этом отношении нет никакого привилегированного субъекта, который выстраивал бы систему управления по жесткой «вертикали».

То обстоятельство, что в экономике становления информационного общества решающее значение приобретает фактор эффективного управления, вполне подтверждается мировой практикой развития во второй половине XX в. Возникла такая организационная форма хозяйствования, как корпорация нового типа. Впервые она появилась в США и затем получила распространение в странах практически на всех континентах: в Канаде, Австралии, Великобритании, Японии, в континентальной Европе, в нематериковом Китае (Тайване, Гонконге). Причем сама география распространения этой новой корпоративной культуры указывает на те страны, которые сегодня называют развитыми индустриальными экономиками. И это как раз означает, что становление информационной экономики представляет собой прежде всего феномен нового управления, воплощенный в корпоративных формах организации развитых национально-экономических систем.

Показательно, что корпоративно-организационный вектор экономического развития носит скорее глобальный, чем национальный характер, поскольку эксперты, говоря о современной корпоративной культуре, различают именно ее типы, соотносящиеся не с отдельными странами, а с группами стран. И более того, специалисты демонстрируют конвергентную тенденцию уже и среди различаемых типов корпоративной культуры. Действительно, США были первой в мире страной, где в 1950-х годах появляется принципиально новый – корпоративный – тип организа-

ции экономики. И это была организационно-управленческая инновация, связанная с диверсификацией системы управления на предприятии, где организационно и функционально выделились, с одной стороны, «штаб-квартира» (корпоративный центр), а с другой – «территориальные» центры принятия решений (корпоративные подразделения, филиалы и отделения). Суть корпоративного устройства управленческой системы состояла в том, что «территориальное» представительство делало управление гибкой структурой быстрого реагирования, что резко повышало эффективность менеджмента. Не случайно, что эта корпоративная инновация распространилась в 1960–1990-е годы по всему миру. Сегодня существует общепринятая классификация, выделяющая четыре типа корпоративной культуры: англосаксонский (США, Канада, Австралия и Великобритания); японский; континентально-европейский; китайский (Тайвань, Гонконг, Сингапур).

Сам факт указанной классификации говорит, с одной стороны, о транснациональном (универсальном) характере технологии корпоративного менеджмента, а с другой – о том, что эта технология имеет некие национально-культурные различия: коль скоро вообще различают «англосаксонскую», «японскую» и т.д. корпоративные культуры. Поэтому возникает естественный вопрос о соотношении национального и транснационального в корпоративно-технологической мегаструктуре – насколько на самом деле существенны национально-культурные особенности применения данной структуры. Теоретической базой для такого анализа могло бы послужить общепринятое в научной литературе описание особенностей каждого из четырех «национальных» типов корпоративной культуры.

Между тем специалисты отмечают, что когда речь идет о транснациональных корпорациях, то эти корпоративные структуры, независимо от своей национально-культурной принадлежности, демонстрируют некий отдельный тип корпоративной культуры, который, таким образом, «выравнивает» между собой все указанные национально-культурные типы, причем, по экспертной оценке, смещая их в сторону англосаксонской корпоративной культуры. Иными словами, развитие транснационально-корпоративной культуры происходит как конвергенция международной корпоративной культуры по вектору ее (корпоративной культуры) «американизации», когда «американизация» заключается в том, что транснациональные корпорации любой страны ведут себя так, как если бы они представляли англосаксонскую корпора-

тивную культуру. И это экспертное наблюдение побуждает к выводу, что сама тенденция к транснационализации корпоративно-организованной экономики является фактором принятия всеми транснациональными корпорациями – будь они из США, Японии, Гонконга или Франции – единых, именно транснациональных, норм поведения.

Между двумя эпохами: Индустриальной и постиндустриальной

Итак, корпоративная организационно-управленческая система, получившая распространение по всему миру, свидетельствует о ее эффективности как для индустриальной модели, так и для постиндустриального типа экономического развития. В связи с этим возникает вопрос: в чем же состоит принципиальное различие между этими двумя моделями экономического развития?

Достаточно жесткий ответ на поставленный вопрос содержится в статьях В.Л. Иноземцева, посвященных анализу кризисной ситуации 1987 г. и непосредственно с ней связанным кризисом 1997–1999 гг., захватившим всю периферию постиндустриального мира.

Кризис 1987 г. начался довольно своеобразно. С 1974 г. по октябрь 1987 г. на фондовых рынках наблюдался быстрый рост котировок (ведущие американские индексы выросли более чем в 4 раза). Поэтому падение индекса Доу-Джонса 19 октября (самое большое в своей истории) в течение одной торговой сессии на 508 пунктов, или более 22% текущей рыночной стоимости, было неожиданным для большинства экспертов³.

Значительная часть, если не большинство, экспертов-исследователей, анализируя кризисную ситуацию, предсказывали депрессию в глобальном масштабе и окончательный переход роли мирового экономического лидера к Японии. Такой прогноз они делали на основе анализа исключительно финансового аспекта кризиса. Лишь немногие эксперты видели его причину в растущем социальном неравенстве, сокращении платежеспособного спроса, стагнирующей производительности и т.п. Весьма любопытно, что большинство экспертов-исследователей не принимали в расчет те факторы, которые способствовали быстрому выходу из кризиса и сохранению США лидирующей роли в мировой экономике.

Для такого прогноза были довольно серьезные основания: во-первых, США в эти годы имели громадный дефицит бюджета

и отрицательное сальдо своего торгового баланса с Японией; во-вторых, с конца 1970-х годов японская промышленность успешно вытесняла американских производителей с рынка микрочипов, обеспечив в 1989 г. разрыв в 16 процентных пунктов. Эти факторы были очень важными, но оказались недостаточными для пессимистического прогноза. Более существенным явилось то, насколько широко и эффективно использовались в стране достижения информационной революции. Так, простое сопоставление параметров по таким информационно-технологическим продуктам, как использование кабельных сетей, персональных компьютеров на 1 тыс. человек, электронной почты, было в США на порядок больше, чем в других странах, включая Японию. В начале 1990-х годов мировой рынок информационно-программных продуктов на 57% контролировался американскими компаниями, и их доля превышала японскую более чем в 4 раза. И как следствие этого, «в середине 1990-х годов было легко восстановлено равенство на рынке производства микрочипов, а доли США и Японии выровнялись». В 1991 г. «расходы американских компаний на информацию и информационные технологии, составившие 112 млрд долл., превысили инвестиции в основные фонды (107 млрд долл.). К началу 1995 г. в США при помощи информационных технологий производилось около 3/4 добавленной стоимости, создаваемой в промышленности, а американские производители контролировали 40% всемирного коммуникационного рынка, около 75% оборота информационных услуг и 4/5 рынка программных продуктов»³. Все это стало реальностью потому, что уже в конце 1980-х годов, в отличие от своих основных соперников, США располагали принципиально иным типом хозяйственного (экономического) роста. «Практика противостояния США и новых индустриальных стран во второй половине 1980-х годов показала, что период, в течение которого индустриальная модель развития могла эффективно конкурировать с экономиками, основанными на доминировании новейших технологий, уходит в прошлое»³. Отныне именно технологическое превосходство оказывается мощнейшим инструментом международной конкуренции. Крушение коммунистической системы, располагавшей наименее эффективной из всех моделей индустриального экономического развития, привело к резкому сокращению военных расходов, способствовавших снижению остроты проблемы внутреннего долга и позволившего увеличить ассигнования на социальные программы, что послужило в первой

половине 1990-х годов мощным толчком расширения емкости внутреннего рынка.

В новых условиях важнейшими направлениями становления постиндустриальной хозяйственной системы в странах западного мира стало ее формирование как целостной социально-экономической формации, объединяемой, в том числе, и ценностными ориентирами ее граждан. Возможности вхождения в нее «Японии и государств Юго-Восточной Азии оставались незначительными, в первую очередь в силу того, что исповедуемая ими парадигма хозяйственного роста по самой своей природе не была адекватной ценностям постиндустриального строя. Не сумев одержать победу в технологическом соревновании с США, Япония перешла к оборонительной позиции, став не форпостом постиндустриального общества на Востоке, а создав вокруг себя сообщество государств, полагававшихся на экспансию индустриального производства. Уверенность японских предпринимателей и политических лидеров в возможности восстановления своей экономической мощи за счет экспансии в Азии привела к тому, что сама Япония к концу 1990-х годов откатилась далеко назад по сравнению с серединой 1980-х годов»⁴.

Развитие научно-образовательного потенциала и рост на его основе наукоемкого производства привели к глубокому кризису индустриальной модели экономического развития, происшедшему в 1990-е годы. Фактически произошло окончательное крушение индустриальной системы и перераспределение экономической мощи таким образом, который соответствует уже осуществившемуся перераспределению как технологического, так и интеллектуального потенциала между основными центрами современного мира. Это изменение В.Л. Иноземцев называет вторым системным кризисом индустриального типа хозяйства. Суть его заключается в неизбежном резком снижении роли индустриального сектора в мировом масштабе.

Кризис 1997–1999 гг., начавшийся на периферийных рынках, убедительно продемонстрировал то, что «несмотря на впечатляющий прорыв в ряды индустриальных держав, государства Юго-Восточной Азии не смогли заложить фундамент перехода к постиндустриальному типу развития, предполагающему высокие уровни потребления населения и широкое распространение постматериалистической мотивации»⁵. Здесь сложилась ситуация, когда образованность не воспринимается в качестве значимой ценности, а творческая деятельность не может стать органичной и

настоятельной потребностью. В результате этих и других факторов государства этого региона не смогли сформировать необходимый для перехода научно-образовательный потенциал. Так, в силу сложившихся традиций большинство студентов учились в технических вузах и не получали всесторонней университетской подготовки, а молодые специалисты, получившие узкое техническое образование, могут успешно работать в сфере использования западных технологий, но не могут создавать новые. Как следствие, в Японии, не говоря о других странах региона, на протяжении всех послевоенных десятилетий фактор повышения квалификации работников оставался последним среди десяти наиболее важных составляющих экономического роста. Сформировавшаяся в 1980-е годы ориентация на обучение студентов за рубежом не оправдала себя: студенты, обучающиеся за границей, видя перспективы, открывающиеся перед ними в Европе и США, не возвращались домой после окончания учебы. Нерешенность во всех странах региона важнейших задач, жизненно необходимых для формирования основ постиндустриального общества, обусловила неизбежный застой и спад в их хозяйственной динамике. «Определяющей особенностью начавшегося в 1997 г. кризиса является то, что он представляет собой кризис индустриального хозяйства в постиндустриальную эпоху, со всей определенностью показывающий, что сегодня развитые страны вполне могут обойтись без “третьего мира”, в то время как “третий мир” не способен развиваться на собственной основе» [5, с. 35].

Начало финансового кризиса связано с девальвацией тайского бата в августе 1997 г. «В течение считанных месяцев от благополучия азиатских стран не осталось и следа». В анализе кризисной ситуации, выполненном В. Иноземцевым, заслуживают особого внимания сделанные им два вывода.

Первый вывод. «Два года, прошедшие с момента девальвации тайского бата, со всей ясностью показали, что в современных условиях нормальное функционирование и эффективное развитие мировой постиндустриальной системы возможно даже при хозяйственной дестабилизации в других регионах планеты... В связи с этим финансовая поддержка оказавшихся в кризисной ситуации государств представляется нецелесообразной и даже опасной, причем прежде всего для самих развитых стран. Оказывая ее, правительства постиндустриального мира и международные финансовые организации закрывают глаза как на то, что в большинстве развивающихся стран, от Индонезии до России, средства, аккумуля-

лированные в национальной экономике или привлекаемые за счет иностранных инвестиций, используются в интересах либо отдельных финансово-промышленных групп, либо коррумпированных представителей государственной власти, так и на то, что возможности развития массового производства примитивных материальных благ, основанного на импортируемых технологиях и капитале, являются сегодня абсолютно исчерпанными. Налицо второй системный кризис индустриальной модели экономического развития, который представляет собой уже не прелюдию общего кризиса индустриального общества, а непосредственно процесс его разрушения» [5, с. 37].

Второй вывод. «Сегодня становится ясно, что даже активная технологическая и инвестиционная “накачка” индустриальных стран не делает их постиндустриальными и не порождает нового социального порядка, который устанавливается сегодня в Соединенных Штатах и в странах Европейского союза. При этом расширяется не только хозяйственная, но и гуманитарная пропасть между двумя мирами, а готовность относительно отсталых стран отстаивать сегодня под лозунгами национальной и культурной идентичности свое право на отсталость, не сильно отличается от той, с какой в прошлом веке они защищали свое право называться величайшими державами планеты» [5, с. 38].

Весьма показательны, что большинство западных рынков, как и в 1987 г., избежали серьезного воздействия кризиса. Об этом свидетельствуют уверенный рост американской экономики во втором полугодии 1998 г. и первом квартале 1999 г. и успехи, хотя и скромные, стран Европейского союза.

Кризисы 1987 и 1997 гг. убедительно показали, кто есть кто в мировой экономике. Не обошлось и без парадоксов. Один из них состоит в том, что Япония, претендовавшая на лидерство в мировой экономике, и Россия оказались в числе стран с индустриальной моделью экономического развития. Они не смогли построить, хотя и по разным причинам, постиндустриальную хозяйственную систему, а без нее путь в информационное общество перекрыт. Япония не располагает необходимым научно-образовательным потенциалом, а Россия, даже для модернизации своей промышленности, – корпоративной организационно-управленческой системой, проявившей свою эффективность как для индустриальной модели, так и для постиндустриального типа экономического развития. Но Россия располагает стартовым научно-образовательным потенциалом. Он недостаточен в полной мере

для постиндустриальной хозяйственной системы, но достаточен для стремительного старта, чтобы стать таковым. Ускоренное наращивание научно-образовательного потенциала следует начать, вместо бесконечных разговоров о реформах, с полной реконструкции научно-исследовательской инфраструктуры России, включая как строительство необходимых для развития науки сложных сооружений типа ускорителей элементарных частиц и радиотелескопов, так и обеспечение в полном наборе научных лабораторий современными приборами и реактивами.

Предприниматели и политики Японии допустили стратегический просчет. В течение всего послевоенного периода стратегия экономического роста была основана на совершенствовании индустриальной модели экономического роста и в этой сфере деятельности ей нет равных. Достигнутые Японией успехи были восприняты во всем мире как «японское чудо». Но ее ориентация на «экспансию индустриального производства», по иронии истории, превратила, образно говоря, «Страну восходящего солнца» в «Страну заходящего индекса». Потому что было упущено время на создание научно-образовательного потенциала, действительно необходимого в постиндустриальную эпоху.

Япония в настоящий момент находится в сложной ситуации. С одной стороны, ведущие страны мира настойчиво требуют, да и сами японцы, по крайней мере, на словах, хотели бы, чтобы выход из депрессии был найден за счет развития внутреннего спроса (категорическое условие постиндустриальной хозяйственной системы), а не за счет привычного экспорта. Правда, многие специалисты считают этот путь нереальным. Япония, полагают они, будет спасаться экспортом. С другой стороны, создание современного научно-образовательного потенциала потребует многих десятилетий. И всё же именно на науку, на новые технологии и новые виды информационно-технологической продукции японцы возлагают основные надежды, именно с нею связывают планы выхода из депрессивного и неустойчивого состояния экономики страны.

Отмеченные нами тенденции развития мировой экономики составляют для современной России безусловное, настоящее проведение структурной реформы в российской экономике. К сожалению, проведение такой реформы до сих пор не наблюдается. Наоборот, в России в ходе более чем десятилетних реформ сформировалась олигархическая система, несостоятельность которой в полной мере проявилась во время дефолта в 1998 г., когда государство отказалось от своих долговых обязательств. Затем после-

довал крах большинства крупных банков, развитие финансово-промышленных групп (казалось бы, того самого корпоративного сектора) впало в застой, взявший «бурный старт» отечественный малый и средний бизнес очень быстро обнаружил тенденцию к свертыванию, не говоря уже о приватизации, которая является классическим примером криминала и коррумпированности.

Итак, страны, сумевшие сформировать постиндустриальную хозяйственную систему, достигли принципиально новых результатов. Они создали мощный научно-образовательный потенциал и на его основе построили наукоемкую, высокотехнологическую модель экономического развития, решили многие социальные проблемы, избавили экономику от циклических кризисов и т.д. Под воздействием этих успехов у идеологов научно-технического прогресса сформировалось состояние эйфории, породившее заманчивые и многообещающие перспективы.

Но десятилетия бурного развития информационных технологий не прошли бесследно. Достаточно скоро произошло осознание того факта, что информатизация обладает как положительными, так и негативными аспектами, что информационные технологии (ИТ) можно использовать не только во благо, но и во вред людям, что они многократно усиливают многие ранее существовавшие риски, а также создают новые, с которыми человечеству не приходилось сталкиваться, потенциально не менее разрушительные, чем прежние.

Развитие ИТ, нанотехнологий, генной инженерии – все эти и множество других граней научно-технического прогресса облегчают людям жизнь, позволяют глубже понять природу, но в то же время чреваты новыми опасностями и бедами. Это объективная закономерность общественного развития, замкнутый круг, разорвать который ни в обозримом, ни в сколь угодно далеком будущем вряд ли станет возможным⁶.

Иного не дано

В связи с настоятельной необходимостью форсированного формирования постиндустриальной хозяйственной системы перед Россией возник ряд чрезвычайно сложных задач, решение которых требует иного, нового, методологического подхода. Нужно не повторять уже отвергнутые профессиональными сообществами страны идеи правительственной политики, представленные в предыдущих программах, например в качестве новой программы пра-

вительства на 2006–2008 гг., а творчески использовать опыт прошлого века, как свой собственный, так и зарубежный, и органично, эффективно «вписать» его в реальные возможности XXI в. Нельзя поступать так, как это делают либеральные реформаторы: вместо того чтобы ориентироваться на XXI в., на уже фактически сложившуюся в США и в странах Западной Европы постиндустриальную хозяйственную систему идеологи радикального либерализма все свои усилия, энергию, одержимость в меру своего невежества направляют на возрождение общественно-политических систем, ставших достоянием истории. Между тем необходимо вести поиск путей к сплочению и построению российского общества на основе постиндустриальной хозяйственной системы, формировать экономику информационного общества.

По нашему мнению, решающим критерием информационного общества является то, что информационные технологии позволили создать принципиально новую постиндустриальную хозяйственную систему, на основе которой и формируется информационное общество. Феномен этого общества состоит в том, что социально-экономический, научно-технический, культурный, нравственный прогресс человечества на данном этапе определяется его хозяйственной системой, располагающей целым спектром порой самых неожиданных возможностей. Прежде всего она диктует принципиально новую инвестиционную парадигму: в качестве инвестиций использовать знания и самые разнообразные формы образования. Можно располагать неограниченными финансовыми средствами, но они будут оставаться «мертвым грузом», бумажным хламом (как, например, стабилизационный фонд России). Эти деньги эффективно «заработают» лишь тогда, когда они будут вложены через науку и образование в человека, т.е. преобразованы в «интеллектуальный и человеческий капитал». Кстати, наука и образование, как известно, органически связаны: они друг без друга не могут не только развиваться, но и существовать. Об этом много раз было сказано. Все согласны. И всё же их противопоставление, а точнее разрыв единого процесса «исследование для обучения и обучение для исследования» происходит в нашем Отечестве постоянно и систематически. И делается это высокопоставленными чиновниками вплоть до правительства.

Информационная экономика, повторим в ином контексте, отличается от традиционной принципиально новыми инвестиционными и производственными парадигмами. А именно: к инвестициям следует относить и затраты на повышение творческого по-

тенциала человеческой личности, на поддержание ее способности эффективно участвовать в общественном производстве, т.е. инвестиционными по своей природе являются затраты на образование, науку, здравоохранение, на любые формы обучения и даже поддержание социальной стабильности в обществе. Наиболее ярким проявлением производственной парадигмы в информационной экономике является появление корпораций нового типа – креативных корпораций, роль и значение которых в ближайшей перспективе будет только возрастать.

Барьер между индустриальными и постиндустриальными странами, который надлежит России преодолеть, – это уровень технологического развития, «инфратехнологии». Именно с «инфратехнологии» следует начать процесс предстоящей модернизации всей хозяйственной системы России. Инфраструктура технологического развития имеет для России первостепенное значение. Только в процессе ее формирования Россия сможет преодолеть барьер на пути в информационное общество.

Россия продолжает оставаться между двумя эпохами: индустриальной и постиндустриальной. Чтобы покинуть индустриальную эпоху и войти в мир высоких технологий, России предстоит преодолеть и ряд институциональных барьеров. В связи с этим вызывает сожаление ликвидация Фонда развития информационного общества (ИО). За годы своего существования он подготовил ряд серьезных документов, в которых строительство ИО рассматривалось в качестве генеральной линии развития России. Вместо фонда создали «Институт современного развития». Само название несуразно, просто неграмотно. Создатели института забыли о том, что речь идет о развитии современного общества. Небрежность в грамматической форме привела к нелепому содержанию, «к идеологии радикального либерализма в псевдонаучной оболочке» (А. Селиванов), к идеологическим вывертам 1990-х годов.

«Вот уже второй год, – пишет А. Селиванов, – под грифом “Институт современного развития” (ИНСОР) выпускается публичный Доклад, подписываемый коллективом авторов, среди которых есть известные научные работники. Начнем с того, что авторы Доклада 2011 г. ставят читателя и политическое сообщество перед следующей альтернативой – либо существующая криминально-коррупционная клановая система власти в России (кстати, о такой характеристике власти в современной России говорят вслух не только представители научного и оппозиционно-полити-

ческого сообществ, но и руководители страны, включая В.В. Путина и Д.А. Медведева), либо “очищенный от скверны” радикально-либеральный путь развития, провозглашаемый авторами как единственно разумный выбор».

Более того, продолжает Александр Селиванов, «с научной точки зрения Доклады ИНСОП не представляют собой абсолютно никакого интереса, поскольку они лишь в некоторых своих аспектах выглядят как научные, используя отдельные общеизвестные факты, но при этом не только не порождают никакого нового знания (как основное требование, предъявляемое к науке), но даже не соблюдают принципов научной методологии, таких как фактическая доказательность и достаточность фактов, конкретность рассмотрения, системность и полнота, логическая стройность и др. Материал в целом – прекрасный образчик псевдонаучности, демонстрирующий использование научного антуража для иных целей. Делается все это, естественно, политически осознанно»⁷.

На этом мы закончим характеристику так называемой научной деятельности ИНСОРа. Тем более дальнейший ее анализ выходит за рамки нашего исследования.

В данный момент первоочередной задачей в России является повышение научной грамотности населения. Ученые выяснили, как относится общество к науке в целом в ряде стран. Извлечем из этого ряда только один интересный факт: в США с утверждением о бесполезности научных знаний в повседневной жизни согласны 15% опрошенных, а в России – 36%. Удручающий результат состоит в том, что именно россияне в наименьшей степени (последнее место в рейтинге из 34 стран) склонны считать, что наука способна изменить мир к лучшему⁸.

С таким рейтингом Россия никогда не решит чрезвычайно важную для нее проблему ментальности. После распада СССР единый советский менталитет, сформированный в условиях массового террора, рухнул. Теперь каждый этнос (народность, нация), класс, сословие обрели им только присущий менталитет. С такой ментальностью населения в стране трудно управлять государством. Формирование единого менталитета в информационном обществе РФ возможно только на базе высокой научной грамотности населения России.

Необходима разработка проблем, направленных на реализацию постоянно возникающих проблем политического характера, на осуществление международного сотрудничества и создание совместных экономических, социально-политических механизмов

ускоренного формирования информационного общества. Для пропаганды идей становления и развития глобального информационного общества необходимо использовать как СМИ, так и все государственные каналы телерадиовещания.

Подходящий момент отметить, что экономика традиционных отраслей хозяйства будет одновременно сосуществовать с информационной. В ходе информатизации общества она не исчезнет, а сохранится. Например, сельскохозяйственный сектор экономики или экономика ЖКХ, как и многие другие, на базе информационных технологий технически и организационно преобразуются, станут более эффективными. Информационную и традиционную экономики не следует противопоставлять. Они будут взаимодействовать и развиваться в рамках становления глобального информационного общества.

Информационно-технологическая деятельность является ключевой в описании общего состояния мировой экономики в ее сегодняшних координатах.

Информационное общество в течение предстоящего полувека по всем признакам трансформируется в социально-экономическую формацию, в рамках которой мировое научное сообщество обретет многоцелевые, междисциплинарные «исследовательско-технологические платформы» с уникальными мегаустановками мирового класса. Сегодня в мире их всего пять-шесть, а потребуются тысячи. Результаты исследований подобного рода научно-исследовательских структур послужат основой создания технологического базиса новой цивилизации.

Из вышеперечисленных признаков и основных тенденций развития, которыми уже сегодня располагает ИО, можно сделать обоснованный вывод: приблизительно в конце XXI в. будет сформировано глобальное информационное общество, а точнее – его контуры. Потребуется еще полвека, а может и больше, на преодоление этнических, конфессиональных, политических, социальных и иных противоречий, чтобы ИО трансформировалось в глобальное гражданское общество.

Примечания

- ¹ По наблюдению, в частности, Э. Тоффлера, в информационном обществе, или, как он его называет, «супериндустриальном» обществе, бюрократия «будет постепенно вытесняться... структурой холдингового типа, координирующей работу множества временных рабочих групп, возникающих и прекращающих свою деятельность в соответствии с темпом перемен в окружающей организации среде» (Toffler A. The adaptive corporation. – Aldershot: Gower, 1985. – P. 101).
- ² Цит. по: Stewart T. Intellectual capital. The new wealth of organizations. – N.Y.; L.: Doubleday / Currency, 1997. – P. 36.
- ³ Иноземцев В. К истории становления постиндустриальной хозяйственной системы (1973–2000) // Свободная мысль – XXI. – М., 1999. – № 7. – С. 22.
- ⁴ Иноземцев В. Указ. соч. – С. 24.
- ⁵ Иноземцев В. К истории становления постиндустриальной хозяйственной системы (1973–2000) // Свободная мысль – XXI. – М., 1999. – № 8. – С. 34.
- ⁶ См.: Авдулов А.Н., Кулькин А.М. Контуры информационного общества. – М., 2005. – С. 143–155.
- ⁷ Селиванов А. Доклады ИНСОП: Идеология радикального либерализма в псевдонаучной оболочке // Власть. – М., 2011. – № 6.
- ⁸ Не словом единым / Институт современного развития. – 09.06.2008. – Режим доступа: <http://www.insor-russia.ru/ru/press/984>

*А.М. Кулькин, «Наука в России: Процесс деградации
или перспективы ее возрождения?»
Монография, ИНИОН РАН,
М., 2015 г., с. 132–150.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

К. Насибуллов,

кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник

Центра исламоведческих исследований
Академии наук РТ

НАЧАЛЬНЫЙ СЕГМЕНТ МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИТОГИ МОНИТОРИНГА ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ КУРСОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Необходимость передачи верующим-неофитам основ религиозных знаний в соответствии с принятым религиозным канонами привела к формированию в составе религиозных конфессий особого института начального религиозного образования. Первичное обретение человеком веры является лишь начальным этапом его становления как члена религиозного сообщества. Именно религиозное образование приводит к систематическим изменениям в его убеждениях, установках, что, в конечном счете, обеспечивает формирование особого стиля жизни верующего человека. В исламе эта важнейшая роль закреплена в религиозных текстах, получение знаний об исламе воспринимается мусульманином как его религиозный долг. Причем значимость отдельного для мусульман религиозного образования усиливается в обществах, где мусульмане не являются большинством, а также на фоне религиозной дискриминации и исламофобии в государственных школах [11]. Получение базового религиозного образования позволяет верующему самоопределиваться среди иных религиозных групп, например в исламе – в принадлежности к суннизму, шиизму и т.д., в суннитском исламе – в своей принадлежности к тому или иному мазхабу (правовой школе).

В настоящее время значение начального сегмента религиозного образования для воспроизводства религиозных сообществ

в России еще более велико ввиду того, что на постсоветском пространстве межпоколенческие механизмы передачи религиозных знаний недостаточно оформлены. Нередко молодое поколение, выросшее в современной России, оказывается более компетентным в религиозных вопросах, нежели старшее поколение, чье мировоззрение формировалось под влиянием советской образовательной системы.

В Татарстане распространением начальных знаний об исламе занимаются местные религиозные организации, а в редких случаях и духовные образовательные организации – мусульманские медресе. Данная деятельность прихода у мусульман, как правило, именуется «воскресные курсы», «мектебы»¹, а чаще – «примечетские курсы» (в дальнейшем в статье для удобства будет использоваться этот термин). Таким образом, система начального религиозного мусульманского образования институционально существует отдельно от системы общего образования в государственных школах. Подобная система получения начальных знаний о религии принята в России, за рубежом существует опыт совмещения в рамках одного учебного заведения (частной школы) и одной образовательной программы общего (так называемого светского) образования и адаптированного блока религиозных знаний [6]. Подобный подход предполагает обучение основам религии детей и подростков, в то время как примечетские курсы ведут работу со всеми слоями мусульманского сообщества.

Проблема соотношения так называемого светского общего образования и религиозного мусульманского образования является весьма дискуссионной, особенно для поликультурных обществ, в которых мусульманское население является меньшинством. Например, в Великобритании ведется масштабная дискуссия о статусе мусульманских религиозных школ и возможности их государственного финансирования [8; 9; 10; 12; 13; 14].

Если рассматривать в целом, система религиозного мусульманского образования Татарстана состоит из трех основных сегментов: начальное религиозное образование (примечетские курсы); среднее профессиональное религиозное образование (реализуется на базе мусульманских медресе, осуществляет подготовку профессиональных религиозных служителей); высшее профессиональное религиозное образование (реализуется на базе единственного в Татарстане исламского вуза – Казанского ислам-

¹ В переводе с татарского языка – «школа».

ского университета, осуществляет подготовку профессиональных религиозных служителей более высокого уровня). Начальный сегмент мусульманского образования в Татарстане по всем параметрам является наиболее массовым (см. табл. 1).

Таблица 1

Сегменты мусульманского образования в Татарстане

Высшее профессиональное религиозное мусульманское образование	Среднее профессиональное религиозное мусульманское образование (медресе)	Начальное религиозное образование (примечетские курсы)
Количество исламских вузов: 1	Количество медресе в Татарстане: 9	Около 270 примечетских курсов
Общее количество обучающихся в год: около 300 человек	Общее количество обучающихся в год: около 3 тыс. человек	Общее количество обучающихся в год: 14–15 тыс. человек
Количество преподавателей: до 60 человек	Количество преподавателей: около 100 человек	Количество преподавателей: 500–550 человек

К сожалению, в настоящее время именно начальный сегмент мусульманского образования является наименее изученным. В то время как в Татарстане регулярно проводятся исследования современного состояния мусульманского профессионального образования и его влияния на социализацию мусульман [9; 10], сколько-нибудь значительные и актуальные исследования примечетских курсов отсутствуют. Имеющиеся исследования, как правило, описывают процессы становления начального сегмента мусульманского образования в историческом аспекте (Ермолов В.А. [1], Королева Л.А. [2] и др.). Другая крупнейшая образовательная система профессионального мусульманского образования (медресе, исламские университеты) на Северном Кавказе также достаточно хорошо исследована, при этом степень изученности состояния начального сегмента невысокая, преобладает исторический подход, как, например, в работе А.А. Ярлыкапова [5].

Учитывая массовый характер и огромное влияние, которое начальное мусульманское образование оказывает на умы мусульман, трудно объяснить, чем же вызвано столь явное пренебрежение. Зарубежные исследователи уделяют этому вопросу значительное внимание, широко обсуждаются вопросы мусульманского образования в контексте мультикультурализма. Так, исследователь из Австралии Я. Хассен убеждает в важности изучения мусуль-

манских школ с точки зрения гармонизации поликультурного общества и обеспечения национальной безопасности (притом что численность мусульманского населения в Австралии, по его же данным, составляет всего 2,2% от общего числа жителей) [7].

В России религиозное мусульманское образование в настоящее время превратилось в поле идеологической борьбы между официально признанными (традиционными) и оппозиционными (нетрадиционными) религиозными течениями. Данное суждение в полной мере можно отнести и к системе мусульманского образования Республики Татарстан.

В Татарстане долгое время система начального религиозного мусульманского образования развивалась стихийно, отсутствовал какой-либо централизованный контроль со стороны Духовного управления мусульман Республики Татарстан (далее – ДУМ РТ), в чем признавались и сами руководители централизованной религиозной организации¹.

Этой «свободой вероисповедания» под эгидой централизованной религиозной организации, согласно уставу следующей ханафитскому мазхабу, не преминули воспользоваться проповедники нетрадиционных для региона религиозных учений. Таким образом, недостаток контроля за сферой религиозного образования в итоге обернулся для ДУМ РТ частичной потерей «идеологического суверенитета» ханафитского мазхаба суннитского ислама на территории республики.

Очевидно, что при должном централизованном контроле и необходимой учебно-методической поддержке примечетские курсы могут стать эффективным орудием противодействия распространению нетрадиционных религиозных идей в массовом сознании мусульман. Как показало проведенное исследование, большинство мусульман (до 95% в зависимости от района республики), получив базовые знания на примечетских курсах, больше никогда не возвращается к обучению в системе религиозного образования, продолжая лишь в той или иной мере самообразование. Поэтому насколько «миролюбивым» окажется в дальнейшем

¹ Как отмечал Валиулла-хазрат Якупов, «впервые за 20 лет возрождения ислама в республике стали уделять внимание начальному мусульманскому образованию» (цит. по: «Верующих наставят на верный путь. В Татарстане берут под контроль начальное мусульманское образование» // Коммерсант.ru, Волга-Урал, Казань от 28.09.2011).

мировоззрение неопита, во многом зависит от установки, которую он получает от преподавателя примечетских курсов.

Руководство ДУМ РТ поздно осознало необходимость повышения авторитетности примечетских курсов и создания механизмов управления в этой сфере. Лишь с 2011 г. в Татарстане стали регулярно проводиться масштабные мероприятия для преподавателей примечетских курсов – республиканские конференции и курсы повышения квалификации, круглые столы, начала публиковаться и распространяться единая учебно-методическая литература (учебные программы, рабочие тетради, учебные пособия).

Значимость примечетских курсов в деле обеспечения общественной безопасности стала осознаваться и на уровне силовых ведомств республики¹. В этой связи вопрос понимания механизмов функционирования того или иного явления становится обязательным условием эффективного управления им со стороны государственного аппарата. К сожалению, следует констатировать, что уровень понимания проблем мусульманского образования у государственных управленцев в России остается невысоким, что получает свое отражение при реализации тех или иных законодательных инициатив. Как показывает свежий опыт, непонимание специфики мусульманского образования приводит к принятию решений, которые могут иметь самые серьезные негативные последствия².

¹ В Татарстане назрела необходимость провести аттестацию преподавателей курсов при мечетях. Как отметил на заседании Совета безопасности его секретарь Валерий Власов, «Татарстан всегда славился своим межконфессиональным согласием... Наши усилия сохранить и усилить влияние традиционного ислама не всегда могут противостоять радикальным течениям ислама, которые в последнее время наблюдаются на нашей территории». Особое внимание, по его мнению, необходимо уделять эффективности работы системы мусульманского образования. «Участие государства в процессе позволит существенно повысить интеллектуальный и культурный уровень священнослужителей, очень важны единые образовательные стандарты» (цит. по: «В Татарстане планируют повысить уровень исламских курсов при мечетях» // РБК-Татарстан от 20.06.2014).

² В настоящее время в России принят и начал действовать Федеральный закон об образовании в РФ (от 29 декабря 2012 г.), который существенно изменил принципы и методы регулирования в сфере религиозного образования. Согласно Закону, любая образовательная деятельность подлежит лицензированию, в то время как ранее лицензированию подлежала образовательная деятельность, которая заканчивалась аттестацией. Вопрос лицензирования решается исходя из наличия в образовательной деятельности признаков, указанных в федеральном законе. В Татарстане после принятия вышеуказанного федерального закона

Одной из причин недостаточности объективной информации об особенностях системы мусульманского образования является низкая исследовательская активность специалистов, занимающихся изучением мусульманского образования. Публикация настоящей статьи направлена на заполнение имеющегося пробела: в ней отражены основные результаты масштабного мониторингового исследования примечетских курсов в Республике Татарстан, проведенного в 2013 г. Центром исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан при сотрудничестве с ДУМ РТ.

Исследование состояло из двух основных этапов. На первом этапе (май–август 2013 г.) были собраны статистические данные о начальном сегменте мусульманского образования, проанализированы возрастные, гендерные и другие особенности контингента обучающихся и преподавателей, некоторые параметры образовательных программ. При планировании дальнейшего хода исследования были применены принципы бенчмаркинга, т.е. изучения лучших практик. На втором этапе (сентябрь–ноябрь 2013 г.) были отобраны наиболее успешные и эффективные примеры организации примечетских курсов, в которых проводились глубинные интервью с руководителями, организаторами, преподавателями, обучающимися. Глубинные интервью включали в себя изучение:

- социальных характеристик (пол, возраст, образование);
- ключевых целей начального религиозного образования;
- эффективных практик привлечения слушателей;
- эффективных практик преподавания религиозных знаний;
- эффективных практик организации обучения и воспитания, ведения методической документации;

прокуратурой летом 2014 г. начаты систематические проверки деятельности примечетских курсов. В ряде случаев было зафиксировано ведение образовательной деятельности без соответствующей лицензии, даны указания устранить нарушения. По факту это означает либо лицензирование образовательной деятельности, либо ее прекращение. Государственные требования, выдвигаемые при лицензировании образовательной деятельности, достаточно строги, так что большая часть местных религиозных организаций в настоящий момент неспособна им соответствовать. Так, во многих мечетях обучение шакирдов до сих пор ведется прямо на полу молельных комнат. Таким образом, при излишне строгом контроле силовых ведомств деятельность значительной части примечетских курсов может совсем уйти из публичной сферы. Последствия такой «подпольной» образовательной деятельности на фоне «очередных гонений на мусульман в России» (уже имеются подобные интерпретации Закона среди мусульман Татарстана) несложно предугадать.

– основных проблем начального религиозного мусульманского образования и возможных путей их решения.

Всего было изучено восемь мусульманских религиозных организаций: изучались примечетские курсы, осуществляющие свою деятельность как в крупных и средних городах, так и в районных центрах, в сельской местности.

Основные параметры начального сегмента религиозного мусульманского образования в Республике Татарстан. В настоящее время около 20% приходов Татарстана реализуют примечетские курсы (около 270 примечетских курсов). В среднем, в каждом из этих приходов обучается порядка 43 человек, хотя наполняемость курсов существенно различается по районам. Общее количество обучающихся на примечетских курсах по Татарстану составляет не менее 15 тыс. человек в год.

В контингенте обучающихся преобладают совершеннолетние (около 72%). На примечетских курсах обучаются в основном совершеннолетние представительницы женского пола (74%), мужчины составляют лишь четверть от общего числа обучающихся. Соотношение мальчиков (44%) и девочек (56%) на примечетских курсах в целом незначительно отличается от соотношения в генеральной совокупности.

Примечетские курсы, как правило, работают в течение года, за исключением летних месяцев. Подавляющее большинство курсов (91%) начинает свою деятельность в октябре, некоторая часть – в сентябре, и незначительная оставшаяся часть – в ноябре. Большинство примечетских курсов завершает свое обучение в мае (64%), значительная часть (31%) – в апреле и только небольшая часть – в марте. В среднем продолжительность работы примечетских курсов составляет 7–8 месяцев в году (91% от числа всех курсов). Число дней обучения в неделю на примечетских курсах не превышает 1–2 дней (70% от числа всех курсов). Вместе с тем имеется статистически значимое число курсов (6%), которые ведут занятия ежедневно. Также распространены курсы, которые обучают по 3–4 дня в неделю (17%).

На примечетских курсах Татарстана, как правило, преподаются дисциплины, рекомендуемые программой трехгодичных примечетских курсов ДУМ РТ (на татарском языке): «Әдәп-әхлак», «Гакыйдә», «Тәжвид», «Коръән», «Фикъһе», «Сира», «Гарәп теленә башлангыч курсы». По большей части расписание курсов включает в себя дисциплины, предложенные в вышеуказанной программе. Также выявились дисциплины, которые

не учтены в программе ДУМ РТ: «Основы ислама», «История ислама» и «Старотатарский язык».

Общий список литературы, используемой на примечетских курсах в РТ, включает в себя 34 издания, из них 16 книг рекомендованы трехгодичной программой для примечетских курсов ДУМ РТ. Таким образом, более 50% литературы избирается преподавателями примечетских курсов самостоятельно вне предложенного списка ДУМ РТ.

Общее количество преподавателей примечетских курсов в Татарстане составляет не менее 550 человек. Среди преподавателей больше лиц мужского пола (52%). По-видимому, это связано с тем, что преподавателями нередко являются сами руководители приходов – имам-хатыйбы (62% от общего числа преподавателей-мужчин), которые по мусульманской традиции – мужчины.

Среди преподавателей преобладают люди пожилого возраста (41%), далее следуют преподаватели зрелого возраста (36%) и молодые преподаватели (17%), менее всего преподавателей старческого возраста (6%). Значительное число преподавателей начинает заниматься преподаванием на примечетских курсах после выхода на пенсию, в свободное от работы время, находя в этой деятельности новую нишу для личной самореализации. Также достаточно много преподавателей от 20 до 40 лет (34%) – в возрасте молодости и ранней зрелости. Наименьшее количество преподавателей от 40 до 55 лет (17%) – средняя и поздняя зрелость.

Половозрастные особенности контингента женщин-преподавателей и мужчин-преподавателей существенно различаются. Среди мужчин-преподавателей преобладают люди от 20 до 40 лет (56%), т.е. возраста молодости и ранней зрелости, а среди женщин-преподавателей – от 55 до 75 лет (62%), т.е. люди пожилого возраста. Данные представлены на графике 1.

В данном случае можно говорить о наличии двух поколений преподавателей, которые определяют атмосферу и направленность курсов.

Для большинства преподавателей-мужчин выбор преподавательской деятельности неразрывно связан с их основной профессиональной деятельностью в качестве имам-хатыйба. У женщин-преподавателей ситуация принципиально иная. Ввиду особенностей мусульманской религии женщина не может быть руководителем мусульманской общины, и поэтому ее карьера в качестве религиозного служителя исключена. Отсюда следует, что преподавание на примечетских курсах и в медресе – это одна

из немногих ниш, где женщина может реализовать себя профессионально в религиозной сфере. Деятельность женщин-преподавателей обусловлена, как правило, альтруистическими мотивами служения общине и также общественного признания. Не менее 73% преподавателей имеют профессиональное религиозное мусульманское образование. Среди преподавателей примечетских курсов достаточно значимая доля лиц с высшим светским образованием (28%), определенная часть преподавателей (15%) имеет специализированное (высшее или среднее профессиональное) педагогическое образование.

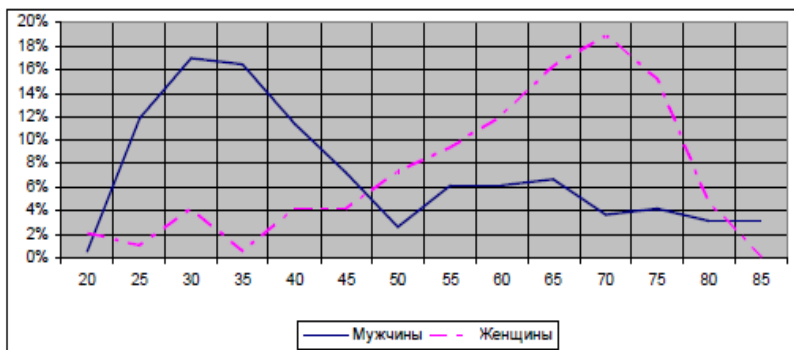

График 1

На особенности образовательной программы и организации примечетских курсов оказывает существенное влияние «вписанность» в общую систему мусульманского образования региона: то есть при анализе деятельности конкретных примечетских курсов необходимо учитывать влияние работающих в регионе «конкурирующих» примечетских курсов и медресе. Примечетские курсы удовлетворяют потребности верующих-мусульман в базовых знаниях о религии, подобную же деятельность осуществляют и специальные образовательные организации – медресе. Это относится к так называемым начальным медресе (например, в Татарстане подобную деятельность ведет Мамадышское медресе). Большинство же медресе осуществляет подготовку имам-хатыйбов, дает профессиональное образование, которое характеризуется намного более углубленными и основательными знаниями по исламским наукам и арабскому языку. Если обобщить формальные характеристики медресе и примечетских курсов с точки зрения их функ-

ционирования как образовательных систем, то можно выделить ряд существенных параметров, которые их различают.

Таблица 2

Медресе	Примечетские курсы
Обучение осуществляется в специализированной образовательной организации с оборудованными учебными аудиториями, необходимым количеством учебной литературы, подготовленных преподавателей	Обучение, как правило, осуществляется в мечети, наличие оборудованных учебных помещений, учебной литературы и соответствующих кадров зависит от ресурсов местной религиозной общины
При успешном завершении обучения выдается документ об образовании собственного образца ДУМ РТ с присвоением квалификации	Документ об образовании не выдается
Установлены сроки начала и завершения обучения, нормативный срок обучения	Сроки обучения могут изменяться по решению прихода
Посещение обязательное, движение контингента регулируется приказами о зачислении, отчислении, переводе с курса на курс	Посещение занятий добровольное, зависит от желания и возможностей слушателя
Качество образования достаточно стабильное, высокое	Качество образования невысокое, сильно зависит от ресурсов местной религиозной общины
Результат подготовки – профессиональный священнослужитель – имам-хатыйб, для женщин – преподаватель основ ислама, исламских наук, арабского языка	Квалификация не присваивается, учащийся получает начальные знания о религии
Обязательные аттестационные испытания (экзамены, зачеты)	Аттестация не проводится, практикуется самопроверка знаний

Таким образом, мусульманин в зависимости от своих потребностей в религиозных знаниях, материальных возможностей, наличия свободного времени и т.п. может выбрать оптимальный способ получения религиозных знаний. Кроме представленных объективных формальных характеристик, опрошенные нами слушатели примечетских курсов дали собственные оценки привлекательности той или иной формы получения религиозных знаний. Сравнительные характеристики обучения в медресе и на примечетских курсах с учетом мнения респондентов представлены выше (см. табл. 2).

Преимущества обучения в медресе: более глубокие знания по религиозным наукам / арабскому языку; получение документа об образовании по завершении обучения и возможность трудоустройства в системе духовных управлений мусульман; высококвалифицированные преподаватели; наличие условий для образования (оборудованные аудитории, библиотека и т.д.).

Недостатки: для жителей сельских районов – необходимость ехать в город, находить временное жилье, что связано со значительными материальными и временными издержками; строгий контроль посещения занятий – при пропуске занятий студента отчисляют из учебного заведения; занятия проходят не всегда в удобное для обучающегося время, при очном и заочном обучении требуется отрываться от работы на длительное время.

Преимущества обучения на примечетских курсах: доступное территориальное расположение (как правило, недалеко от места проживания, часто в приходе, где мусульманин совершает молитвы); удобное время обучения – как правило, организаторы примечетских курсов максимально идут навстречу пожеланиям слушателей в определении времени обучения, например большинство курсов работает в выходные дни, для работающих и студентов обучение организуется в вечернее время; свободное посещение занятий, за непосещение слушателя не отчисляют с курсов; наличие особой доброжелательной атмосферы, индивидуальный подход к обучающемуся, заинтересованность в его успехах не только в плане освоения образовательной программы, но и в том, как стать настоящим мусульманином; обеспечение дополнительных форм досуга (регулярные чаепития, кружки и т.п.). Особенно это заметно в приходах, расположенных в сельской местности и небольших поселках.

Недостатки: более низкая компетенция преподавателей, недостаточное знание преподавателями арабского языка; нередко в мечети недостаточно оборудованных учебных аудиторий; однообразная повторяющаяся программа, которая не удовлетворяет мусульман с более широкими образовательными потребностями; преобладают пожилые преподаватели, которые мало привлекают молодых мусульман из-за незнания актуальных для них проблем.

Для привлечения слушателей активно используются социальные связи обучающихся: дружеские связи – нередко уже посещающий курсы верующий приводит своих друзей / подруг; межпоколенные и семейные связи – также типичный путь привлечения на курсы, когда пожилая слушательница привлекает на курсы

своих детей и внуков. Ряд опрошенных подтвердили значимую роль пожилых членов семьи в первичном вовлечении их в религию. Помимо этого информация о курсах доводится в мечети во время регулярных ритуалов (намазов, ифтаров), путем размещения рекламы и т.д.

Менее всего примечетские курсы востребованы у подростков, юношей и мужчин периода ранней зрелости (до 35 лет). На эту особенность указывали многие организаторы примечетских курсов. Причинами непопулярности опрошенные считают: высокую занятость (работа, учеба в вузе); отсутствие молодых преподавателей-мужчин, которые могли бы привлечь на курсы; низкая религиозность данной возрастной группы, нежелание избавиться от вредных привычек (употребление алкоголя, курение); наличие в сети Интернет значительного объема информации об исламе, из-за чего молодые мусульмане обучаются самостоятельно.

На примечетских курсах обучаются лица самых разных социальных слоев, возрастов (начиная с дошкольного и заканчивая старческим), с разными образовательными потребностями и возможностями, что требует особой гибкости от организаторов курсов и преподавателей. Организаторы успешных примечетских курсов стараются в своей деятельности максимально учесть особенности потребителей образовательных услуг. На примечетских курсах в Татарстане, как правило, обучаются татары, имеется определенное небольшое число русских, принявших ислам, и представителей иных национальностей, традиционно исповедующих ислам. В городах республики, а также среди молодых мусульман преобладают люди, основным языком общения для которых является русский, для них обучение ведется на русском языке. В сельских районах обучение ведется в основном на татарском языке, так же, как в городах в группах, в которых обучаются пожилые люди.

Большинство примечетских курсов практикует раздельное обучение мужчин и женщин, раздельное обучение детей практикуется несколько реже. Некоторые организаторы курсов объясняют это разделение наличием в исламе особых тем (связанных с совершением обрядов, интимной жизнью и пр.), которые проще объяснять лицу своего пола. Разделение обусловлено также большим количеством обучающихся женщин.

Практикуется разделение групп обучающихся по возрастам: 1) дети; 2) молодые люди (в среднем до 35–40 лет); 3) зрелые и пожилые люди, старики. Деление на группы зависит от количества обучающихся и наличия преподавателя соответствующего возраста

(эти факторы взаимосвязаны). Организаторы курсов и преподаватели отмечают, что преподаватель должен быть близкого возраста и желательно одного пола с обучаемыми. Считается, что для детей и подростков лучше подходят молодые люди и лица ранней и средней зрелости: им легче понять интересы детей и увлечь их. С пожилыми людьми лучше работают пожилые, так как имеют сходный жизненный опыт и интересы. В зависимости от наполняемости курсов практикуется и более дробное деление: например, в приходе Центральной мечети г. Нижнекамска выделяют группы детей 7–8 лет, 9–10 лет, 11–15 лет.

Для привлечения несовершеннолетних повсеместно проводятся так называемые летние лагеря. Как правило, это выезды на несколько дней или на 1–2 недели в деревню, во время которых обучение религии сочетается с досугом и отдыхом. Так как мотивация к изучению религии у детей неустойчива, многие преподаватели и организаторы отмечают необходимость разными способами стимулировать интерес у детей. Для этого обучение проводится в максимально доступной и интересной для детей форме, с включением игровых элементов, рисования и т.д. Также преподаватели рекомендуют практику совместных с детьми выездов на экскурсии, занятий спортом, творчеством и т.д. Для маленьких детей организуются детские клубы, в которых участвуют также родители, без формализованной образовательной программы. В них дети получают первые сведения об исламе, рисуют, общаются, играют.

Для пожилых людей и обучающихся старческого возраста изучение религии объясняется приближением смерти, осознанием значимых смысложизненных вопросов. Обращение к религии в пожилом возрасте стало своеобразной культурной традицией и даже нормой у поволжских татар. Поэтому столь велико на курсах число обучающихся пожилого возраста, которых помимо прочего привлекает общение со сверстниками. Организаторы курсов, учитывая потребности обучающихся, проводят регулярные совместные чаепития, посиделки и т.д., превращая посещение курсов в своеобразный клуб по интересам.

Преподаватели также варьируют методику преподавания в зависимости от возраста обучающихся. Отмечается, что пожилые люди осваивают программу дольше, чем молодые, вместе с тем они обладают большим количеством свободного времени и более ответственно относятся к посещению занятий.

Примечетские курсы удовлетворяют базовые потребности верующих в религиозных знаниях. Как уже было отмечено выше, ДУМ РТ разработало и рекомендовало стандартную программу для примечетских курсов. В основном приходы следуют ей, хотя нередко ее варьируют в зависимости от особенностей аудитории (например, упрощают для пожилых людей и детей), предпочтений самого преподавателя и наличия соответствующей литературы. После освоения программы некоторые мусульмане изучают ее снова (особенно пожилые люди) для поддержания уровня религиозных знаний, а также для того, чтобы остаться в привлекающей их среде общения.

Как правило, после изучения стандартной образовательной программы организаторы курсов направляют слушателей для дальнейшего изучения религии в медресе. Однако не все готовы поступать в медресе или исламский вуз, и нередко у прихожан есть потребность продолжить изучение отдельных исламских наук / арабского языка в рамках примечетских курсов. Активные приходы предоставляют верующим такую возможность, подыскивая опытных преподавателей для более углубленной подготовки. Такие образовательные программы длятся от одного года до нескольких лет. Примеры дополнительных образовательных программ: углубленное изучение Корана; углубленное изучение арабского языка; углубленное изучение фикха (мусульманского права).

В приходе Центральной мечети г. Нижнекамска имеется интересный опыт модульных сокращенных курсов – организуются курсы продолжительностью несколько месяцев для изучения одной из основополагающих тем, например намаза. Такие модули рассчитаны на работающих людей, которые не могут найти время, чтобы посещать курсы постоянно в течение нескольких лет. Модульный принцип позволяет им мобилизоваться и выделить время для регулярных занятий по изучению одной важной темы.

После обучения на примечетских курсах лишь небольшая часть слушателей поступает для дальнейшего обучения в медресе; в приходах статистика поступления не ведется, примерный процент, который назывался опрошенными: от 1–2 до 5–7%. Многие из выпускников медресе в дальнейшем становятся преподавателями на примечетских курсах. Таким образом, примечетские курсы не следует рассматривать как определенную ступень образования, которая массово готовит абитуриентов для медресе. У примечетских курсов особая миссия в системе мусульманского образова-

ния: обучение основной массы мусульманского сообщества – обычных верующих.

Открытие примечетских курсов – это, как правило, инициатива местной религиозной общины. Руководителем данных курсов в большинстве случаев является имам-хатыйб. Он может сам заниматься организацией курсов, но чаще назначает ответственного – организатора, завуча. Имам-хатыйб осуществляет общий контроль за работой курсов, выделением комнат в мечети, также он контролирует содержание учебных программ на соответствие требованиям ДУМ РТ. Имам-хатыйб также делает объявления на пятничных молитвах и других мероприятиях в мечети о сроках проведения курсов, их содержании.

Посещение курсов добровольное, никаких приказов о зачислении и отчислении не предусмотрено, документ об образовании не выдается, между тем многие преподаватели сами ведут учебно-методическую документацию. Так как ряд преподавателей имеет светское педагогическое образование и опыт работы в школе, они используют методику преподавания, заимствованную в школьной системе. Они сами обеспечивают посещаемость своих занятий. Тем не менее, как отмечают преподаватели, со временем происходит отсев слушателей (в среднем от 10 до 30%), хотя некоторые преподаватели отмечают и «нулевой» отсев¹. Образовательная программа на примечетских курсах осваивается учебной группой в среднем за два или три года, реже – за один год. На большинстве примечетских курсов обучение в одной группе ведет один преподаватель. Он должен иметь достаточно универсальные знания по базовым религиозным предметам. Такой подход к преподаванию существенно отличается от методики преподавания в медресе. Так, руководитель и преподаватель курсов в одном из приходов г. Казани, до этого много лет преподававший в медресе «Мухаммадия», отметил, что столкнулся в первое время с определенными трудностями, когда приходилось самому определять объем знаний по каждой из исламских наук. Сложность для него состояла в ограниченности времени обучения: как выбрать самое необходимое из всего массива знаний об исламе, не рискуя упустить что-то существенное? Преподаватель примечетских курсов должен сам регулировать объем и скорость изучения тем, в то время как в медресе эти вопросы, как правило, регулирует учебная часть.

¹ Не следует забывать, что речь идет о наиболее успешно функционирующих примечетских курсах, на большинстве курсов отсев слушателей выше.

Имеются различия в расстановке приоритетов при изучении религиозных наук: одни преподаватели в начале обучения отдают предпочтение обучению Акыйды (мусульманского вероубеждения) для того, чтобы объяснить смысл ритуалов; другие, напротив, в первую очередь стремятся привить правильные нормы поведения, ношения одежды, выполнения основных ритуалов (намаза (молитвы), тахарата (омовения) и др.), а лишь затем постепенно переходят к мировоззренческим вопросам. Организаторы большинства примечетских курсов отмечали, что особых сложностей в привлечении преподавателей нет, и при желании всегда можно найти кандидата (даже в сельских районах). Как правило, преподаватели – это обучившиеся в медресе Татарстана по заочной или вечерней форме. Значительная часть преподавателей обучалась в казанском медресе «Мухаммадия», и использует для преподавания ту же учебную литературу, что и в этом медресе.

Определенные сложности имеются с привлечением молодых преподавателей-мужчин. Организаторы полагают, что такому преподавателю легче привлечь молодежь для обучения на курсах и найти общий язык с мальчиками, которые приходят учиться. Как правило, привлекаются студенты очных отделений медресе, молодые имамы.

Преподаватели обычно обучают в свободное от работы или других дел время. На большинстве примечетских курсов работа преподавателей не имеет фиксированной оплаты. Лишь на некоторых с обучающихся взимают плату, и преподаватели получают почасовую оплату, но это скорее исключение, чем правило. Оплата необходима преподавателям, которые не имеют иных доходов, но таких сравнительно немного. Взимание фиксированной платы с обучающихся оказалось достаточно сложным делом для организаторов курсов, так как это негативно воспринималось как слушателями, так и многими из преподавателей.

У руководителей и организаторов примечетских курсов возникают противоречия при определении сущности преподавательской деятельности: является ли это работой, которая должна финансово вознаграждаться, или же это особая форма религиозного подвижничества. Учитывая очень небольшой размер оплаты за преподавание в приходах, где это все-таки предусмотрено, следует рассматривать ее скорее как некую компенсацию трудовых затрат, чем полноценную конкурентную зарплату. Поэтому преподавательская деятельность в рамках примечетских курсов – в большей степени подвижничество и особое личное рвение мусульманина в выпол-

нении религиозного долга по распространению религии (согласно вероубеждению мусульман).

Ключевой проблемой организации примечетских курсов является обеспечение их учебными аудиториями. В большинстве приходов обучение осуществляется в помещении для богослужений. В отдельных приходах обучение проводится в специально отведенных для этого комнатах, ряд приходов имеет специально выстроенные учебные здания. Аудитории, если они есть, оборудованы, как правило, стандартными школьными партами, из средств обучения присутствуют доска, мел. Современные технические средства имеются в наличии крайне редко. Основная задача, которую перед собой ставят преподаватели и организаторы примечетских курсов, состоит не только в передаче религиозных знаний. За процессом образования ими видится более масштабная цель – вовлечение слабоверующих в религию, укрепление в религии верующих мусульман и в итоге – расширение мусульманского общества. Как следствие, преподаватели курсов оказывают слушателям всестороннюю поддержку в деле вхождения в религию, в правильном выполнении ими религиозных обрядов. Например, они консультируют, как заново выстраивать отношения с близкими, с работодателем и коллегами, чтобы не разрушить их с учетом изменившегося мировоззрения верующего, как перестраивать свой жизненный уклад с учетом требований религии и т.д. Тем самым они способствуют реинтеграции верующего в окружающий его социум с учетом изменений, которые требует от верующего ислам.

В случаях, когда преподаватели ограничивали свою деятельность только обучением и не выполняли воспитательной и религиозно-просветительной функции, обучающиеся указывали на это как на существенный недостаток курсов. Слушателями подчеркивалась необходимость более широкого обсуждения текущих вопросов с привлечением имам-хатыйба, советов старейшин. Значение мусульманских религиозных школ в поликультурном обществе для формирования позитивной религиозной идентичности подтверждается и западными исследователями. К примеру, И. Хассен подчеркивает ведущую роль религиозного образования в конструировании мусульманской идентичности (на примере Австралии) [7].

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что верующие видят в примечетских курсах не только и не столько качественную образовательную программу, но скорее способ, которым местная религиозная община помогает им стать

настоящими мусульманами (интересно, что аналогичная позиция высказывалась интервьюируемыми преподавателями британских мусульманских школ [14, с. 652]). Поэтому определение деятельности примечетских курсов единственно как обучения основам религии следует считать ограниченным. Более верным будет суждение, что примечетские курсы осуществляют воспитательную и религиозно-просветительскую деятельность, обучение же играет в этом процессе подчиненную роль.

Литература

1. Ермолов В.А. Особенности системы образования в национальных школах Российской империи: Мусульманские и еврейские школы // Общество. Среда. Развитие («ТЕРРА ХУМАНА»). – 2009. – № 4. – С. 100–109.
2. Королева Л.А., Королев А.А., Гринцов Д.М. Некоторые аспекты складывания системы татарско-мусульманского образования и просвещения в постсоветский период (по материалам Поволжья России) // Психология, социология и педагогика. – 2012. – № 9 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psychology.snauka.ru/2012/09/1021>
3. Мусульманское образование в Татарстане: История, современное состояние и инновационные процессы: цикл статей. – Казань: Иман, 2012. – 120 с.
4. Мухаметшин Р.М., Гарипов Я.З., Нуруллина Р.В. Молодые мусульмане Татарстана: Идентичность и социализация. – М.: Академия, 2012. – 150 с.
5. Ярлыкпавов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и в настоящем // Вестник Евразии. – 2003. – Вып. 2. – С. 5–31.
6. Berglund J. Global questions in the classroom: the formulation of Islamic Religious Education at Muslim schools in Sweden // Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education. – October 2011. – Vol. 32, N 4. – Pp. 497–512.
7. Hassen Y. Making Muslims: The Politics of Religious Identity Construction and Victoria's Islamic Schools // Islam and Christian – Muslim Relations. – 2013. – Vol. 24, N 4. – Pp. 501–517.
8. Hewer C. Schools for Muslim // Oxford Review of Education. – 2001. – Vol. 27, N 4. – Pp. 515–527.
9. Hills P.M. A Normative Approach to the Legitimacy of Muslim Schools in Multi-cultural Britain // British Journal of Educational Studies. – 26 Jan. 2015. – Pp. 1–18.
10. Meer N. Muslim Schools in Britain: Challenging mobilisations or logical developments? // Asia Pacific Journal of Education. – March 2007. – Vol. 27, N 1. – Pp. 55–71.
11. Shah S. Islamic Education and the UK Muslims: Options and Expectations in a Context of Multi-locality // Studies in Philosophy and Education. – 2014. – Vol. 33. Issue 3. – Pp. 233–249.
12. Shah S. Muslim schools in secular societies: Persistence or resistance! British Journal of Religious Education. – January 2012. – Vol. 34, N 1. – Pp. 51–65.

13. Tinker C. Rights, social cohesion and identity: Arguments for and against state-funded Muslim schools in Britain // Race Ethnicity and Education. – December 2009. – Vol. 12, N 4. – Pp. 539–553.
14. Tinker C., Smart A. Constructions of collective Muslim identity by advocates of Muslim schools in Britain // Ethnic and Racial Studies. – April 2012. Vol. 35, N 4. – Pp. 643–663.

«Исламоведение», Махачкала, 2015 г., № 1, с. 29–42.

Е. Сытых,

кандидат культурологии,
научный сотрудник Челябинского регионального
информационно-аналитического центра РИСИ

УГРОЗЫ ИСЛАМИЗМА В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Челябинская область – развитый промышленный центр, обладающий большим культурным и человеческим потенциалом. Кроме того, территория области, будучи перекрестком многих транспортных путей, имеет значение и с геополитической точки зрения. Кроме того, Челябинская область – один из наиболее многонациональных регионов Российской Федерации. На ее территории проживают представители более 130 национальностей и этнических групп. Национальная политика в регионе признается специалистами достаточно успешной. Конфликты, возникающие на этнической и религиозной почве, носят лишь спорадический характер.

В этой обстановке наличие предпосылок для возникновения этнического конфликта, а также угроза экстремизма в Челябинской области признаются немногими экспертами и общественными деятелями. Занимаясь данным вопросом на протяжении десяти лет и посещая конференции и другие мероприятия, посвященные данной проблематике, автор наталкивался на скепсис относительно актуальности данного вопроса. Многим представляется, что если проблема не стоит так остро, как, например, в Южном федеральном округе, о ней и не стоит говорить.

Вместе с тем данные, полученные в процессе изучения проблемы экстремизма в Челябинской области вообще и радикального исламизма в частности, позволяют заключить, что наи-

более острые конфликты порождаются экстремистскими течениями ислама, привносимыми в область извне.

Сказанное позволяет обрисовать проблему: наличие в Челябинской области экстремистской угрозы и слабое осознание общественностью этих факторов.

Конкретные факты свидетельствуют, что на протяжении последних десяти лет в Челябинской области набирает обороты деятельность таких экстремистских течений, как ваххабизм и «Хизб ут-Тахрир аль Ислами».

Благодатной почвой распространения радикального исламизма, в том числе в Челябинской области, стал раскол в российском исламе. На роль главенствующего среди российских мусульман претендуют несколько центров: Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ) во главе с Талгатом Таджуддином, Духовное управление Центрально-Европейского региона России во главе с Равилем Гайнутдином и Духовное управление мусульман азиатской части России, возглавляемое Нафигуллой Ашировым.

Они представлены и в Челябинской области. В 1994 г. было создано Региональное духовное управление мусульман Челябинской и Курганской областей в составе ЦДУМ. Оно традиционно активно сотрудничает с органами государственной власти. Большинство мусульманских общин региона сегодня относится к ЦДУМ. Но ситуация осложняется тем, что мусульманские общины в Челябинской области подчиняются сегодня четырем муфтиятам: помимо ЦДУМ, мусульмане попадают под юрисдикцию ДУМ АЧР, ДУМ ЕР, ДУМ «Ассоциация мечетей России». К «Ассоциации мечетей», две общины которой есть и в Челябинской области, относится скандально известное медресе в Бугуруслане, выпускники которого подозреваются в связях с ваххабитами. Не входящие в состав ЦДУМ мусульманские структуры часто дискредитируют себя отсутствием управляемости со стороны органов государственной власти, а также систематически возникающими конфликтами, связанными с их деятельностью.

По свидетельству Р.А. Силантьева, основными центрами ваххабизма в Челябинской области являются Озерск, Чебаркуль и Аргаяшский район. Немало ваххабитов и в самом Челябинске. «Однако, в отличие от многих других российских регионов, – резюмирует исследователь, – в Челябинской области ведется системная борьба с этим течением, и традиционные мусульмане здесь

себя чувствуют вполне уверенно. Чего не скажешь о Свердловской и Тюменской областях»¹.

В Аргаяшском районе большинство мечетей зарегистрированы в ЦДУМ, с которым руководство области имеет соглашение о сотрудничестве. Аязгуловская и Акбашевская мечети подчиняются Азиатскому духовному управлению. Специалисты утверждают, что именно мечети попадают под пристальное внимание пропагандистов ваххабизма. Это почувствовали и имамы Аргаяшского района. Имам Дербишевской мечети рассказал, что по Маржинбаево, Дербишево, Илимбетово, Тугузбаево прошли пропагандисты. При этом занимались этой работой только вечером, в темное время суток. Председатель Кулуевской махалля тоже свидетельствовал об интересе со стороны экстремистов².

В 2001 г. обычно тихая религиозная жизнь Челябинска омрачилась скандалом. Настоятель медресе при мечети Исмагила (Курчатовский район г. Челябинска) Салех Абдел Рахман Гази (гражданин Сирии, который, благодаря женитьбе, получил российское гражданство и обосновался в Челябинске) был заподозрен в пропаганде ваххабизма. Салех – первый казый Челябинской области от ДУМ АЧР. Казыят был образован на основе 15 челябинских общин, вышедших из состава Регионального ДУМ Челябинской и Курганской областей.

В мечети Исмагила он организовал медресе, где стал обучать всех желающих арабскому языку, открыл кружок по изучению языка и в библиотеке имени Бабича (татаро-башкирская библиотека). На занятиях Салех подчеркивал, что имеет обширные связи в ближневосточных странах. Он организовал и поездку настоятеля Троицкой мечети Наиля Усманова на учебу в Ливию. Были также организованы стажировки нескольких южноуральских юношей и девушек в Тюмени и в Бугурусланском медресе. Помогал деньгами тем, кто желал совершить хадж в Мекку. Одним из наиболее серьезных фактов, подтверждающих его связи с экстремистами, является издание ваххабистской книги «Исламская акида – вероубеждение» при участии Нафигуллы Аширова.

¹ Филичкин В. Экстремисты от ислама // Челябинск сегодня: интернет-сайт. 2011. 25 января. – URL: http://cheltoday.ru/articles/obshchestvo/ekstremisty_ot_islama/ (Дата обращения: 15.10.2014.)

² Хибатуллина Р. Ваххабизм... Угроза реальна // БезФормата: интернет-сайт. – URL: <http://argayash.bezformata.ru/listnews/vahhabizm-ugroza-realna/372336/> (Дата обращения: 15.10.2014.)

Деятельность Салеха спровоцировала несколько стычек между сторонниками ДУМ АЧР и ЦДУМ. В местных СМИ стали появляться статьи о распространении ваххабизма в Челябинске, Магнитогорске и других городах области. После публикации в газете «Возрождение Урала» статьи «Ваххабизм пришел на Урал?», Салех подал на автора статьи в суд. В исковом заявлении сказано, что она порочит честь, достоинство, деловую репутацию Салеха как преподавателя, а также наносит ущерб семейной жизни. Ответчик – автор статьи Асия Хамзина, на тот момент занимавшая пост председателя комитета по делам национальностей, религиозных и общественных организаций администрации Челябинской области.

Из 40 претензий к автору была подтверждена только одна¹. Газета «Возрождение Урала» должна опубликовать опровержение о поджоге мечети. В остальных претензиях истцу отказано. Поскольку репутация Салеха и возглавляемой им организации была испорчена, а к проблеме ваххабизма было привлечено внимание обществу и власти, он отошел от дел.

К сожалению, с уходом Салеха проблема ваххабизма в Челябинской области не только не снята, но и обостряется. Об этом свидетельствует хотя бы эпизод от 17 января 2013 г. в Богдановском сельском поселении Кизильского района Челябинской области: на месте будущего строительства церкви был сожжен православный крест. Поджог совершен днем, злоумышленники особо не скрывались. Сотрудниками органов внутренних дел Челябинской области и Республики Башкортостан по подозрению в совершении данного преступления задержаны двое жителей города Сибай. Оба задержанных исповедуют ваххабизм.

Деятельность ваххабитов параллельно разворачивается и в сети Интернет. Челябинский исламовед М. Гуляева упоминает об одном из эпизодов информационной войны, развязанной экстремистами против традиционного ислама. В Интернете была растиражирована клевета на челябинского муфтия Рината Раева, о том, что он якобы призывал жителей села Арсланово найти могилу любого старого мусульманина, и каждый год поклоняться этой могиле и совершать к ней хадж. Когда информация стала известна жителям деревни, они, будучи дезориентированными, обратились за комментарием к «параллельному» муфтию от ДУМ АЧР. Естест-

¹ Чистосердова Н. В иске отказано // Mediazavod: интернет-сайт. 2011. 12 июля. – URL: <http://mediazavod.ru/articles/4119> (Дата обращения: 15.10.2014.)

венно, он подверг жесткой критике действия Рината Раева и призвал мусульман поклоняться одному только Аллаху. «Между тем Ринат Раев никого не призывал поклоняться могилам, однако данная сплетня начала распространяться по сети Интернет, обрастая дополнительными “фактами”»¹.

Все вышеописанные эпизоды свидетельствуют о том, что в области необходимо наладить системную работу по противодействию распространению ваххабизма. Причем существуют довольно четкие критерии, по которым можно распознать ваххабитскую деятельность. Р.А. Силантьев предлагает следующие индикаторы присутствия ваххабитов².

Юрисдикция исламской общины. Если община не входит в состав ЦДУМ, а подчиняется ДУМ АЧР, ДУМ ЕР, ДУМ «Ассоциация мечетей России», есть смысл внимательно к ней приглядеться.

Место, где получал образование имам (Кувейт, Катар, Саудовская Аравия и др.). Появление в общине лица, получившего образование в традиционных центрах подготовки ваххабитов, – тревожный сигнал для властей и правоохранительных органов.

Наличие пришлых мигрантов, которые создают новые мечети или внедряются в традиционные мусульманские общины. Итогом является появление в регионе вместо одного официального муфтия нескольких конкурирующих между собой.

Информацию может дать также возраст, поскольку ваххабиты, как правило, молодые.

Важным признаком может стать национальность подозреваемого лица. Если он мигрант с Ближнего Востока, принявшие ислам русский, еврей, цыган и др., есть основания заподозрить их в сочувствии ваххабизму.

Мечеть, в которой молятся не моноэтническая паства, а люди многих национальностей и новообращенные, также является тревожным признаком (впрочем, как и покидание мечетей местными жителями, исповедующими традиционный ислам).

¹ Ордынский В. Ваххабизм в России: Вопросы исламского образования // Этнорелигиозные исследования в Поволжье: интернет-сайт. 2012. 18 апреля. – URL: <http://www.kazan-center.ru/osnovnye-razdely/14/217/> (Дата обращения: 15.10.2014.)

² Из личного архива записей материалов, привезенных со Второй Всероссийской научно-практической конференции «Расулевские чтения: Ислам в истории и современной жизни России», 4–15 мая 2013 г., г. Троицк, Челябинская обл.

Ваххабиты не любят суфиев и шиитов. Также они враждебны христианам и РПЦ. Суфийская литература свидетельствует, что перед нами как минимум не ваххабит.

Если мечеть используется не по назначению – это явный признак экстремизма. Мечеть, которая открыта постоянно все 24 часа, и туда часто заходят молодые люди может сигнализировать о том, что это место сбора ваххабитов.

Помимо активизации деятельности ваххабитов, в Челябинской области набирает оборот деятельность экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами». С 2005 г. правоохранительные органы Челябинской области начали борьбу с местной ячейкой данной организации, ранее особо не проявлявшей себя.

Поначалу организация ограничивалась распространением листовок. Листовки этой партии были найдены на улицах Магнитогорска и Челябинска, в торговых центрах и даже в здании областной администрации. Из рук в руки бумаги не передавались, а разбрасывались в местах большого скопления народа. Один из таких распространителей был задержан местной охраной в многолюдном торговом комплексе «КС» в Челябинске.

В 2006 г. в Магнитогорске в ходе оперативно-следственных действий, проведенных Управлением ФСБ РФ по Челябинской области совместно с прокуратурой Правобережного района и УВД города, задержаны трое участников городской ячейки «Хизб ут-Тахрир». Задержанные занимались распространением литературы экстремистского толка, в которой содержались призывы создать на территории РФ исламское государство.

Последующие эпизоды говорят о том, что «Хизб ут-Тахрир» уже не ограничивается только лишь распространением литературы. В 2009 г. предстали перед судом четыре участника данной организации. В ходе обыска у них были найдены боевые ручные гранаты РГД-5, брошюры с описанием взрывных устройств, правила конспирации при проведении терактов, а также фотографии объектов атаки – комплекс зданий ГУВД по Челябинской области, УФСБ РФ по Челябинской области, плотины Шершневого водохранилища. Эксперты-взрывотехники пришли к заключению, что обнаруженные взрывные устройства были готовы к применению.

Задержанные были осуждены в 2010 г., однако достаточных доказательств того, что на изъятых у членов ячейки фотографиях изображены места предполагаемых терактов и что они были сделаны кем-то из подсудимых для их организации, следствие, по мнению суда, представить не смогло.

В октябре 2012 г. произошел еще один резонансный эпизод, связанный с деятельностью «Хизб ут-Тахрир». В результате обыска в офисе внесистемной оппозиции, сотрудниками УФСБ в Челябинске были изъяты информационные материалы этой экстремистской организации. В офисе располагался челябинский региональный комитет по выборам в Координационное собрание внесистемной оппозиции. По данным ФСБ, к работе офиса причастна женщина, которая вместе с мужем прошла обучение в Бугурусланском медресе «Институт Аль-Фуркан».

За короткое время ей удалось войти в доверие и заручиться поддержкой лидеров общероссийской внесистемной оппозиции (в частности, Сергея Удальцова). Ее даже можно увидеть в эпизодах скандально известного фильма «Анатомия протеста-2»¹.

В августе 2012 г. сотрудники УФСБ по Челябинской области провели масштабную операцию, одновременно захватив пятерых главных вербовщиков ячейки «Хизб ут-Тахрир» в Челябинской области. Следствием установлено, что задержанные активно воздействовали на сознание людей, члены организации навязывали определенные экстремистские убеждения, осуществляли призыв к вступлению в ряды своей партии, цель которой – изменение конституционного строя России. Традиционное толкование ислама подсудимые в общении с прихожанами подменяли доктриной о создании Всемирного исламского халифата, предлагали для изучения экстремистские материалы и проводили по ним занятия.

Задержание актива ячейки не привело к ослаблению деятельности организации в области. 27 сентября 2013 г. пятничная молитва прихожан трех мечетей Челябинска была прервана спланированными действиями группы людей, которые с призывом защитить ислам от притеснений осуществили сброс листовок от имени «Хизб ут-Тахрир», после чего скрылись из помещений модельных домов. В тот же день в нескольких многолюдных местах появились растяжки с текстом: «Ислам запрещен в России. Но нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад его посланник!», и цитатами из Корана. В центральной части города молодые люди осуществляли одиночные пикеты, они несли в руках плакаты, повествующие

¹ ФСБ обыскала офис оппозиции в Челябинске в рамках дела об экстремизме // Ведомости: интернет-сайт. 2012. 22 октября. – URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/5247131/fsb_obyskala_ofis_oppozicii_v_chelyabinske_v_ramkah_dela_ob (Дата обращения: 15.10.2014.)

о запрете Корана на территории России. Такие же акции состоялись в Москве и в Тюмени.

В рамках расследования уголовного дела по данному эпизоду были проведены следственные действия на территории Челябинска и населенных пунктов области. В ходе обысков изъяты 223 брошюры и 63 книги религиозного содержания, 39 дисков, журналы и электронные носители, признанные экстремистскими: «Политическая концепция “Хизб-ут-Тахрир аль Ислами”», «Как был уничтожен Халифат», «Идея» и др.¹ Шестеро лиц привлечены к уголовной ответственности.

2 октября 2014 г. в Челябинске сотрудники областного УФСБ России задержали еще четверых приверженцев «Хизб ут-Тахрир», которые, активно участвовали в незаконной деятельности местной ячейки. При обысках по месту жительства задержанных изъяты оргтехника, литература и электронные носители с материалами экстремистского содержания, которые направлены на экспертизу, а также флаги с изображением символики «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Трое из ныне задержанных непосредственно участвовали во всероссийской акции протеста 27 сентября 2013 г.

Как мы видим, представления о том, что угроза радикально-го исламизма не касается Челябинской области, не соответствуют действительности. Начиная с 2000-х годов мы видим неуклонное нарастание деятельности экстремистов.

Вполне естественно заключить, что необходимо усилить меры по предотвращению распространения радикального ислама в Челябинской области. По мнению Р.А. Силантьева, наиболее действенным средством в борьбе с религиозным экстремизмом является пропаганда идей традиционного ислама. И в этом пункте традиционный ислам проигрывает экстремистам. Особенно это касается сети Интернет. Занимающаяся религиозным самообразованием молодежь именно там получает первичную информацию об исламе, однако если в видеопоисковике популярных социальных сетей попытаться найти информацию об исламе, мы выйдем, прежде всего, на информацию экстремистского содержания. Соответственно, требует усиления информационный компонент борьбы

¹ Батовкина Д. Установлены 12 сторонников «Хизб ут-Тахрир», которые могли распространять листовки в Челябинске // Первый Областной: интернет-сайт. 2013. 23 октября. – URL: <http://www.lobl.ru/news/eto-interesno/ustanovleny-12-storonnikov-khizb-ut-takhhir-kotorye-mogli-rasprostranyat-listovki-v-chelyabinske/> (Дата обращения: 15.10.2014.)

с радикальными исламистскими группировками и пропаганды традиционного ислама.

Еще один способ борьбы с экстремизмом – заключение соглашений между органами государственной власти и исламскими религиозными объединениями, практикующими традиционный ислам и конструктивно сотрудничающими с представителями власти. Так, между губернатором Челябинской области и верховным муфтием России Талгатом Таджуддином в разные годы были заключены несколько соглашений. В декабре 2010 г. подписано «Соглашение о социальном партнерстве между Правительством Челябинской области Российской Федерации и Центральным духовным управлением мусульман России». В это соглашение были включены пункты об укреплении безопасности и стабильности общества, стороны обязались разрабатывать и реализовывать мероприятия, направленные на профилактику и противодействие проявлениям экстремизма на этнорелигиозной почве.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что постоянная эскалация напряжения, вызванного деятельностью радикальных исламистов в Челябинской области, свидетельствует о том, что эта проблема настолько серьезна, что пора более серьезно доводить ее до сведения широкой общественности. Дальнейшее игнорирование этого вопроса большей частью общества грозит дестабилизацией всему региону. Для борьбы с радикальным исламом также необходимы скоординированные усилия всего общества.

«Геополитика. Информационно-аналитическое издание. Выпуск XXV», М., 2014 г., с. 55–61.

Р. Сердеров,

кандидат исторических наук,
директор СОШ №10, старший преподаватель
кафедры истории отечества
Дагестанского государственного университета
(г. Махачкала)

О ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ УГРОЗАХ РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Защита жизненно важных национальных интересов и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации непосредственно связаны с развитием ситуации на постсоветском пространстве. С этой точки зрения ключевую роль в южном

направлении играет Северный Кавказ, который представляет собой своего рода пограничное пространство, интегральную часть «южного подбрюшья», опорный пункт для защиты жизненно важных национальных интересов в обширном Кавказско-Каспийском, Ближневосточном и Средневосточном регионах.

Нельзя забывать тот факт, что Россия применительно к данному региону является кавказским государством и, соответственно, преследует свои национальные интересы, связанные с сохранением территориальной целостности. Кавказ стал регионом, откуда исходит прямая угроза национальной безопасности Российской Федерации. Здесь существует множество реальных и потенциальных этнонациональных, территориальных, конфессиональных и иных противоречий и конфликтов, которые проявляются в наиболее запутанной форме, что чревато далеко идущими, трудно предсказуемыми негативными последствиями для всех народов.

Для правильного понимания данной проблемы необходимо провести различия между территорией и пространством. С геополитической точки зрения пространство в традиционном смысле включает как собственно территорию конкретно взятой страны, четко и ясно очерченную государственными границами, так и ее взаимосвязи с сопредельными странами, народами. Территория представляет собой необходимое естественное месторасположение государства, материальную основу политической самоорганизации соответствующего народа. В этом смысле действует принцип территориального императива, согласно которому границы территории, на которую распространяются суверенитет и юрисдикция государства, неприкосновенны, и государство вправе защищать ее всеми находящимися в его распоряжении средствами.

Понятие «пространство» в геополитике имеет особую смысловую нагрузку и не всегда и не обязательно может выступать как синоним понятия «территория». Пространство как категория шире категории «государственная территория». Его границы или пределы сколько-нибудь четко не обозначены, в юридически-правовом отношении не всегда и не обязательно фиксированы и, соответственно, могут быть подвижными.

Нельзя сказать, что в современном мире территориально-географический фактор вообще потерял свою значимость в определении приоритетов национальной безопасности государства. И в наши дни при всех происшедших трансформациях сохраняет значимость мысль известного немецкого исследователя XIX в., автора фундаментального труда «Политическая география»

Ф. Ратцеля, оказавшего существенное влияние на идеи отцов-основателей традиционной геополитики, о том, что территория сама по себе является политической силой.

Однако в последние несколько десятилетий радикально изменились формы и средства господства той или иной великой державы над другими странами, народами, регионами. Если во времена традиционной геополитики таким результатом являлось овладение территорией других стран, то в наши дни не столь важен политический контроль над ней, сколько управление ею с использованием иных средств и методов. К ним относится, в частности, так называемая «мягкая сила», выступающая, например, в форме информационного оружия, идеологической, культурной, финансовой, экономической гегемонии.

Эти реалии приобрели особую актуальность и значимость применительно к Северному Кавказу, который после распада СССР, превратившись в пограничное внутреннее геополитическое пространство РФ, оказался в качественно новом геополитическом положении. Базовые характеристики региона во многом определяются фактором месторасположения, физико-географическими, территориально-пространственными, климатическими и иными особенностями, которые на протяжении всей истории влияли и продолжают влиять на социально-экономическое развитие, этнонациональный состав, исторические судьбы народов. События и процессы в регионе оказывают заметное влияние на развитие ситуации в масштабах, выходящих далеко за его пределы.

С геополитической точки зрения в регионе можно выделить целый ряд налагающихся друг на друга и не всегда совпадающих друг с другом подпространств, или пространств иного уровня и состава, — экономическое, этнонациональное, конфессиональное, социокультурное, информационное и др. Их границы распространяются и на Южный Кавказ. Например, пределы этнонационального, культурного и языкового подпространств пересекают государственные границы Российской Федерации и уходят на территории южнокавказских государств, представляющих собой зону жизненно важных интересов России и имеющих ключевое значение для обеспечения ее национальной безопасности. Они включают территории, занятые такими этносами, как абхазы в Абхазии, осетины, проживающие в Южной Осетии, лезгины и аварцы в Азербайджане и т.д.

Поэтому при определении значения Северного Кавказа для обеспечения национальной безопасности России необходимо

исходить из того очевидного факта, что он представляет собой часть единого Кавказского региона, который занимает центральное место в обширном Черноморско-Каспийском регионе. При этом оба региона характеризуются общим комплексом специфических особенностей этнонационального, конфессионального, территориально-географического, исторического, социально-экономического, социокультурного и иного характера. Этими реалиями объясняется необходимость рассматривать их в геополитическом измерении как единый регион, занимающий выгодное стратегическое положение на одном из оживленных перекрестков мировых коммуникаций. В этом контексте Северный Кавказ в геополитическом измерении можно рассматривать как приоритетное направление внешнеполитической стратегии Российской Федерации. Располагая транспортно-коммуникационной сетью, регион имеет морскую и сухопутную связь со странами Ближнего Востока, Центральной и Юго-Западной Азии. Он играет особую роль в плане контроля и доступа к природным энергоресурсам, имеющим геостратегическое значение.

В этом русле важно учесть также тот факт, что по целому ряду показателей геополитические границы Северного Кавказа простираются дальше на юг, на территории Ближнего и Среднего Востока. Так, после распада СССР северокавказские республики расширяют связи со странами данного региона, такими как Турция, Сирия, Иордания и др., где имеются диаспоры их народов. В конфессиональном плане эти республики можно считать частью так называемого мусульманского Севера или более обширного исламского мира. Несмотря на наличие четких государственных границ, отделяющих регион от остального мира, его геополитические границы размыты и представляют собой своеобразную пограничную зону. Его можно рассматривать также как часть более широкого геополитического пространства, где сталкиваются интересы множества сопредельных государств и великих держав. Регион открывает для России доступ к важнейшим транспортным коммуникациям и выход на Средний и Ближний Восток; возможность поддержания устойчивых связей через Черное и Каспийское моря как с Европой и Азией, так и с остальным миром. Очевидно, что названные подпространства не всегда и не обязательно совпадают с территориальными границами Северного Кавказа. Каждое из них оказывает более или менее существенное влияние друг на друга и на регион в целом. Значимость осознания и учета этой реалии определяется тем фактом, что геополитическая ситуация

в регионе характеризуется наличием разного рода социально-экономических, межнациональных, конфессиональных, территориальных и иных противоречий и конфликтов. В то же время в силу комплекса факторов в регионе развернулась так называемая «новая Большая игра», но уже с иным составом игроков. Как отмечал К.С. Гаджиев, «он превратился в эпицентр широкомасштабных событий и процессов всемирно-исторического значения. Неожиданно здесь завязались многосложные узлы местных, региональных и глобальных интересов» [Гаджиев 2003: 44].

Как известно, всё более растущее влияние на развитие современного мира оказывают вопросы, связанные с обеспечением экономики энергетическими ресурсами. Огромное значение нефти и газа приводит к обострению соперничества и борьбы между ведущими державами за право контролировать углеводородные месторождения и трубопроводы. Поэтому не удивительно, что Черноморско-Каспийский регион в целом и Кавказ в частности, который совсем недавно был как бы изолированным от основных центров мировой экономической и военно-политической мощи, в 90-е годы минувшего века превратился в один из важных с геополитической точки зрения регионов. В условиях крупнейшего геополитического сдвига здесь развернулось острое соперничество многих стран за расширение сфер влияния, в том числе США, ряда западноевропейских стран, Турции, Ирана, Китая и др. Они, естественно, являются соперниками России и, преследуя свои интересы, стремятся расширить свое политическое и экономическое присутствие и влияние в регионе. Характерной особенностью политики региональных государств – конкурентов России является акцентирование внимания на этническом и религиозном факторах. Например, Иран и Турция склонны строить свою политику, используя исламский фактор, всячески стремясь обосновать свои позиции панисламскими, а Турция – еще и пантюркистскими идеями. Другими словами, как отмечал А.Г. Дружинин, «здесь взаимно наслаиваются противоречивые интересы глобальных и региональных “центров силы”, продолжающийся передел властных полномочий и собственности российского федерального центра и регионов, межрегиональные и межэтнические противоречия... Сама геополитическая модель региона должна в этой связи быть “многослойной”, ориентирующейся на сопряженный анализ разноуровневых (макро-, мезо-, микроуровневых) явлений» [Дружинин 2005: 117].

Можно согласиться с теми исследователями, которые называют Кавказ узлом огромной дуги нестабильности, простирающейся от Балкан до Гималаев. После распада СССР создалась ситуация, при которой многие аналитики не без оснований стали утверждать, что Кавказу, в том числе и российскому Северному Кавказу, суждено стать «русскими Балканами». Действительно, результатом этой «катастрофы XX века», приведшей в том числе к окончанию двухполюсного миропорядка, стало возрождение на огромном евразийском пространстве от Балкан до Афганистана дремавших до сих пор этнонациональных, конфессиональных, территориальных и иных противоречий и конфликтов. То затухая, то вновь выплескиваясь на поверхность, они оказывают существенное влияние на геополитическую ситуацию во всем Черноморско-Каспийском регионе и во всем мире. При этом этнонациональная напряженность играет роль своеобразного фермента, усиливающего другие противоречия. Об этом с особой очевидностью, не говоря о широкомасштабных пертурбациях, взорвавшихся регион в конце 80-х – первой половине 90-х годов минувшего века, свидетельствуют две чеченские войны и грузинская агрессия против Южной Осетии в августе 2008 г.

В рассматриваемом контексте ключевое значение имеет тот факт, что в современном мире во всё более растущей степени стираются границы между внутренней и внешней политикой. Эта мировая тенденция воочию обнаруживается на Северном Кавказе, геополитическое положение которого формируется сочетанием, с одной стороны, внутренних реалий собственно региона как интегральной части Российской Федерации, с другой – внешних факторов.

Поэтому всё возрастающее значение приобретают выявление и анализ источников как внешних, так и внутренних угроз национальной безопасности, форм, методов, путей и средств их нейтрализации или противодействия им. В современных условиях безопасность Российской Федерации на южном направлении выступает как производное от нейтрализации центробежных тенденций среди национальных субъектов Федерации. Из этого вытекает, что процессы, происходящие в регионе, необходимо рассматривать не изолированно от процессов, происходящих как в России в целом, так и в остальном мире.

В традиционном смысле национальная безопасность представляет собой защиту государства от внешних угроз, от посягательств на его суверенитет, территориальную целостность,

вмешательства во внутренние дела и т.д. со стороны внешних сил. В качестве главных компонентов понятия «национальная безопасность» раньше рассматривались преимущественно военная и политическая безопасность. В наши дни вопросы безопасности увязаны с экономическими, технологическими, экологическими, гуманитарными и другими аспектами. Национальная безопасность теснейшим образом связана также с социальной, межнациональной и политической стабильностью в обществе и государстве.

Можно сказать, что в создавшихся после распада СССР условиях именно внутреннее состояние во многом определяет важнейшие параметры национальной безопасности Российской Федерации. Другими словами, одну из ключевых ролей приобрели внутренние угрозы национальной безопасности, связанные с состоянием самого общества и коренящиеся в нем. Эти угрозы могут быть вызваны состоянием национальной экономики, степенью здоровья или болезни общества, эрозией и подрывом господствующей системы ценностей, традиций, принципов, национальных идеалов. Они, в свою очередь, приводят к социальной и политической нестабильности, росту организованной преступности, наркобизнеса и терроризма, обострению межнациональных, межконфессиональных и иных противоречий и конфликтов. Сложная внутривнутриполитическая ситуация значительно усугубляется ростом религиозно-политического экстремизма, террористической деятельностью радикальных религиозных группировок. Подобная тенденция тесно переплетается с этнонационализмом, клановой этнократической моделью властеотношений, стремлением криминальных группировок дестабилизировать ситуацию в республике.

При всем том важно учесть, что внутренние факторы конфликтогенности региона стимулируются и подогреваются внешними силами. Поэтому естественно, что Северный Кавказ как внутреннее пограничное геополитическое пространство Российской Федерации включает основополагающие характеристики собственно региона в его взаимоотношениях с государствами Южного Кавказа и Большого Ближнего Востока. Иначе говоря, регион¹ тесно связан со сложной системой стратегических, этнических, конфессиональных, социальных и политических факторов, уходящих за пределы собственно Российской Федерации. Поэтому на Северном Кавказе в силу несовпадения государственных границ с пределами геополитического пространства со всей очевид-

¹ http://kavkazonline.ru/csrip/elibrary/uro/uro_26/uro_26_13.htm –_ftn1

ностью обнаруживается наблюдающаяся во всем мире тенденция к слиянию внутренней и внешней политики.

Литература

1. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М.: Международные отношения, 2003. – 463 с.
2. Дружинин А.Г. Юг России конца XX – начала XXI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 2005. – 283 с.
«Власть», М., 2015 г., № 6, с. 202–206.

С. Новосёлов,

кандидат исторических наук, доцент

(Астраханский государственный университет)

ОТ «ОТЦА ВСЕХ ТУРКМЕН»

ДО «ПОКРОВИТЕЛЯ» – ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ?

С момента обретения Туркменистаном независимости эта страна остается самой закрытой на постсоветском пространстве. И дело не только в информационной закрытости, затрудняющей получение какой-либо объективной информации о происходящих в ней процессах. Под эту самоизоляция руководство Туркмении подвело идеологическую основу: с первых лет суверенитета оно провозгласило нейтральный статус республики, который в 1995 г. был подтвержден ООН. Туркменистан – страна вне блоков, коалиций, военных альянсов, без друзей и врагов. Все главные друзья и враги – внутри страны, и определяются они чаще всего относительно положения Самого Главного Туркмена – президента страны.

Население страны (по переписи 1995 г.) составляло 4,5 млн человек. По данным Amnesty International, в настоящее время население составляет 5,1 млн человек. Большая часть населения Туркменистана – туркмены (80%), численность русских 3,5% [5, с. 51].

Туркменистан по-своему уникален – здесь причудливо сочетается смесь социализма, восточного ханства и современной ресурсной державы; здесь местной партноменклатуре во главе с Сапармуратом Ниязовым удалось утвердить не просто жесткий авторитарный режим, а единственную на постсоветском пространстве классическую тоталитарную диктатуру личностного типа.

Эта диктатура, совмещающая в себе характерные черты древних восточных деспотий, фашистских режимов, советского тоталитаризма и националистических диктатур стран «третьего мира» по степени контроля над обществом уступает разве что режиму «чучхе» в КНДР [4].

Почему это случилось именно с Туркменистаном – предмет для всестороннего исследования, которое в настоящий момент очень затруднено в связи с закрытостью страны. Эксперты могут лишь предполагать, что смена советского тоталитаризма на «башистский» тоталитаризм была обусловлена целым рядом факторов, в том числе – слишком архаичным характером туркменского общества. Отсюда – почти полное отсутствие демократических традиций, крайняя немногочисленность и изолированность социальных слоев, где могли бы зародиться зачатки гражданского общества. И, наоборот, высокая степень консолидации правящей верхушки в лице Ниязова и его ближайшего окружения. Правящей верхушке удалось удержать и укрепить господствующие позиции в государстве и обществе, подавив всех потенциальных соперников из числа других регионально-клановых группировок. Видимо, нельзя недооценивать и личные качества Ниязова, что в немалой степени поспособствовало его превращению из невзрачного первого секретаря республиканской компартии в богоподобного «Отца всех туркмен» – Туркменбаши [11, с. 190].

Необходимым средством и логичным следствием такого преобразования стала тоталитарная идеология «башизма». Это обеспечило идеологическую монополию и тотальный идеологический контроль над обществом, поиск и искоренение любого инакомыслия. Это сочетается с неустанным зомбированием всего населения с целью сакрализации любого действия власти и мобилизации подданных на выполнение поставленных свыше эпохальных задач.

После обретения Туркменистаном независимости первые заявления С. Ниязова соответствовали «духу времени» – главной целью провозглашалось построение демократического правового государства. Однако концепция «Туркменской модели развития» акцентировала внимание на медленный, постепенный переход туркменского общества от советской системы к демократии. При этом особо подчеркивалось, что главную роль в этом процессе должно играть государство.

Формировавшаяся в Туркменистане идеологическая конструкция изначально содержала тезис об исключительности избранного пути, опирающегося на местную специфику. Отсюда был

выведен тезис о национальном бесклассовом обществе принципиально нового типа, не имеющего аналогов в современном мире.

Достаточно быстро пошел и процесс отождествления государства с личностью С. Ниязова: декабрь 1991 г. – Закон об охране чести и достоинства Президента; май-апрель 1992 г. – исключительные заслуги С. Ниязова в деле обретения независимости и построения национального государства подтверждены специальным законом парламента (Меджлиса), по Конституции 1992 г. он наделен чрезвычайными полномочиями; октябрь 1993 г. – высший представительный орган Туркменистана (Халк Маслахаты) присвоил С. Ниязову фамилию Туркменбаши («Отец всех туркмен»); январь 1994 г. – референдум о продлении полномочий Туркменбаши до 2002 г. и отмене президентских выборов 1997 г.; апрель 1994 г. – введение ежедневной клятвы верности Туркменбаши; декабрь 1999 г. – Халк Маслахаты объявил Туркменбаши пожизненным президентом; май 2001 г. – Гуманитарная ассоциация туркмен мира предложила присвоить Туркменбаши титул Бейик «Великий»).

Центральная роль вождя (сердара) была закреплена в программах развития Туркменистана – «10 лет стабильности в Туркменистане» и «XXI век – золотое столетие туркмен».

Культ Туркменбаши, как ядра идеологии и символа самой государственности, был материально воплощен в архитектурной и скульптурной гигантомании. С середины 1990-х годов культ личности Туркменбаши распространился и на семью президента. Мать – Горбансолтан Эдже стала примером туркменской женщины, а отец Атамырат – символом традиционного туркменского героизма. В Ашхабаде и Гыпджаке им были возведены монументальные памятники.

Для становления абсолютного культа личности С. Ниязова был предпринят ряд мер организационного характера. Еще в начале 1990-х годов были удалены практически все чиновники, которые могли себе позволить хоть малейшее недовольство. Были основательно «зачищены» силовые структуры. Не проходило и года без смены руководителей силовых ведомств. Учитывая кадровую чехарду в силовых структурах, полную недееспособность Вооруженных сил, отсутствие авторитета у того или иного «силовика» во вверенном ему министерстве, угроза власти С. Ниязова с этой стороны была полностью ликвидирована.

Определенную угрозу «идейно-политическому единству» туркменского общества представляла только региональная клано-

вость. Поэтому Ниязов стал направлять на ключевые посты и в региональные силовые структуры выходцев из других областей и принадлежавших к иным кланам или племенам, чем доминирующие в данной области. Это давало гарантии, что местные элиты не приобретут излишней политической и экономической самостоятельности, а довольно частая смена этих чиновников вообще свела угрозу усиления региональных элит к минимуму. Кроме того, был издан закон, запрещающий совместную работу родственников и земляков или лиц, принадлежащих к одному племени, в одной и той же госструктуре. Каждый чиновник при назначении на должность был обязан предоставить свою родословную до третьего колена. Однако данная проблема не исчерпывалась клановым присутствием в госструктурах.

Что же до национальной интеллигенции, то после распада СССР правящий режим проводил планомерное уничтожение всей среды ее обитания. Были закрыты Академия наук и большинство ведомственных институтов, ликвидированы почти все творческие союзы, произошли масштабные сокращения врачей и учителей. Все известные ученые, писатели, журналисты, артисты, архитекторы, врачи, преподаватели вынуждены были покинуть страну. Оставшиеся же были обречены на идеологическое обслуживание режима под контролем идеологов аппарата президента и соответствующего отдела КНБ.

Редкие случаи недовольства и протестных акций моментально пресекались. Тогда же получила начало практика публичных покаяний фигурантов, которые многократно транслировались по телевидению. И впоследствии любой намек на оппозиционность получал незамедлительный ответ властей – от запретов покидать страну, до арестов, лишения жилья, увольнения родственников с работы.

Полной изоляции молодого поколения от всего предыдущего интеллектуального багажа послужили перевод туркменского языка на латинский алфавит (начиная с 1995 г.) и тотальная дерусификация образования и информационного поля. Полагая, что молодежь «слишком долго» учится, Ниязов перевел школы на девятилетнее обучение, а вузы – на двухлетнее.

Естественно, в Туркменистане не осталось даже видимости свободы печати, все СМИ были унифицированы, запрещен доступ в Интернет, резко ограничено вещание зарубежных, прежде всего российских, телеканалов, радио «Свобода», другие зарубежные радиостанции стали глушить.

Религиозная политика режима тоже была направлена на «огосударствление». Тем более что суннитская ветвь ислама, исповедуемая в Туркменистане абсолютным большинством населения и адаптированная местными народными традициями, никогда не представляла серьезной угрозы для власти и не принимала агрессивных форм. Именно при поддержке государства ислам снова восстановил свои позиции в обществе, что обеспечило лояльность религиозных авторитетов в период становления независимости.

Культ личности С. Ниязова, при всем том, что он стал стержнем государственной идеологии, всё же не являлся самодостаточным и нуждался в более широкой идеологической основе. И такой основой стал этнический национализм. Таким образом, культ личности и национализм стали взаимодополняющими идеологическими компонентами.

Главенствующим в националистической доктрине туркменского вождя стал тезис об исключительности туркменского народа, который обосновывается всевозможными историческими изысканиями.

Уникальность Туркменистана проявилась и в том, что вскоре главным историческим исследователем стало первое лицо – сам Туркменбаши и его монументальное произведение «Рухнама», которое в обязательном порядке стали изучать в школах и вузах с последующей сдачей экзаменов, постоянно цитировать в СМИ.

Сама же «Рухнама» включает в себя суждения, охватывающие практически все стороны жизни туркменского народа, и предписывает «правильные» нормы поведения индивидуума во всех сферах общественного и личного бытия. Концепция, заложенная в «Рухнаме», носит еще и религиозную окраску: некоторые ее постулаты притянуты к положениям Корана и служат основой для утверждения божественной природы и незыблемости единоличной власти Туркменбаши.

Впрочем, готовность граждан Туркмении активно участвовать в движении к «золотому веку» власти стимулировали не только духовно – огромные доходы от экспорта газа позволили появиться таким символам «заботы» государства о благе своих граждан, как бесплатное пользование газом, водой, электричеством и солью. Но это слабо компенсировало ужасающую безработицу и низкий уровень жизни, прежде всего в сельской местности.

Торжество культа личности и национализма поставило в очень дискомфортное положение нетитульное, главным образом, русскоязычное, население. Поначалу декларации о правовом госу-

дарстве и национальном равноправии вселяли оптимизм в национальные меньшинства. Заявления самого Ниязова звучали как гарантия, что всё будет хорошо: «Наша цель – консолидировать нацию, включая все этнические и национальные меньшинства, для выполнения поставленной единой задачи. Все, кто проживает в Туркменистане, – это одна нация, нация независимого Туркменистана, будь то туркмен, русский, представитель любой другой национальности». Однако на деле оказалось, что слова об «одной нации» фактически означают всеобщую «туркменизацию» общества.

Внезапная смерть Туркменбаши в 2006 г. и приход к власти его преемника Гурбангулы Бердымухаммедова привнесли определенную модификацию правящего режима и его идеологии, но туркменская «оттепель» оказалась недолгой.

Первоначально ставка в идеологическом плане делалась на преемственность идеологии. Правящая верхушка опасалась, что любое «ослабление» приведет страну в разнос, а потому «ради спокойствия общества» необходимо сохранить тоталитарные основы режима в неприкосновенности. Поэтому Г. Бердымухаммедов не стал перенастраивать и уж тем более ломать полученную по наследству систему управления, ориентированную под авторитарное правление. Как и его предшественник, Бердымухаммедов проводит постоянные ротации в высших эшелонах власти и в ближайшем окружении. По его мнению, это выбивает почву из-под ног потенциальных заговорщиков, не позволяет сформироваться группировкам, способным устроить переворот и отстранить его от власти. В этих условиях Бердымухаммедов не мог с самого начала резко демонтировать культ личности Туркменбаши. Тем не менее ему нужно было создать собственный образ так, чтобы отличаться от прежнего лидера, одновременно сохраняя его выигрышные черты. Такова канва жанра, «король умер, да здравствует король», поэтому в свете юпитеров должен оставаться один.

Трансформация проходила в строго определенной последовательности. В обществе внедрялся положительный образ молодого президента-«реформатора», обещающего кардинальные преобразования, но почитающего старших и предков и одновременно отказывающегося от наиболее гротескных черт прежнего режима.

На своей инаугурации Бердымухаммедов приносил присягу на Коране и на «Рухнаме». Упоминание Туркменбаши и ссылки на его заветы в его инаугурационной речи стали символическими

сигналами для того поколения, которое выросло в духе идеологии «башизма».

И хотя в первые годы правления нового президента культ «Рухнамы» сохранялся, но упор делался уже не на ее автора, а на сам текст книги. Примерно с 2008 г. цитаты из «Рухнамы» уже не каждый день украшают газеты, а из программы телевидения исчезли регулярные чтения Священной книги. В школах сократились уроки по «Рухнаме», а изучение ее текста было включено в программу нового предмета «Обществознание», где она теперь изучается уже наряду с произведениями самого Бердымухаммедова, которые становятся обязательными для чтения в школах.

Примерно тогда же начался постепенный отход от наиболее одиозных идеологических «новаций» первого президента. Так, например, отказались от введенных Туркменбаши «туркменских» названий месяцев и дней и вернулись к обычным названиям, практикуемым в остальном мире. Бердымухаммедов убрал из «Клятвы Туркменистана», которую дает каждый гражданин, имя Туркменбаши, заменив имя первого президента на слово «президент». Бердымухаммедов распорядился убрать профиль С. Ниязова с заставок туркменских ТВ и газет, вывез из центра на окраину Ашхабада самый известный – золотой – памятник Ниязову, вернул 12-летнее обучение в школы и пятилетнее в вузы, восстановил упраздненные Академию наук, оперу, балет и заново открыл закрытые районные больницы (Ниязов считал, что в районах плохо лечат).

В течение 2007 г. идеологи Бердымухаммедова работали над новой идеологической системой, в которой предполагалось осторожно отказаться от ряда прежних догм и усилить образ нового лидера страны. В результате в январе 2008 г. Бердымухаммедов выступил с новой идеологической концепцией «Эпоха Великого Возрождения». Бердымухаммедов заговорил о «глубинном переустройстве» всего народнохозяйственного комплекса, его структурных элементов. Главным инструментом достижения этой цели президент определил поэтапный, плавный переход на рыночные отношения.

На состоявшихся 12 февраля 2012 г. выборах президента, в которых приняли участие почти 97% избирателей, примерно столько же процентов голосов получил действующий президент Гурбангулы Бердымухаммедов.

До 2008 г. в республике официально действовала однопартийная система. Правящей и единственной политической силой

являлась Демократическая партия, которая была создана в 1991 г. прежним президентом С. Ниязовым. С 2007 г. во главе партии стоит нынешний президент страны Г. Бердымухаммедов, который неоднократно отмечал необходимость изменения существующей однопартийной системы. Поэтому в конституцию страны были внесены изменения, предусматривающие возможность создания других партий, и в результате в августе 2012 г. в Туркмении появилась Партия промышленников и предпринимателей. Назвать ее оппозиционной при всём желании нельзя. Новая партия создана по прямой рекомендации президента Г. Бердымухаммедова и полностью поддерживает курс властей.

15 декабря 2013 г. в Туркменистане прошли альтернативные выборы в Меджлис. Помимо двух официально зарегистрированных партий правом выдвижения кандидатов обладали профсоюзы Туркмении, а также Союз женщин, молодежная организация имени Махтумкули и инициативные группы граждан. Таким образом, формально выборы были проведены на альтернативной основе, но в действительности в республике отсутствуют политическая конкуренция и состязание программ и идей.

Присутствующие на выборах иностранные наблюдали (более 2,5 тыс. человек) из Евросоюза, СНГ и ОБСЕ отметили, что выборы «соответствовали общепризнанным демократическим нормам, были открытыми, гласными и обеспечили свободное волеизъявление граждан страны» [6].

Итак, нельзя сказать, что многопартийная система в Туркменистане – это первый шаг к глобальным переменам в стране. Даже наличие нескольких политических организаций не дает гарантию настоящей свободы и плюрализма политического строя – оппозиция в стране не имеет никакого влияния, а все новые политические организации и институты власти, так или иначе, будут находиться под строжайшим контролем правительства, а значит, ни о какой независимой оппозиции речи и быть не может. Все реально оппозиционные организации давно вытеснены из Туркмении в Россию и другие страны или сидят в тюрьме. Поэтому журнал «The Foreign Policy» не зря назвал Бердымухаммедова пятым из 23 худших диктаторов мира [9].

И иллюзий по этому поводу никто, в общем-то, не испытывает – основы тоталитарного режима остаются неизменными и неприкосновенными. Новые идеологемы в значительной степени предназначены для Запада. Если вынести за скобки всю эту «модернизационную» мишуру, то окажется, что основные усилия

современных туркменских идеологов направлены на замену культа личности С. Ниязова на культ личности Г. Бердымухаммедова.

Но если первый президент – Туркменбаши С. Ниязов – считал себя отцом народа, то новый президент только начинает вкушать этот сладкий плод – культ личности. И постепенно входит во вкус. Бердымухаммедов официально именуется Аркадаг – «Покровитель». Повсюду портреты вождя в обрамлении цветов и флагов. Его портрет не сходит с экранов телевизора, он главный и неповторимый Аркадаг. Его цитаты размещены во всех материалах туркменских СМИ. При этом все граждане страны поддерживают и одобряют эти «достойные инициативы». Иначе думать нельзя. Одновременно из жизни общества вытравляется «ниязовщина».

Бердымухаммедов, как и его предшественник, пишет книги, по которым ставятся театральные постановки. Предпринимаются попытки «канонизации» семьи и предков второго президента. Главный драматический театр страны к годовщине независимости Туркменистана поставил спектакль по мотивам книги президента Г. Бердымухаммедова о своем деде «Имя доброе нетленно». Новый дворец культуры получил имя Мяликугулы Бердымухаммедова, отца нынешнего президента [7].

Туркменские власти, чтобы показать миру свои достижения в социально-экономическом развитии и убедить в высоком уровне благополучия и стабильности в стране, то объявляют льготы населению в виде бесплатного обеспечения природным газом, водой, электричеством и автомобильным топливом, то вводят так называемые «пайки» – ежемесячно выдаваемые по определенной норме продукты на каждого члена семьи. За коммуналку и проезд в общественном транспорте платят чисто символически. Средняя зарплата в Туркменистане составляет 200 долл., но при этом не упоминается, что, чтобы получить такую работу, нужно быть «благонадежным гражданином». В стране в достатке всего, чем посчитал нужным одарить своих подданных руководитель государства. Остальное – лишнее. Например, компьютеры, которые стоят дорого, и поэтому ими владеют единицы. Роскошью в стране является и Интернет, на данное время Глобальной сетью пользуются 5% населения, а многие неугодные сайты и вовсе заблокированы.

Зарубежные печатные издания в стране под запретом с начала 2002 г., поэтому буквально в каждой семье есть спутниковая антенна, позволяющая просматривать иностранные каналы. Но президент грозит запретить их, потому что они могут прервать

«золотой сон» туркменских обывателей. По мнению «главного туркмена», центральное ТВ – уже достаточное окно в мир. В Туркмении три канала, и все показывают одно и то же: деяния, визиты и мнения президента и туркменские песни, танцы, народные промыслы. Ограничивая возможности использования Интернета, телевидения, власти сознательно создают герметичный, невосприимчивый к остальному миру режим [1].

В Туркменистане нет независимых СМИ, все официальные журналисты тщательно подбирают темы для статей. Внештатные корреспонденты из зарубежных изданий находятся практически под круглосуточным наблюдением. Все 20 с лишним лет независимости туркменское общество, особенно его молодая часть, получает только однобокую, оторванную от реальности и приукрашенную информацию от официальных СМИ, находящихся под контролем президента страны. Читателям постоянно навязывается только одно мнение, мнение одного человека. Других мнений и точек зрения просто не может существовать.

Реальная социально-экономическая ситуация в стране оставляет желать лучшего. В 2012 г. урожай зерновых в стране снизился на 25% от ожидаемых 1,6 млн т. Притом что страна ежегодно испытывает нужду в более 2,5 млн т зерна и в засушливых климатических условиях выращиваются только низкие, кормовые сорта пшеницы. Это обусловило увеличение цен на хлеб и, соответственно, привело к росту стоимости других продуктов. Попытки властей упорядочить систему реализации горюче-смазочных материалов возымели обратный эффект и спровоцировали дефицит, а также резкий скачок цен на продовольствие, ГСМ, товары народного потребления. Примечательно, что если на начальном этапе правительству, благодаря административным мерам, еще удавалось сдерживать инфляцию, запрещая частникам повышать цены на основные товарные позиции – муку, сахар, масло, мясо, – то сегодня это практически невозможно.

К тому же практически не осуществляются выплаты населению социальных пособий по безработице, что вызвано стремлением властей Туркменистана скрыть факт наличия в стране подобного социального явления (по неофициальным данным, около 1,5 млн туркмен без работы).

Особое недовольство среди малоимущих и многодетных семей вызвало распоряжение президента Г. Бердымухаммедова об отмене, начиная с 2013 г., выплаты детских пособий одновременно нескольким детям из одной семьи [2].

Согласно данным портала Business Insider, на котором был опубликован «Индекс нищеты» за 2013 г. в 197 странах мира, Туркменистан, где инфляция составляет 10%, а безработица – 60%, занял пятое место от конца. В сельском хозяйстве занято больше половины трудоспособного населения страны, но на его долю приходится лишь 8% доходов Туркменистана.

В Туркмении, которая отгородилась от современного мира, оказывается, тоже есть проблемы, вызывающие озабоченность властей и даже таящие в себе угрозы национальной безопасности страны.

Речь идет о наркомании, коррупции, получивших широкое распространение, и религиозном экстремизме, идеи которого стали весьма привлекательны в молодежной среде. По данным Управления ООН по контролю за наркотиками, на 100 тыс. жителей республики приходится около 400 наркоманов. В действительности эта цифра больше на порядок и достигает почти 4 тыс. человек. По некоторым оценкам, ныне более половины молодых туркмен в возрасте до 25 лет – наркоманы со стажем. В столице насчитывается около 50 тыс. наркоманов [3].

Проблем с поиском наркотиков нет, рядом 800-километровая граница с Афганистаном. Через страну проложены и отработаны всевозможные маршруты наркотрафика. Наркокурьеры практически беспрепятственно пересекают границу в обоих направлениях.

Что касается коррупции, то организация «Транспаренси Интернэшнл» в своем последнем докладе «Индекс восприятия коррупции» поместила Туркменистан на 170-е место из 174 стран.

Другая угроза, поразившая страну, – возросшая активность различных организаций религиозно-экстремистского толка. В Туркменистане уже существуют исламистские группы, которые приступили к активной подпольной работе и массовой агитации среди населения. Однако, по мнению экспертов, они могут стать серьезной угрозой для режима уже через 10–15 лет – в результате постоянного пополнения рядов исламистов безработной и малограмотной молодежью. Лишенная возможности трудоустроиться, получить качественное образование и востребованные на рынке специальности, она легко попадает под влияние этих новоявленных духовных наставников.

Относительно устойчивая политическая система Туркменистана в первую очередь сохраняется за счет того, что родоплеменное деление в Туркменистане стабильно и устойчиво. Но нынешний глава Туркменистана Г. Бердымухаммедов строит этнократическое

общество и вся его политика направлена на ликвидацию всех нетуркменских диаспор в государстве. В национальных меньшинствах власти Туркмении видят «пятую колонну». Русские – это «рука России», узбеки – «рука Узбекистана» и т.д. Общий курс направлен на то, чтобы сделать их максимально зависимыми от власти. Они боятся, что Москва или Ташкент используют «своих» для давления на Ашхабад [10].

Но Г. Бердымухаммедов пошел еще дальше. Сегодня он практически объявил войну всем, по его мнению, «грязным» туркменам. Это, в свою очередь, негативно сказалось на внутривнутриполитической ситуации, которая усугубляется не только понижением экономических показателей республики, но и обострением межплеменных конфликтов, вызванных политикой «племенного националиста». На сегодняшний день на самой высшей ступени национальной иерархии стоят представители ахалтекинского клана, т.е. выходцы из селений, находящихся между городами Кака и Бахарлы Ахалского вelayата. Именно его представители составляли костяк администрации первого президента, текинца С. Ниязова, вытеснив представителей прочих племен. Этническим текинцем является второй президент Туркменистана, Г. Бердымухаммедов, выходец из Геоктепинского района. По подсчетам экспертов, в настоящее время текинцы контролируют 3/4 высших государственных постов, 90% силовиков являются текинцами, преимущественно из Ахалского вelayата.

Сегодня представители ахалтекинского клана считаются негласными представителями туркменских «арийцев». Все остальные – практически никто, мусор. Их бесосновательно увольняют с руководящих должностей, из правоохранительных органов, не дают получать высшее образование, не обеспечивают в должной степени жильем, возводят препоны их бизнес-проектам и т.д.

И хотя в настоящее время туркменское общество по многим причинам не готово к протестным настроениям, но нарастающее недовольство и недоверие населения к режиму Аркадага начинают приобретать ярко выраженные очертания, которые в обозримом будущем могут приобрести массовый характер, чем не преминет воспользоваться туркменская оппозиция или деструктивные силы с целью захвата власти в стране [8].

В то же время события последних лет: гражданская война в Таджикистане, события в Киргизии, революции на Ближнем Востоке и государственный переворот в Украине, по всей видимости,

еще более укрепят мнение нынешнего руководства Туркменистана в необходимости продолжения изоляционистской политики.

Литература

1. Ахмирова Р. Туркменистан – «рай на земле» или... / Р. Ахмирова // Электронное издание avitrek.kz. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1351837740>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 31.10.2012.)
2. Ашыров Б. Туркменистан – показуха не совпадает с реальностью / Б. Ашыров // Электронное издание ЦентрАзия. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1380918840>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 05.10.2013.)
3. Беркелиев А. Туркменистан: Тлеющие угрозы / А. Беркелиев // Электронное издание ЦентрАзия. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1388121600>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 27.12.2013.)
4. Калишевский М. Туркменистан: Из «Золотого века» в «Эпоху Великого Возрождения» / М. Калишевский // Электронное издание Фергана.Ру. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1386757260>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 11.12.2013.)
5. Карабущенко П.Л. Элиты и этноконфликты в геополитическом пространстве «Великого Каспийского региона» / П.Л. Карабущенко // Каспийский регион: Политика, экономика, культура. – 2009. – № 3 (20). – С. 17–22.
6. Кожемякин С. Выборы в Туркмении: Без сюрпризов / С. Кожемякин // Правда. – 20–23 декабря 2013 г. – № 141 (30059).
7. Мамедов Г. Туркменбаши – Аркадаг. Старые песни о «Главном» / Г. Мамедов // Электронное издание ЦентрАзия. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1355400960>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 13.12.2012.)
8. Нуриягдыев Б. Туркменистан – осторожно двери закрываются, следующая остановка «революция» / Б. Нуриягдыев // Электронное издание ЦентрАзия. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1373869680>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 15.07.2013.)
9. Пахомов М. Туркменбаши-II – как зеркало современного инквизиторства / М. Пахомов // Электронное издание ЦентрАзия. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1380917280>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 05.10.2013.)
10. Трухачев В. Туркмения: миф о перестройке развеян / В. Трухачев // Электронное издание «Гундогар». – Режим доступа: <http://www.gundogar.org/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. Усманов Р.Х. Конфликтотенные факторы и новые вызовы этнополитической стабильности южных регионов России и Прикаспия / Р.Х. Усманов // Каспийский регион: Политика, экономика, культура. – 2013. – № 3 (36). – С. 190.

*«Каспийский регион: Политика. Экономика. Культура»,
Астрахань, 2015 г., №1 (42), с. 233–242.*

С. Луконин,
заведующий сектором экономики
и политики Китая Центра азиатско-тихоокеанских
исследований (ИМЭМО РАН)
ИНВЕСТИЦИИ КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(ТЭК, РЕСУРСЫ, ТРАНСПОРТ)

Основными получателями китайских инвестиций в Центральной Азии (ЦА) являются Киргизия, Таджикистан, Казахстан, Туркмения и Узбекистан. Главные сферы интереса для КНР – топливно-энергетический комплекс, добыча полезных ископаемых, транспортные пути, гидроэлектроэнергия. В 2011 г. Китай инвестировал в ЦА 4 млрд долл. США (см. табл. 1). Сотрудничая с ЦА, Китай выделяет партнеров первого и второго эшелона. К первому относятся страны с общими с Китаем границами – Киргизия, Таджикистан и Казахстан. Ко второму – Туркмения и Узбекистан.

Киргизия рассматривается Китаем как плацдарм для проникновения на рынки Центральной Азии¹. Поэтому приоритет в двусторонних отношениях отдается развитию транспортных коммуникаций. Объем китайских ПИИ в 2011 г. составил 525 млн долл., которые были сосредоточены помимо инфраструктурных проектов также в отраслях добычи и переработки минерально-сырьевых ресурсов, металлургии, легкой и пищевой промышленности и сельского хозяйства.

На 2010 г. в Киргизии было зарегистрировано более 500 китайских предприятий².

Можно выделить несколько крупных транспортных проектов. Во-первых, в 2014 г. начато строительство автодороги Север – Юг от Балыкчы до Джалал-Абада через села Кочкор, Арал и Казарман протяженностью более 430 км и стоимостью 850 млн долл.³ Во-вторых, в 2012 г. завершено строительство автодороги Ош–Сарыташ–Иркештам, на что затрачено более 170 млн долл. Для

¹ Paramonov V., Rashidov O., Stokov A., Stolpovsky O., Sattarov Sh. Economic Presence of China in Kyrgyzstan // Центральная Евразия. Авторский проект В. Парамонова. – URL: <http://ceasia.ru> (Дата обращения: 01.10.2014.)

² Экономическая политика Китая в постсоветской Центральной Азии (1992–2012 гг.). Под ред. В.П. Зиновьева. – Томск: Томский государственный университет, 2012. – С. 311.

³ На место строительства дороги Север–Юг начали подгонять технику // Вечерний Бишкек. 07.02.2014. – URL: www.vb.kg (Дата обращения: 01.10.2014.)

оплаты работ была задействована схема «ресурсы в обмен на финансирование». Китайская золотодобывающая компания Full Gold Mining получила право на разработку месторождения золота Иштамберды¹. Кроме того, в 2012 г. проведен ремонт автодороги Сарыташ – Карамык. Во всех трех случаях генеральным подрядчиком строительства выступала китайская компания China Road & Bridge Corporation².

Таблица 1

**Объем прямых инвестиций Китая в Центральной Азии
в 2003–2011 гг. (млн долл.)**

	Киргизия	Таджикистан	Казахстан	Туркменистан	Узбекистан
2003	15,79	5,12	19,71	0,2	3,27
2004	19,26	21,54	24,78	0,2	4,23
2005	45,06	22,79	245,24	0,2	11,98
2006	124,76	30,28	276,24	0,16	14,97
2007	139,75	98,99	609,93	1,42	30,82
2008	146,81	227,17	1 402,30	88,13	77,64
2009	283,72	162,79	1 516,21	207,97	85,22
2010	394,32	191,63	1 590,54	658,48	83
2011	525,05	216,74	2 858,45	276,48	156,47

Источник: Министерство торговли КНР.

Пока не перешел в стадию реализации проект строительства железной дороги Китай – Киргизия – Узбекистан, который разрабатывается с середины 1990-х годов и оценивается примерно в 6 млрд долл.³ Эта железная дорога позволила бы КНР через Туркмению и Иран выйти к странам Ближнего Востока и Персидскому заливу – железнодорожная магистраль сокращает путь на 900 км.

В рамках визита президента Киргизии А. Атамбаева в Китай в июне 2012 г. были достигнуты предварительные договоренности о размере железнодорожной колеи (1520 мм), а также о возмож-

¹ Министерство экономического регулирования Киргизской Республики. – URL: www.mert.kg (Дата обращения: 01.10.2014.)

² В Киргизстане в рамках Стратегии развития дорожного сектора завершена реабилитация 30% международных автодорог // Internet. Bibo.kz. 15.09.2014. – URL: <http://internet.bibo.kz> (Дата обращения: 01.10.2014.)

³ Начало стройки ж/д КНР – КР – Узбекистан стоимостью в \$ 4,5 или \$ 6,6 млрд намечено на 2014 год // K–News. 05.09.2013. – URL: www.knews.kg (Дата обращения: 01.10.2014.)

ных вариантах финансирования строительства: предоставление ж/д в концессионное пользование китайской компании или создание совместного киргизско-китайского предприятия¹. Ранее в качестве оплаты услуг китайских подрядчиков Киргизия предлагала также использовать схему «ресурсы в обмен на финансирование». Китаю были предложены права на разработку месторождений Террекан и Перевальное, участок Чечекты месторождения нефелиновых сиенитов Сандык и участок Дангы железорудного месторождения Джетым. Однако после изучения документации китайская сторона пришла к выводу, что полезные ископаемые четырех месторождений не покрывают расходы на строительство киргизского участка железнодорожной магистрали².

В области ТЭК важнейшим проектом является строительство ЛЭП «Датка – Кемин», что позволит после подключения к электросетям Казахстана экспортировать электроэнергию в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР (СУАР). Общая стоимость проекта составила более 380 млн долл. Кредит предоставлен Эксимбанком Китая по линии ШОС. Генеральным подрядчиком выступила китайская компания Tebian Electric Apparatus Stock Co. На сегодняшний день завершено около 70% работ. Запуск ЛЭП планируется на 2015 г.³ Кроме того, в 2013 г. завершено строительство нефтеперерабатывающего завода в г. Кара-Балт мощностью до 800 тыс. т нефти в год, которая поступает из Казахстана⁴.

В области добычи природных ресурсов значимым проектом является приобретение за 66 млн долл. в 2011 г. китайской золотодобывающей корпорацией Zijin Mining 60% компании «Алтынкен», которая занимается разработкой месторождения Талдыбулак – Левобережный⁵.

¹ Китай усиливает позиции в Центральной Азии // Алтынорда 28.09.2014. – URL: www.altyn-orda.kz (Дата обращения: 01.10.2014.)

² Экономическая политика Китая в постсоветской Центральной Азии... – С. 284.

³ По проекту строительства ЛЭП «Датка – Кемин» освоено более трети средств // Вечерний Бишкек. 08.10.2013. – URL: www.vb.kg (Дата обращения: 01.10.2014.)

⁴ НПЗ в Кара-Балте будет приносить бюджету страны \$100 млн в год // K-News. 16.07.2013. – URL: www.knews.kg (Дата обращения: 01.10.2014.)

⁵ Zijin Mining приобретет 60% золотого рудника в Киргизии // Bullion.ru. 17.08.2011. – URL: <http://bullion.ru/news/?n=31378> (Дата обращения: 01.10.2014.)

В целом Киргизии отводится роль поставщика сырья и природных ресурсов – их доля в китайском импорте составляет от 60 до 90%.

Таджикистан. Объем китайских ПИИ в 2011 г. составил почти 217 млн долл., которые были сосредоточены в дорожно-транспортной сфере, строительстве линий электропередач и электрических подстанций, телекоммуникациях, текстильной промышленности, сельском хозяйстве и др. Одним из наиболее заметных двусторонних проектов стало соглашение 2008 г. между «Таджикгазом» и CNPC о строительстве дополнительной ветки газопровода в Китай, по которой планируется поставлять до 25 млрд м³ газа в год. Строительство таджикской части газопровода протяженностью 400 км и стоимостью около 3 млрд долл. планируется начать в 2014 г. Реализуется проект модернизации ТЭЦ «Душанбе-2» объемом финансирования 386 млн долл., которое поступает из Эксимбанка и Банка развития Китая (кредит под 2% годовых на 20 лет). Согласно проекту, из 11 турбогенераторов, имеющихся на ТЭЦ, планируется полностью демонтировать четыре, а вместо них установить два новых.

В области транспорта крупнейшим проектом стала реконструкция в 2012 г. автодороги Душанбе – Худжанд с прокладкой тоннеля Анзоб. Кредит на 1 млрд долл. выделен Эксимбанком Китая¹. Кроме того, в 2012 г. банк предоставил 50 млн долл. на реконструкцию дороги Душанбе – Хорог – Кашгар², а также в общей сложности 280 млн долл. на строительство тоннелей Чормагзак, Озоди и Шахристан. В 2011 г. реконструирована автодорога Таджикистан – Узбекистан, на что потрачено еще 177 млн долл.³

Прорабатывается проект строительства железной дороги Китай – Таджикистан – Афганистан. Задача КНР – связать Таджикистан с другими частями Центральной Азии, а также открыть альтернативный Ваханскому коридору маршрут доступа на рынки Афганистана и Пакистана, что оказалось возможным по таджик-

¹ Э. Рахмон на «Шахристане»: Таджикистан выходит из коммуникационного тупика // Новости Таджикистана. 27.10.2012. – URL: <http://news.tj> (Дата обращения: 01.10.2014.)

² Реконструкция автотрассы Душанбе – Дангара завершится к сентябрю // Avesta.tj. 25.02.2012. – URL: www.avesta.tj (Дата обращения: 01.10.2014.)

³ В Таджикистане открылась новая автомагистраль до Киргизии // News-Asia. 26.08.2011. – URL: www.news-asia.ru (Дата обращения: 01.10.2014.)

ской территории, – через перевал Кульма появился доступ к Каракорумскому шоссе.

К значимым проектам в других отраслях можно отнести создание в 2012 г. совместного предприятия по производству цемента «Гаджикской алюминиевой компанией» (ТАЛКО) и «Национальной китайской компанией по производству строительных материалов» в Шахритузском районе Хатлонской области за 600 млн долл. В 2013 г. китайская золотодобывающая корпорация Zijin Mining Group Co Ltd. профинансировала проект «Зарафшон» – совместное предприятие по добыче золота (объем вложенных китайских средств – 140 млн долл.).

Казахстан. В китайской стратегии сотрудничества со странами ЦА Казахстану отводится центральная роль как поставщику ресурсов и как важнейшему экономическому партнеру. Объем китайских ПИИ в Казахстане в 2011 г. составил почти 3 млрд долл., более 90% из них были осуществлены в энергетическом секторе.

Крупные проекты в области ТЭК стартовали еще в 1997 г. – запущен нефтепровод Корлы – Шаньшань длиной 476 км. В том же году началась разработка масштабного проекта строительства нефтепровода «Восток – Запад»¹. Главным проектом в этой сфере на сегодняшний день является строительство нефтепровода Казахстан – Китай. На первом этапе (2006) в эксплуатацию был введен участок Атасу – Алашанькоу (длина участка 988 км, от нефтеналивной железнодорожной эстакады на станции Атасу в Карагандинской области до границы с Китаем в районе железнодорожного терминала Дружба – Алашанькоу). Затем был введен в эксплуатацию участок Кенкияк – Кумколь (2006–2011). Стоимость участка составила 700 млн долл. Первоначально пропускная способность нефтепровода планировалась на уровне 10 млн т нефти в год, которую к 2015 г. предполагается увеличить до 15 млн т нефти в год². В перспективе по нефтепроводу Казахстан – Китай прогнозируется транспортировка нефти из Западного Казахстана и казахстанского сектора Каспийского моря. Данный нефтепровод планируется соединить с нефтепроводом Кенкияк – Атырау, построенным в 2002 г. при поддержке «Казмунайгаз» и CNPC.

¹ Центральная Азия: Роль в перестройке мировых рынков нефти и природного газа... – С. 37.

² Деньги в трубу // Эксперт. Казахстан. 05.03.2007. – URL: <http://expertonline.kz> (Дата обращения: 01.10.2014.)

В 2009 г. был построен и введен в эксплуатацию газопровод из Жамбылской области на юге Казахстана до Хоргоса на казахско-китайской границе. В декабре 2010 г. началось строительство газопровода Бейнеу – Бозой – Шымкент. Проект рассчитан на транспортировку газа с месторождений Западного Казахстана, в том числе расположенных на шельфе Каспия, до Кызылординской, Южно-Казахстанской, Жамбылской и Алматинской областей, и далее в Китай. Китайские компании разрабатывают месторождения для наполнения построенных нефте- и газопроводов. В 2003 г. CNPC приобрела 35 и 65% долей месторождения Северные Бузачи, дочерняя компания Sinopec компания Shenli приобрела 50% акций компании Big Sky Energy Kazakhstan (месторождения нефти Каратал и Дулаты), ранее принадлежавший канадской фирме.

Одна из крупнейших сделок была заключена в 2005 г. – CNPC за 4,18 млрд долл. приобрела компанию PetroKazakhstan. Однако в целях стратегического контроля Казахстана за деятельностью недропользователей казахстанская национальная компания «КазМунайГаз» выкупила 33% акций этой компании. В сентябре 2005 г. «КазМунайГаз» и CNPC подписали меморандум по вопросам участия CNPC в разработке и освоении месторождения Дархан¹.

В 2009 г. Китай предоставил Казахстану кредит на 10 млрд долл. и получил за это 49% акций «Мангистаумунайгаз» – одного из главных активов в нефтяном секторе Казахстана. Сумма сделки составила 3,3 млрд долл. Владельцем пакета стала CNPC, благодаря чему Китаю удалось выйти на третье место по объему нефтедобычи в Казахстане (22,5%), уступая лишь самому Казахстану (28%) и США (24%) и значительно опережая Россию (9%)².

Китайские компании также участвуют в крупных проектах по геологоразведке, строительству и модернизации казахстанских НПЗ. В 2009 г. Эксимбанк Китая финансировал строительство интегрированного газохимического комплекса в Казахстане (5 млрд долл.)³. Компания CNPC в 2008 г. закончила строительство третьего завода по переработке природного газа в Актобе. В конце

¹ Центральная Азия: Роль в перестройке мировых рынков нефти и природного газа... – С. 37.

² Казахстан следующий // Вопросик. 28.01.2012. – URL: <http://voprosik.net/kazakhstan-sleduyushhij> (Дата обращения: 01.10.2014.)

³ Казахстанская нефть на китайской тарелке // Zakon.kz. 07.10.2009. – URL: www.zakon.kz (Дата обращения: 01.10.2014.)

октября 2009 г. Sinopec выиграла тендер на продолжение модернизации Атырауского НПЗ. Согласно условиям тендера, Sinopec обязалась построить комплекс по производству ароматических углеводородов почти за 1,3 млрд долл.¹

В 2010 г. только на территории Актюбинской области действовало более 50 СП с китайской стороны, в основном – в сфере энергетики. Крупнейшее СП – «CNPC – Актюбемунайгаз», с численностью персонала около 8 тыс. человек. Производственные мощности предприятия составили: по добыче нефти – около 6 млн т, по переработке попутного газа – 3 млрд т².

Крупнейший реализуемый проект в области транспорта – строительство автотрассы «Западный Китай – Западная Европа» протяженностью около 2800 км. Она станет частью трансконтинентальной магистрали Китай–ЕС (по состоянию на конец 2013 г. построено / модернизировано более 1 тыс. км). Затраты казахстанской стороны оцениваются в 3 млрд долл., большая часть из которых предоставлена КНР³. Трасса берет начало в китайском порту Ляньюньган, затем проходит через Урумчи, КПП Китая и Казахстана «Хоргос» и ведет в г. Алматы. После Алматы коридор проходит через пять казахстанских областей и ведет в российские города Оренбург и Санкт-Петербург. Затем объединяется с автодорожной сетью Европы. Общая протяженность – 8445 км.

Заслуживают внимания другие крупные проекты КНР в Казахстане. В металлургии китайские компании построили завод по производству алюминия, большая часть которого экспортируется в КНР. Растущий интерес именно к производству алюминия связан с тем, что Пекин всерьез развивает свою авиационную и аэрокосмическую промышленность, для чего необходимо большое количество алюминиевых сплавов. В 2000 г. между Китаем и Казахстаном была достигнута договоренность о строительстве китайскими фирмами фабрики по выпуску железорудных окатышей в Рудном. Стоимость обоих проектов составила около 600 млн долл.

Туркмения стала занимать особое место в политике Китая прежде всего благодаря запасам природного газа. Объем китай-

¹ В Атырау на обновление завода потратят 3 млрд долл. // *Zakon.kz*. 08.11.2012. – URL: www.zakon.kz (Дата обращения: 01.10.2014.)

² Экономическая политика Китая в постсоветской Центральной Азии... – С. 259.

³ От Европы до Китая проложат дорогу // *Российская газета*. 18.03.2013. – URL: www.rg.ru/2013/03/18/doroga-site.html (Дата обращения: 01.10.2014.)

ских ПИИ в Туркмении в 2011 г. составил почти 276,5 млн долл. и направлялся в основном в ТЭК, телекоммуникации, химическую промышленность и строительство железных дорог. Крупнейшим совместным проектом двух стран стал газопровод Туркмения–Китай, проходящий по территории Узбекистана (490 км), Казахстана (1300 км) и далее в СУАР (4500 км). Общая стоимость проекта составила около 7 млрд долл. В рамках подведения сопутствующей инфраструктуры в 2009 г. был построен газоперерабатывающий завод мощностью 5 млрд м³ в год, основным владельцем и оператором которого выступает компания CNPC. Наполнение газопровода обеспечивается за счет разработки туркменского газового месторождения Галкыныш, запасы которого оцениваются в 21,2 трлн м³.

Также китайские компании осваивают газовые месторождения правобережья р. Амударьи с оценочными ресурсами 1,7 трлн м³ на условиях соглашения о разделе продукции. Согласно достигнутым договоренностям, CNPC в течение 12 лет должна пробурить 12 разведочных скважин на месторождении Южный Елотен.

В 2007 г. было подписано соглашение между «Туркменнефть» и Sinopet о бурении шести скважин с проектной глубиной 3,1 км на месторождении Яшилдепе¹. В 2009 г. CNPC стала одной из компаний, которая выиграла тендер на осуществление добычи газа на месторождении Южный Елотен – Осман. В 2011 г. в счет будущих поставок Государственный банк развития Китая выдал дополнительный кредит концерну «Туркменгаз» на сумму 4,1 млрд долл. для разработки данного месторождения.

Кроме того, КНР оказывает помощь в развитии туркменской химической отрасли, где особый интерес представляет производство минеральных удобрений. В 2006 г. Эксимбанк Китая предоставил Туркмении льготный кредит на сумму в 300 млн долл., предназначенный для реконструкции производственного объединения «Марыазот», выпускающего аммиак и азотные удобрения².

Китайская проектная активность в транспортной отрасли Туркмении сводится преимущественно к поставкам транспортных

¹ «Туркменгаз» и «Туркменнефть» выбрали подрядчиков // Библиотека тендеров. 02.07.2007. – URL: www.tenderlib.ru/news/421 (Дата обращения: 01.10.2014.)

² Китай инвестирует в нефтегаз, нефтехимию, фармацевтику и телекоммуникации Туркмении // Управление персоналом. 27.10.2009. – URL: www.top-personal.ru (Дата обращения: 01.10.2014.)

средств, а также комплектующих и запасных частей к ним. В 2010 г. было закуплено 48 дизельных локомотивов и 50 вагонов для линии Ашхабад – Дашогуз. Всего по условиям контракта Туркмения обязана закупить 200 вагонов, 160 из них пассажирские в общую сумму 800 млн долл.¹ Узбекистан для Китая – страна «второго эшелона», так как не имеет общих границ, а также выходов к морю. Вместе с тем КНР расценивает такое расположение как преимущество и называет Узбекистан «центром Центральной Азии». Как и в случае с другими государствами ЦА, основной интерес Китая сосредоточен в области ТЭК. Объем китайских ПИИ в 2011 г. составил почти 156,5 млн долл., которые были осуществлены преимущественно в энергетике, телекоммуникациях, поставках нефтяного и электронного оборудования.

Ключевой по значимости проект – узбекский участок газопровода Туркмения – Узбекистан – Казахстан – Китай, стоимостью около 2 млрд долл. Его строительство проводилось узбекско-китайским СП Asia Trans Gas. В 2011 г. СП открыло вторую ветку газопровода. К 2014 г. планируется строительство третьей очереди пропускной способностью 25 млрд м³ газа в год². Финансирует предприятие Банк развития Китая и CNPC. Согласно условиям контракта, китайские компании также обязаны инвестировать средства в разработку нефтегазоносных участков в Устюрте, Бухаре, Хиве и Ферганской долине. Кроме того, было заключено соглашение с китайской CNODC (дочернее предприятие CNPC) о проведении геологоразведочных работ на 23 месторождениях в течение 25 лет.

Компании из КНР вовлекались в модернизацию газовых сетей в Узбекистане. В 2008 г. «Узтрансгаз» и китайская Alcatel–Lucent Shanghai Bell Co. подписали контракт на проектирование и поставку «под ключ» объектов газотранспортной системы стоимостью 77,5 млн долл. В рамках проекта была восстановлена электрохимзащита газопроводов, налажена вдольтрассовая радиосвязь, осуществлена прокладка телекоммуникаций с установкой магистральной системы передачи сигнала по волоконно-оптической линии связи протяженностью 2 тыс. км и система

¹ Китай оснащает Туркмению новыми пассажирскими вагонами и тепловазами // ЦентрАзия 11.08.2006. – URL: www.centrasia.ru (Дата обращения: 01.10.2014.)

² Центральная Азия: роль в перестройке мировых рынков нефти и природного газа... – С. 39.

управления технологическими процессами по газотранспортной сети¹. Проект осуществлен в 2010–2011 гг. при финансировании Эксимбанка Китая в объеме 73,6 млн долл. В транспортной отрасли проекты связаны с созданием транзитных путей. Сообщение между КНР и Узбекистаном осуществляется через территорию Казахстана и Киргизстана. Поэтому в плане развития коммуникаций Узбекистан представляет для Китая интерес лишь в качестве транзитной страны в системе трансасиатских международных маршрутов. В качестве перспективных для развития транспортных проектов выделяются следующие: строительство узбекского участка железной дороги Узбекистан – Киргизия – Китай; строительство узбекского участка автомобильной дороги Узбекистан – Киргизия – Китай; строительство железной дороги Ангрэн – Пап, дающей возможность открытия прямого коридора из Китая в страны Южной Азии.

Значение взаимодействия с ЦА для развития внутренних регионов КНР

Выстраивая долгосрочные торгово-экономические связи со странами ЦА, Китай решает несколько внутривнутриполитических задач: обеспечивает политическую и социальную стабильность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР); развивает экономику СУАР за счет потенциала сотрудничества со странами ЦА; укрепляет стабильность на северо-западных границах; диверсифицирует поставки природных и энергоресурсов; расширяет транзитные пути в Европу, на Средний и Ближний Восток, а также в Кавказский регион; создает рынки сбыта для китайских товаров и услуг.

В соответствии с Программой развития западных провинций Китая («Идти на Запад») СУАР выбран основной площадкой по сотрудничеству со странами ЦА. В рамках программы на конец 2013 г. в СУАР реализовывалось около 100 проектов государственных инвестиций объемом более 170 млрд долл. Большая часть из них ориентирована на центральноазиатские государства.

В соответствии со Среднесрочным планом развития транспортной сети Китая, на страны ЦА замыкаются внутрикитайские транспортные коридоры: Урумчи – Коргас от г. Урумчи до пункта перехода китайско-казахстанской границы Коргас; Линьхэ –

¹ Китай модернизирует газовые сети в Узбекистане // ИА REX. 08.08.2010. URL: www.iarex.ru/articles/7468.html (Дата обращения: 01.10.2014.)

Фанчэнган – от городского округа Фанчэнган (Гуанси-Чжуанский автономный район) до района городского подчинения Линьхэ (автономный район Внутренняя Монголия); Тяньцзинь – Торугарт – от г. Тяньцзинь до пункта перехода китайско-киргизской границы Торугарт; Циндао – Лхаса – от порта Циндао до г. Лхасы; Ляньюнь – Алатау – от порта Ляньюньган до г. Алатау (Казахстан).

Центральный проект программы «Идти на Запад» – внутрикитайский газопровод «Восток – Запад» (запущен в 2005 г.) соединен с газопроводом Центральная Азия – Китай. Особую актуальность использование центральноазиатского газа приобретает в свете, во-первых, обострившейся экологической проблемы, во-вторых, планов китайского правительства развивать зеленую экономику.

Мегапроекты «Экономический пояс шёлкового пути» и «Морской шёлковый путь XXI в.»

Главным стратегическим новаторством нового китайского руководства стала выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином во время визита в 2013 г. в Казахстан идея «Экономического пояса шёлкового пути», которая предполагает создание транспортных коридоров от Тихого океана до Балтийского и Средиземного морей¹.

В настоящее время в центре внимания китайского правительства – проработка транспортной схемы, состоящей из двух крупных участков. Первое звено – строительство железной дороги через Турцию с началом в г. Эдирне (граница с Грецией и Болгарией), проходящей через Стамбул, Анкару и оканчивающейся в г. Каре (граница с Грузией). Общая протяженность около 1,5 тыс. км. Этот проект обсуждался во время визита турецкого премьера в Китай в конце 2013 г. Пекин пообещал вложить в проект около 35 млрд долл. Предполагаемая дата завершения строительства – 2023 г. В этот сегмент может быть включен греческий порт Пирей (китайская компания COSCO арендовала три терминала сроком на 35 лет за 4,3 млрд долл.).

Второе звено – продолжение турецкой железной дороги через Грузию, Азербайджан (порт в пригороде Баку), Каспийское море, Туркмению (порт Туркменбаши), Узбекистан, Киргизию и

¹ Китаю и Казахстану нужно создать «Экономический коридор шёлкового пути» – председатель КНР Си Цзиньпин // Russian.people.cn. 08.09.2013. – URL: <http://russian.people.com.cn/31519/8393182.html> (Дата обращения: 01.10.2014.)

Казахстан до Восточного Китая. Соглашение о строительстве железной дороги было подписано Турцией, Грузией и Азербайджаном в 2005 г., но из-за отсутствия финансирования работы по проекту не велись до июля 2008 г. Общая протяженность ветки составит более 820 км, из них с «нуля» строится 100 км – остальное модернизируется.

Другим мегапроектом по наращиванию китайской экономической экспансии стал «Морской шёлковый путь XXI в.», идея которого озвучена в декабре 2013 г. министром иностранных дел КНР. Задача мегапроекта – соединить посредством портов Тихий и Индийский океаны.

В настоящее время правительство КНР осознает и стремится преодолеть вызовы осуществлению мегапроектов «Экономического пояса шёлкового пути»:

- Пересечение интересов США, России и Китая на пространстве шёлкового пути. Стремясь не испортить политические отношения с другими ключевыми игроками в ЦА, КНР подчеркивает, что «Экономический пояс шёлкового пути» не противоречит интеграционным процессам на постсоветском пространстве, а дополняет их.

- Различия между Китаем и странами ЦА. КНР опережает страны ЦА в области демократизации, не говоря об экономическом развитии. При этом КНР не увязывает экономические проекты с политическими требованиями и не вмешивается во внутренние дела суверенных государств.

- Нестабильность в странах ЦА. Руководство КНР полагает, что сотрудничество в экономике (китайские инвестиции) повысит уровень жизни населения и обеспечит необходимую стабильность.

- Создание «Экономического пояса шёлкового пути» предполагает активное участие китайского среднего и малого бизнеса, однако он не готов к работе на зарубежных рынках (нет опыта и средств). Поэтому оказывается государственное содействие развитию малого и среднего бизнеса сначала в самом Китае, а потом за его пределами.

* * *

Для России сотрудничество КНР со странами ЦА, а также идея «Экономического пояса шёлкового пути» носит двойственный характер. С одной стороны, Россия может получить экономическую выгоду от модернизации транспортных сетей за счет

китайского капитала. С другой – в случае успеха стратегии «Шёлкового пути», Россия оказывается в положении «ведомого» в рамках этого долгосрочного проекта. В связи с этим можно выделить следующие рекомендации для России.

- Не бойкотировать мегапроект «Экономического пояса шёлкового пути», а постараться использовать направляемый на его реализацию китайский потенциал в собственных экономических интересах.

- Не отказываться окончательно от либерализации торговли с Китаем, а выработать концепцию, каким темпом продвигать такую либерализацию к созданию в будущем зоны свободной торговли.

В случае непринятия этой идеи и по мере продвижения концепций Шёлкового пути и Транстихоокеанского партнерства, Россия может оказаться в невыгодном положении по отношению к партнерам с высоким уровнем либерализации экономических связей.

*«Энергетика и инновации
на перекрестках мировой политики
(Мировое развитие. Вып. 13). ИМЭМО РАН»,
М., 2014 г., с. 69–82.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

С. Демиденко,

кандидат исторических наук,
доцент (НИУ-ВШЭ)

ЛИВИЯ: ХАОС ПРОДОЛЖАЕТСЯ

До 2011 г. Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия (СНЛАД) была богатым и относительно благополучным государством, в котором его глава, полковник Муаммар Каддафи, пытался выстроить рай для отдельно взятой части арабского народа. Все жители получали определенную долю от нефтяных доходов, правительство обеспечивало граждан бесплатным образованием, жильем и медицинским обслуживанием, субсидировало цены на продукты питания и товары первой необходимости. Что касается самой идеи Джамахирии как государственного устройства, то этот проект нельзя рассматривать как эксцентричную идею чудаковатого бедуина Каддафи. В условиях разделения страны по племенному признаку (до 120 только крупных племен¹) идея народных собраний в общем соответствовала ливийским реалиям. Джамахирийская система поддерживала традиционный, знакомый испокон веков каждому ливийцу уклад, создавала иллюзию того, что все жители страны участвуют в ее политической жизни и напрямую влияют на принятие важнейших государственных решений. Вдобавок огромная численность высшего законодательного органа – Всеобщего народного конгресса (2700 депутатов²) – обеспечивала представительство в нем каждого из племен.

Однако даже СНЛАД, страна с относительно небольшим населением и очень высокими нефтяными доходами (в сравнении

¹ Егорин А.З., Миронова Г.В. Сенуситы в истории Ливии. – М., 2006. – С. 22–32.

² Егорин А.З. Муаммар Каддафи. – М., 2009. – С. 102. – <http://www.kommersant.ru/doc/501357>

с другими африканскими странами), оказалась затронута волной нестабильности, получившей с легкой руки СМИ название «арабская весна». В основе протеста лежали, во-первых, регионально-племенной фактор (до революции 1969 г. у власти находились представители Киренаики – племенные вожди – выходцы из среды ордена сенуситов, после же переворота, организованного группой «Свободных офицеров юнионистов-социалистов», первенство перешло к представителям Триполитании¹), а во-вторых, не вполне адекватная экономическая политика самого Каддафи.

За время своего правления полковник несколько раз кардинальным образом менял экономический курс страны. Начиная с 1969 г. до периода окончательной «джамахиризации» (1976–1979), государство вело планомерное наступление на частный сектор. В результате этих действий население столкнулось со всеобщим дефицитом, тотальной забюрократизированностью, ростом коррупции и злоупотреблений. Это дало почву для появления и в самой Ливии, и за ее пределами антикаддафистских организаций самого различного толка – от монархических до ультра религиозных. В 1987 г. Каддафи вынужден был снять запрет на частную собственность. Затем вследствие террористических актов в Ла-Белль (1986) и в Локкерби (1988) Ливия попала под действие международных санкций, и уровень жизни поднять не удалось вновь. В начале 2000-х годов полковник пересмотрел теперь уже основы внешней политики, что привело к отмене эмбарго и активизации экономической жизни СНЛАД. Очень кстати начался и нефтяной бум, который дал Триполи исключительные возможности по претворению в жизнь масштабных социальных проектов, «успокоивших» большую часть населения. Однако полностью протестная база оппозиции за столь недолгий промежуток времени размыта не была (особенно в Киренаике), чем в 2011 г. и воспользовались внешние силы (страны НАТО и арабские монархии Персидского залива) с целью устранения неугодного им Каддафи.

Справляясь более или менее с поддержанием стабильности внутри страны и разорвав режим международной изоляции, Каддафи, видимо уверовав в свой «дипломатический гений», в международной политике допустил ряд серьезных просчетов, которые и обернулись катастрофой для СНЛАД. Потерпев неудачу

¹ См.: Егорин А.З. Муаммар Каддафи. С. 417–426. Анализ биографий вождей революции однозначно свидетельствует в пользу преобладания в их составе выходцев из Западной Ливии.

в открытом противостоянии с Западом, полковник с 2000-х годов стал использовать против «империалистов» нефтяное оружие. Ради углеводородных богатств Ливии европейцы готовы были терпеть и санкции в отношении Швейцарии, и бесконечные скандалы на фешенебельных европейских курортах, связанные с именами сыновей Каддафи¹. Италия даже взяла на себя обязательство выплатить Ливии несколько миллиардов долларов в качестве компенсации за многолетнюю оккупацию. Унижая европейцев, Каддафи демонстрировал населению Ливии волю к борьбе и твердость в отстаивании политических принципов. Страна должна была гордиться своим лидером. Однако европейцы, разрабатывая ливийские концессии, не забывали об унижениях, которым подвергал их Каддафи, допуская к разработкам углеводородных месторождений. Скорее всего, план свержения режима и передела местного рынка зрел в столицах Старого Света уже давно. Ждали только удобного случая. Он представился, когда на волне «арабских революций» в Киренаике началось очередное, казалось бы рутинное, выступление мятежников, которое сразу же получило всеобъемлющую поддержку извне.

Свое слово сказали и Саудовская Аравия с Катаром, давно и люто ненавидевшие лидера СНЛАД. Каддафи всегда считал, что основным препятствием для объединения арабов (под эгидой Триполи) является «антинародная» политика консервативных арабских монархий – Саудовской Аравии, Иордании, Катара, Бахрейна, ОАЭ (после обострения отношений между Триполи и Каиром в 1977 г. этот список пополнился Египтом). В этой связи он интриговал на международной арене против «заливников», а также поддерживал силы, дестабилизирующие ситуацию внутри клерикальных арабских монархий. Конфликт Триполи с государствами Персидского залива был настолько глубок, что в 2002 г. Ливия вышла из Лиги арабских государств, а среди экспертов широкую известность получил факт глубокой личной неприязни между Каддафи, с одной стороны, и королем Саудовской Аравии Абдаллой и бывшим эмиром Катара Хамадом аль-Тани – с другой, последнего Каддафи даже оскорблял публично².

После падения СНЛАД большинство наблюдателей сходилось на том, что страну ждет хаос и, вероятнее всего, гражданская война. На первых порах эти прогнозы не полностью оправдались,

¹ См., например: <http://newsru.co.il/world/31dec2009/aline706.html>

² <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/20-01-12a.htm>

что дало некоторым западным авторам повод заявить о победе в Ливии демократических сил¹. Основываясь, видимо, на этих оптимистичных прогнозах, крупнейшие игроки углеводородного рынка Европы (Eni, Wintershall, Total, OMV) начали работу в Ливии, активно сбывая добытое сырье в Италии, Китае и Франции². Однако достаточно скоро оживление сменилось стагнацией, а уровень добычи стал неуклонно снижаться (в августе 2013 г. он составлял 650 тыс. баррелей в сутки, в то время как на протяжении всего 2012 г. он держался на уровне 1,3–1,4 млн баррелей)³. Такому положению дел способствовали нарастающие дезинтеграционные процессы.

Летом 2012 г. в Ливии прошли выборы во Всеобщий национальный конгресс, которые должны были стать первым шагом обновленной страны на пути к демократии. Результаты голосования вселили в европейцев еще больше надежд на стабилизацию ситуации – исламисты проиграли. В парламент было избрано 200 депутатов (80 – по партийным спискам, 120 – независимые)⁴. Победу праздновал Альянс национальных сил, считавшийся на тот момент условно либеральным (или исламистско-либеральным⁵). Второе место заняла Партия справедливости и строительства (ПСС) – политическое крыло ливийских «Братьев-мусульман» (основана в марте 2012 г.⁶). Из оппозиционеров, которых фактически «в обозе» привезли французы и итальянцы, тут же был сформирован кабинет министров, приступивший к созданию сил национальной безопасности⁷.

¹ См., например: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2011/oct/21/libya-revolution-democracy-muammar-gaddafi>

² Касаев Э.О. Нефтяные потери Ливии // Независимая газета. 15 октября 2013 г.

³ Там же.

⁴ <http://www.bbc.com/news/world-africa-18721576>

⁵ Мешерина К.В. Новая Ливия: Тернистый путь... куда? // Азия и Африка сегодня. – № 2 (679) – 2014.

⁶ <http://www.tripolipost.com/article/detail.asp?c=1&i=7553>

⁷ Долгое время витриной ливийской оппозиции был Мохаммед Магареф – бывший посол в Индии. В 1980 г. Магареф вместе со всем штатом бюро сбежал на Запад и в 1981 г. основал в Хартуме Национальный фронт спасения Ливии. В августе 2012 г. именно Магареф стал спикером парламента обновленной Ливии. Однако, окунувшись в реальную политическую жизнь и, видимо, поняв, что разобрать весь ворох накапливающихся проблем он не в состоянии, Магареф подал в отставку 28 мая 2013 г. Несколько дольше продержался бывший помощник Магарефа по работе в посольстве Индии Али Зейдан, занимавший до недав-

Однако достаточно быстро выяснилось, что ни парламент, ни его спикер, который в новой Ливии является главой государства, ни правительство не имеют возможности проявить управленческую состоятельность. Негативные прогнозы экспертного сообщества начали сбываться с 2012 г., когда началась полная дезинтеграция ливийского социума. Причиной же этих процессов стало обострение противоречий между крупными племенами и племенными союзами, которые в условиях разрушения ориентированных на поддержание межплеменного мира институтов Джамахирии вступили в борьбу за контроль над недрами, над маршрутами контрабанды вооружений, над поставками продовольствия. Жертвой этих усобиц стал даже посол США в Ливии, убитый мятежниками в сентябре 2012 г.

На первых порах основным источником нестабильности была Киренаика. Региональные лидеры стремились добиться как можно более широких прав автономии, чтобы самим контролировать залежи углеводородов, политическим представителем восточных вождей является полевой командир Ибрагим аль-Джатран¹. В условиях ослабления центральной власти фактическими хозяевами положения на востоке страны стали местные шейхи. В 2013 г. «ополченцы» Джатрана, как бы демонстрируя свою мощь, захватили нефтяные терминалы в портах Рас-Лануф, Сидер, Эз-Зувайтина, Харига² и удерживали их в течение девяти месяцев. Применить против «сепаратистов» войска официальный Триполи так и не решился, опасаясь, видимо, что насилие приве-

него времени пост главы кабинета министров. Зейдан, движимый желанием установить контроль центральной власти над ливийским ТЭКом, отдал приказ вооруженным силам атаковать танкеры, которые нелегально вывозят из страны нефть. После этого в октябре 2013 г. Зейдан был похищен некими людьми, которые препроводили премьера в неизвестном направлении, хотя скоро освободили. По всей видимости, главу кабинета вывезли куда-то для беседы о будущем углеводородного потенциала Ливии. Детали разговора, равно как и тот, кто был собеседником Зейдана, остались неизвестными. В марте же 2014 г. премьеру, которого обвинили в коррупции и неспособности выполнять свои прямые обязанности, был вынесен вотум недоверия, и в его отношении прокуратура начала расследование (см. например: http://www.libyaherald.com/2012/08/11/mohammed-magarief-from-libyas-most-hunted-man-to-national-congress-speaker/#_axzz2zb85YcD3; Егорин А.З. Муаммар Каддафи. – М., 2009. – С. 191; ИНТЕРФАКС. «Международная информация». 28 мая 2013 г. 22:26).

¹ <http://www.chicagotribune.com/news/sns-rt-us-libya-oil-20140305,0,4939195>.

story

² Ibid.

дет к социальному взрыву по всему востоку страны. Урегулировать конфликт удалось путем переговоров¹.

Несколько позже кризисные процессы стали набирать силу и в Триполитании. Основной очаг напряженности здесь – город Мисурата. Проживающие в его окрестностях племена испокон веку отличались особенной воинственностью, не ладили с соседями и были головной болью и для итальянцев, и для короля Идриса, и для самого Каддафи. Не случайно мисуратцы стали едва ли не основным ударным отрядом повстанцев в борьбе против джамахирийского режима; именно они пленили и убили сначала самого Каддафи, а потом захватили и удерживают в качестве боевого трофея его старшего сына Сейф-аль-Ислама. Сначала мисуратцы вели борьбу с берберами Зинтана (в рядах оппозиции они более известны как «Зинтанская бригада»), потом переключились на родное племя бывшего лидера Джамахирии – Каддафа.

На разбой, чинимый мисуратцами, до поры до времени никто не обращал особенного внимания, пока воинственные бедуины не бросили вызов могущественным кланам Востока, став во главе происламского альянса «Рассвет Ливии». В данный союз, помимо Мисураты, вошли также ориентированные крайне радикально организации «Ансар аш-Шариа», «Аль-Каида в Средиземноморье» и местные «Братья-мусульмане». Вероятнее всего, под этими названиями скрываются представители мелких восточных племен, которые под эгидой радикального ислама и могущественной Мисураты выступили против диктата племенных союзов Киренаики². Имеются также сведения об участии в этом объединении боевиков из ИГИЛ³.

Летом 2014 г. «Рассвет Ливии» захватил ключевые города страны – сначала «колыбель революции» и экономический центр – Бенгази, а позже и саму столицу. Под напором мисуратцев из Триполи бежали депутаты избранного в июле 2014 г. нового парламента, которые теперь уже в изгнании, в Тобруке, создали «единственный законный» орган власти – Палату представителей. Его признает мировое сообщество, от его лица действует и «законный» премьер Абдалла аль-Тани. Что касается мятежников, то они создали в Триполи свой законодательный орган и своё

¹ <http://www.angi.ru/news.shtml?oid=2811485>

² ИТАР-ТАСС. «Международная панорама». 4 декабря 2014 г. 18:52.

³ ИТАР-ТАСС. «Международная панорама». 5 декабря 2014 г. 11:26.

марионеточное правительство Омара аль-Хаси¹, которое в ноябре 2014 г. даже решилось отправить своих представителей на саммит ОПЕК².

Таким образом, сейчас в Ливии действует два парламента и два кабинета министров, противостояние между которыми углубляет раскол в обществе и погружает страну в пучину политического хаоса. Всё чаще при описании ситуации в бывшей Джамахирии звучит термин «сомализация». И это действительно так. Гражданская война, начавшаяся в 2011 г., с падением режима Каддафи лишь набирает обороты. Восточная элита, скоординировав действия и проведя ревизию своих военных сил, выступила против захвативших контроль над крупнейшими экономическими центрами страны мисуратцев и союзных им племен (исламистов). Операцию под названием «Достоинство Ливии» возглавил один из оппозиционных режиму Каддафи генералов Халифа Хафтар³ (по данным американских источников – гражданин США⁴). Подконтрольные ему подразделения носят название Ливийской национальной армии, и им уже (хотя и негласно) придан статус Вооруженных сил страны, поскольку созданные под эгидой «законного» правительства и при поддержке европейцев армия и полиция со своей задачей очевидно не справились.

Теперь бои с переменным успехом идут за Бенгази и Триполи. О победах сообщает то одна, то другая сторона. Перелома в ходе боевых действий, однако, не происходит, по всей видимости, в силу того, что Ливия по сей день является плацдармом борьбы не только внутренних, но и региональных сил. Исламистам Мисураты помогает Катар⁵, а восточным шейхам ориентированное теперь просаудовски египетское руководство президента А. Ас-Сисси⁶. Противостояние между этими центрами силы (Дохой и Эр-Риядом) определяет с недавнего времени политическое лицо всего Ближневосточного региона.

¹ <http://www.reuters.com/article/2014/11/28/us-libya-security-rival-idUSKCN0JC1A320141128>

² ИТАР-ТАСС. «Международная панорама». 26 ноября 2014 г. 17:15.

³ ИТАР-ТАСС. «Международная панорама». 2 декабря 2014 г. 15:07.

⁴ http://www.nytimes.com/2014/05/28/opinion/the-new-danger-in-benghazi;html?action=click&contentCollection=Opinion®ion=Footer&module=MoreInSection&pgtype=article&_r=0

⁵ ИТАР-ТАСС. «Международная панорама». 31 октября 2014 г. 17:48.

⁶ <http://bigstory.ap.org/article/7fe66b72c56a49479c46d19ef2e3bf66/clashes-libyas-benghazi-kill-least-3>

Сегодня Ливия как бы выкинута из мирового информационного пространства. О ней мало пишут, еще меньше говорят. Подобная информационная блокада объясняется тем, что несостоятельность очередного, на этот раз европейского, эксперимента по модернизации арабского государства путем широкого применения силовых методов очевидна. Вместо демократии, свободы и процветания ливийский народ получил горе, нищету и тотальную исламизацию. Можно сказать, что европейцы, вторгнувшись в СНЛАД (американцы, как известно, отозвали свою авиацию после первых же дней налетов¹), наступили там на те же грабли, что и США в Ираке. Желая сделать покоренную страну более лояльной и управляемой, они уделили много внимания военной фазе (к слову сказать, и здесь у Брюсселя получилось не слишком удачно), не разработав никакого внятного плана послевоенного ее обустройства. Европейцы понадеялись на универсальность либеральных методов, решив, что демократия всё наладит сама собой. Однако, как это уже не раз подтверждалось политической и исторической практикой, что хорошо для развитых в социально-экономическом отношении сообществ, плохо для структур отсталых и архаичных. Именно к таким структурам необходимо отнести и ливийское общество, которое к моменту начала агрессии так и не сумело разорвать тенета племенной раздробленности. В результате у южных рубежей Старого Света тлеет очаг политической нестабильности, распространяющий вокруг гуманитарные проблемы, исламизацию и контрабанду наркотиков и вооружений (в том числе и массового уничтожения²).

Сегодня как никогда ясно – хаос в Ливии будет лишь нарастать. Помимо противостояния между Мисуратой и восточными шейхами, дезинтеграционные процессы усиливаются вследствие конфликтов друг с другом отдельных племен – каддафы и ауляд сулейман³, тубу и туарегов⁴ и т.д.). Управлять конгломератом воинственных и своевольных племен мог лишь человек, изнутри понимавший специфику организации местного сообщества. Однако человек этот канул в Лету, а новые рецепты формирования государственности оказались в Ливии нежизнеспособны. Сравнение

¹ Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. – М., 2012. – С. 387–388.

² ИТАР-ТАСС. «Политика». 19 ноября 2014 г. 22:28.

³ ИТАР-ТАСС. «Международная панорама». 28 сентября 2014 г. 23:09.

⁴ ИТАР-ТАСС. «Международная панорама». 21 сентября 2014 г. 19:12.

с Сомали более чем уместно, ибо теперь это не государство, а всего лишь географическая территория на политической карте Северной Африки.

«Запад – Восток – Россия 2014. Ежегодник. ИМЭМО РАН», М., 2015 г., с. 111–116.

В. Кириченко,
востоковед (ИВ РАН)
**ТРАНСГРАНИЧНАЯ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ
ОБЩНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО:
ШИИТЫ И ВЛАСТЬ В ИРАКЕ
В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ САДДАМА ХУСЕЙНА
(1979–2003)**

Ареал той или иной конфессиональной общности часто не ограничивается территорией одного государства. Наличие в двух или нескольких соседних государствах разделенного границами крупного массива одной религиозной группы может восприниматься в том из этих государств, где данная группа не является господствующей в политическом отношении, как потенциальный вызов национальной государственности на стадии ее становления. Ибо возникают опасения, что религиозная идентичность пересилит гражданскую, и политические лояльности ее носителей будут определяться из-за границы.

Примером такого восприятия может служить режим Саддама Хусейна в Ираке. И на его внутреннюю политику, и на отношения Ирака с соседним Ираном значительное влияние оказывал факт присутствия в обоих государствах миллионов шиитов. По оценке ЦРУ США, они составляют 60–65% населения в Ираке¹ и 90–95% – в Иране². Эти цифры оспариваются как завышенные: так, ряд экспертов и международных организаций считают, что доля шиитов в Ираке – не более 53–54%³; однако в любом случае

¹ См.: Middle East: Iraq // Central Intelligence Agency. The World Fact Book. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/iz.html> (access date: 29.08.2014.)

² Middle East: Iran // Ibid. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html> (access date: 29.08.2014.)

³ См., например: Тульский М. Все религии Ирака // Портал Credo.ru. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=96> (Дата обращения: 29.08.2014.)

шииты образуют большинство и в Ираке, и в Иране. В Ираке они преобладают на юге страны и в Багдаде, но вообще шиитские общины встречаются на всей территории страны. Сунниты проживают в основном в центре и в северной части Ирака.

Далее мы попытаемся найти ответы на два вопроса. Вопрос первый: действительно ли шииты Ирака могли бросить вызов той модели светской государственности, которая строилась в Ираке при Саддаме и которую, несмотря на все панарабские компоненты в ее идеологическом обосновании и ярко выраженный авторитаризм в политической практике нацистроительства, следует всё же определить в целом именно как модель национальной государственности?¹ Вопрос второй: если они могли это сделать, реализовался ли потенциал трансграничного этноконфессионального вызова национальному государству в Ираке, перерос ли он в угрозу, и если да, то в каких масштабах?

I

Религиозные противоречия между иранскими шиитами, которые составляют большинство населения Ирана, и суннитами арабских стран переплетались с политическими амбициями правителей и в Средние века, и в Новое и Новейшее время.

После смерти Пророка в 632 г. часть мусульман полагала, что новый лидер должен происходить из его семьи, что лишь его родственник имеет право на халифат². Эта фракция поддержала Али ибн Аби Талиба, двоюродного брата и зятя Мухаммада. Однако большинство посчитало данное условие не обязательным и выбрало халифом Абу Бакра (632–634), одного из ближайших сподвижников Мухаммада. Еще дважды большинство мусульманской общины высказывалось против кандидатуры Али: в 634 г. в пользу Умара, и в 644 г. в пользу Усмана. Али стал халифом лишь в 656 г. после убийства Усмана. Условия, при которых Али

¹ В данном случае мы солидарны с мнением израильского исследователя Офры Бенгио, полагающим, что вплоть до войны 2003 г. в основе процесса строительства иракского государства лежала идея именно nation-state. См.: Bengio, Ofra. Iraq – From Failed Nation-State to Binational State? – URL: http://www.tau.ac.il/dayan-center/pdfim/Bengio_Iraq%20-%20From%20Failed%20Nation-state%20to%20Binational%20State.pdf (access date: 17.09.2014.)

² Здесь и далее по: *Большаков О.Г.* Арабские завоевания. Халифаты Умаййядов и Аббасидов. Распространение ислама. История Востока. Т. II. Восток в Средние века. – М.: «Восточная литература», 2002.

был провозглашен халифом, – отсутствие в Медине ближайших сподвижников Мухаммада, которые могли претендовать на пост халифа, – делали его избрание уязвимым. Наместник Сирии Муавийя, родственник Усмана, не признал власть Али. В результате новый халиф был вынужден искать решение проблемы на поле брани. Пытаясь заручиться поддержкой арабов Ирака, Али перенес свою резиденцию в г. Куфу и дал бой войскам Муавийи в долине Сиффин в верховьях Евфрата. В решающий момент, когда Али получил перевес, сирийские войска прикрепили к своим копьям листы Корана, что означало призыв к третьей стороне. Али, настроенный примиренчески, прекратил сражение, но часть его сторонников (12 тыс.) не согласилась с ним и покинула военный лагерь, создав прецедент раскола в стане мусульман. Позднее этих людей стали называть хариджитами (от араб. *харадж* – покидать).

После гибели Али в 661 г. вопрос о преемственности в халифате возник снова. Хасан, старший сын Али, под давлением Муавийи отказался от своих претензий на власть при условии значительного отступного. Его младший брат Хусейн по призыву сторонников своего отца отправился отвоевывать свое право у сирийского наместника. Однако в 680 г. он был окружен сирийскими войсками у г. Кербелы и затем убит в бою. После этого Муавийя провозгласил себя халифом, став, таким образом, первым правителем династии Омейядов.

Тем не менее многие из мусульман, в свое время поддержавших Али, были не согласны с таким поворотом событий. В частности, особое недовольство высказывали мусульмане Ирака, на которых в последние годы опирался Али (их называли шиит Али – «партия Али»). Не согласны были и бедуины, ставшие основной движущей силой при завоевании Ирака. Для них идея наследования власти (а не выборность) имела принципиальное значение. Так возникли предпосылки для возникновения шиитского направления ислама.

II

Ирак занимает особое место в истории шиизма. На территории этой страны имам Али и его потомки обрели сторонников сначала среди арабов, а позднее и среди персов. В иракском городе Кербеле находится гробница Хусейна, младшего сына имама Али и Фатимы, дочери Пророка. По мнению российского исследователя О.Г. Большакова, именно гибель Хусейна при Кербеле «завер-

шила кристаллизацию идеологии шиизма»¹. На формирование шиизма в целом повлияло то, что там, где он зародился, – в Южном Ираке – происходило активное взаимодействие разных этнических групп и имело место смешение культур, в том числе и религиозных идей. В этом регионе арабская кочевая культура вступила во взаимодействие с иранской земледельческой культурой. Не менее значимым было влияние христианской Византии. Примерами такого влияния можно назвать наличие в шиизме особой роли махди и культа мученичества.

Что касается Ирана, то хотя шиизм начал распространяться там еще в Средние века, официальной религией государства он был провозглашен лишь в XVI в. при династии Сефевидов (1501–1736). Как отмечал выдающийся советский востоковед И.П. Петрушевский, «до начала XI в. Иран был по крайней мере наполовину (если не больше) суннитской страной»². При Сефевидах шиизм нередко навязывался силой. Так, множество оппозиционно настроенных суннитов было убито в Тебризе, Герате и Исфахане³. В конечном счете, шиизм возобладал в Иране повсеместно. Приведем мнение французского исследователя Ж.П. Ру о значении этого для последующей истории страны⁴: «Иран добился единства благодаря шиизму, став единственной мусульманской страной, которая его исповедовала. Этот факт стал для него предметом гордости. Он исполнился презрением ко всем соседям, не разделявшим его веру. В нем он находил силы, чтобы противостоять их нападениям».

В 1553 г. Ирак стал османским, но, как отмечает американский исследователь И. Накаш, османское правление там «было часто номинальным и неполным» из-за отдаленности Ирака от центра власти в Стамбуле и давления со стороны Ирана. Были и два периода иранской оккупации территории Ирака: в 1508–1533 и в 1622–1638 гг.⁵

¹ Большаков О.Г. История халифата. Т. 3. Между двумя гражданскими войнами (656–696). – М.: Восточ. лит-ра, 1998. – С. 205.

² Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV вв. (курс лекций) / Отв. редактор В.И. Беляев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. – С. 351.

³ Ру, Жан-Поль. История Ирана и иранцев от истоков до наших дней. Пер. с франц.: М.Ю. Некрасов. – СПб.: Евразия, 2012. – С. 305.

⁴ Там же. – С. 307.

⁵ Nakash, Yitzhak. The Shi'is of Iraq. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2003. – P. 14.

Со времен Османской империи власть в Ираке находилась в руках суннитов, несмотря на тот факт, что в XX в. шииты стали составлять большинство населения этой страны¹. Переход иракских племен в шиизм во многом был вызван поиском ими новой идентичности после начала распада племенного строя. Также на увеличение количества шиитов повлияла активная проповедническая деятельность шиитских муджтахидов² Кербелы и Неджефа среди иракских племен. Опасаясь набегов саудовских ваххабитов, муджтахиды стремились заручиться поддержкой новых сторонников³. Достаточно позднее обращение большинства иракцев в шиизм способствовало сохранению у них общей с суннитами исторической памяти.

В Османской империи к шиитам относились с подозрением. Вот что пишет об этом английский историк К. Финкель⁴: «В суннитской Османской империи приверженность к шиитскому вероучению в принципе считалась такой же подрывной деятельностью, как и национализм балканских христиан <...> в центре османо-иранских отношений всегда находились неуклюжие попытки Стамбула склонить на свою сторону тех, кого подозревали в сочувствии к шиитам, ведь значительная часть населения османских провинций Басра, Багдад и Мосул состояла из шиитов... Лояльности султану-халифу добивались путем раздачи почестей и наград шиитам и приверженцам вероучений, которые противоречили суннизму».

После падения Османской империи территория современного Ирака попала под мандат Британской империи (1920). В 1921 г. по инициативе британских властей было образовано Королевство Ирак. До 1932 г. оно фактически находилось под британским управлением. С начала 1920-х годов, т.е. еще в период мандата, в Ираке стали формироваться национально-государственные институты: были созданы единая армия и полиция, разрабатывалось законодательство. В республиканский период (с 1958 г.) иракские власти также активно занимались укреплением институтов

¹ Nakash, Yitzhak. The Shi'is of Iraq. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2003. – P. 25.

² Муджтахид – богослов, который, по мнению шиитов, может выносить решения по вопросам мусульманского права.

³ Nakash, Yitzhak. Op. cit. – P. 28.

⁴ Финкель К. История Османской империи. Видение Османа. – М.: АСТ, 2010. – С. 680–681.

национального государства. 26 июля 1958 г. была принята первая Временная конституция республиканского Ирака. В ней гарантировались равные права всех граждан страны¹. В республиканский период, особенно при С. Хусейне, большое внимание властей уделялось Вооруженным силам и был принят Закон о всеобщей воинской повинности. В 1980 г. в Ираке был учрежден первый с 1958 г. парламент – Национальная ассамблея. Больших успехов иракское правительство достигло в развитии национальной системы образования. Согласно отчетам ЮНЕСКО, вплоть до начала войны в Персидском заливе (1991) иракская система образования была лучшей в регионе². Но и в королевстве, и в республике (с 1958 г.), как и при Османах, важнейшие посты на государственной службе и в армии занимали сунниты, шииты же не могли рассчитывать на высокие должности.

В 1968 г. к власти в Ираке пришли представители партии «Арабского социалистического возрождения» (БААС), и между ними и шиитами почти сразу возникла напряженность. В 1977 г. шиитами была проведена одна из крупнейших антиправительственных демонстраций. Тогда на улицы вышло около 3 тыс. шиитов, недовольных светской и одновременно просуннитской политикой, проводимой иракским руководством³. Следствием демонстрации стал запрет на празднование ашуры⁴, остававшийся в силе вплоть до свержения в 2003 г. С. Хусейна.

III

За период президентства С. Хусейна (1979–2003), этноконфессиональная структура Ирака осталась практически неизменной. К концу 1970-х годов население Ирака на 77% было арабским, курды составляли около 20%. К национальным меньшинствам принадлежали также персы, евреи и ассирийцы, туркмены и др.

¹ Алиев А. Иран vs Ирак: История и современность. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 525.

² UNESCO and Education in IRAQ Fact Sheet (28 March 2003). – URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=11216&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (access date: 15.09.2014.)

³ Люсин С.Г. Роль шиитского движения в общественно-политической жизни Ирака // Арабский мир в конце XX века. Материалы 1-й конференции арабистов ИВ РАН. – М.: ИИИиБВ и ИВ РАН, 1996. – С. 39.

⁴ Поминальный день, когда происходят специальные церемонии в память Хусейна, внука Пророка, погибшего при Кербеле в 680 г.

При этом мусульмане составляли около 95% населения, и примерно 40% из них были суннитами, 60% – шиитами. На долю христиан приходилось 3%, оставшаяся часть населения Ирака принадлежала к иудеям и езидам (курды)¹. В 2003 г., в конце правления С. Хусейна, этноконфессиональная структура была схожей: 97% всего населения – мусульмане, 55–60 – шииты, от 75 до 80 – арабы, 20% – курды². Следует отметить, что все данные об этнической и конфессиональной структуре Ирака времен правления С. Хусейна – неточные.

Во второй половине XX в. отношения баасистов и шиитов Ирака обострились. Победа в 1979 г. исламской революции в Иране отразилась на положении шиитской общины Ирака. Если раньше иракское руководство скорее просто следовало исторически сложившейся традиции определенной дискриминации шиитов в сфере управления и силового контроля, то теперь, опасаясь экспорта иранской исламской революции в Ирак, оно стало осознанно относиться к шиитам с подозрением. Наличие в стране шиитского большинства стало восприниматься властью как вызов. Вызов той модели доминирующего над обществом авторитарного, но одновременно стремящегося к социальной модернизации светского национального государства, которую строил в Ираке режим Хусейна и с которой он связывал свое существование. Более того, Багдад рассматривал «своих» шиитов как потенциальных союзников Ирана. Со своей стороны, Иран, потеряв после 1979 г. поддержку США, стал искать новых политических союзников, в том числе и в лице иракских шиитов. Всё это не могло не обеспокоить руководство Ирака, страны, граничащей с только что провозглашенной Исламской Республикой.

Стремление Ирана стать важнейшей региональной державой шло вразрез и с личными политическими амбициями С. Хусейна, с его расчетами на укрепление своего политического влияния на Ближнем Востоке после падения постоянного и сильного соперника в лице иранского шаха. И без того огромная в условиях авторитарного режима значимость настроений и решений верховного правителя дополнительно усиливалась особенностями личности

¹ Брук И.С. Население мира. Этнодемографический справочник. – М: Наука, 1981. – С. 439–440.

² Народы Ирака // BBC Russian.com, 20 марта 2003. – URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/special_report/bbcrus-sian/2002_07/newsid_2867000/2867705.stm#sunni (Дата посещения: 03.08.2014.)

Хусейна. По мнению американского психолога доктора Джеральда М. Поста, опубликовавшего в 2003 г. доклад о его психологии, диктатор часто терял связь с реальностью в вопросах, касающихся внешней политики. Также Пост указывает на то, что Саддам почти не имел опыта общения за пределами арабского мира¹: «Его единственный длительный опыт работы с неарабами – это сотрудничество с советскими военными советниками, также, предположительно, он дважды побывал за пределами Ближнего Востока – во время краткого путешествия в Париж в 1976 г. и еще одной поездки – в Москву».

Саддам, безусловно, воспринимал наличие в Ираке шиитского большинства как вызов. Причем шииты казались ему опаснее курдов. Курды боролись лишь за свою, локальную, автономию, тогда как шииты, решись они оспорить суннитское доминирование, тем самым стали бы угрожать режиму в целом.

Следует отметить: нераздельность в восприятии правящей верхушки ее монополии на власть и выстраиваемой ею же модели национальной государственности способствовала тому, что задача удержания власти решалась отнюдь не только за счет усилий репрессивного аппарата. Весь период нахождения у власти правого крыла партии БААС (1968–1979) и последующей диктатуры Саддама Хусейна (1979–2003) иракские власти систематически старались влиять на народные настроения. Лояльности подданных они добивались, делая упор на ту или иную грань идентичности иракцев, активно используя идеологию и пропаганду как инструмент для достижения своих политических целей. На вооружение были взяты и арабский национализм (*араб.* каумийа), и иракский патриотизм (*араб.* ватанийа). А вот религиозная составляющая в пропаганде использовалась редко. Один из немногих примеров приходится на время проведения антииракской коалицией операции «Буря в пустыне» (1991), когда, пытаясь обеспечить максимальную мобилизацию населения в свою поддержку, режим провозгласил войну с «неверными». Более сложный случай представляет попытка индоктринации, предпринятая во время ирано-иракской войны, когда Саддам Хусейн, не отрицая и не замалчивая конфессиональную составляющую идентичности иракских шиитов, акцентировал их арабскую идентичность, рассчитывая таким обра-

¹ Post, Gerald M. Saddam Hussein of Iraq: A Political Psychology Profile // Law.case.edu. – URL: http://law.case.edu/saddamtrial/documents/saddam_hussein_political_psychology_profile.pdf (Access date: 03.08.2014.)

зом противопоставить их шиитам иранским, тем самым ощутило повлиять на настроения шиитского населения Ирака и не допустить в его среде коллаборационизма. В то же время, когда это было выгодно, власти могли апеллировать к ценностям и лояльностям, не совместимым с моделью национального государства, например к племенным. Во время шиитского восстания 1991 г. режим опирался на помощь шейхов племенных союзов, в том числе и шиитских, в подавлении антиправительственных выступлений¹. Но генеральная линия всё же заключалась в том, чтобы сплотить нацию на основе идеологии иракского патриотизма. Соответственно, целью официальной пропаганды при Хусейне было не только возвеличивание лидера в глазах иракцев, но и консолидация единой иракской нации независимо от этнического происхождения и конфессиональной принадлежности всех ее предполагаемых составляющих. Еще в середине 1970-х годов, будучи тогда одним из партийных лидеров БААС и инструктируя комитет по образованию, Хусейн подчеркнул²: «Когда мы говорим об [арабской] нации, мы не должны забыть упомянуть об иракском народе... когда мы говорим об арабской родине, мы не должны пренебрегать воспитанием в иракце гордости за кусок земли, на котором он живет... [иракцы] состоят из арабов и не арабов, [так], когда мы говорим о великой [арабской] родине, мы не должны отталкивать не арабов, с тем чтобы они искали себе страну за пределами Ирака».

Вместе с тем логика авторитарной власти работала и против ею же принятой политики национальной консолидации. Несмотря на то что баасистами официально провозглашалось равенство возможностей для всех иракцев и формально Ирак тех лет можно назвать национальным государством, доступ к руководящим постам и материальным благам мог получить лишь узкий круг лиц, приближенных к Саддаму. Характерной чертой политической жизни страны, начиная с прихода к власти БААС в 1968 г., стало то, что важнейшие посты в армии и на государственной службе и в армии стали занимать сунниты – выходцы из Тикрита, родного города Саддама Хусейна. Не удивительно, что хотя Хусейн и заявлял о том, что «каждый гражданин, который предан Родине,

¹ Orhan, Duygu Dersan. «Us» and «Them» Dichotomy Within: Iraqi Identity Building During the Saddam Era // *Atılım Sosyal Bilimler Dergisi*. 2011. S. 1. P. 93. – URL: acikarsiv.atilim.edu.tr/browse/435/3.pdf (Access date: 03.08.2014.)

² Цит. по: Orhan, Duygu Dersan. *Op. cit.* – P. 93.

любит свой народ и свою работу... заботится о них и верит в революцию – по-своему баасист»¹, шииты с подозрением относились к панарабизму – идеологии партии БААС. Они видели в ней лишь инструмент укрепления позиций суннитов во властных структурах Ирака.

IV

В связи с активизацией после иранской революции шиитских оппозиционных движений иракские власти начали проводить репрессии против членов шиитских религиозных организаций. Первой жертвой стала организация «Ад-Да'ва ал-Исламия» («Исламский призыв»), созданная в конце 1960-х годов². Лидером ее был шиитский идеолог Мухаммад Бакир ас-Садр, являвшийся весьма уважаемой фигурой среди шиитских 'улама (богословов).

В основе учения ас-Садра лежало традиционное исламское положение о том, что Аллах – единственный источник силы, создатель всех земных благ. Распоряжаясь земными богатствами, человек выполняет лишь божественную волю и должен неукоснительно следовать повелениям свыше. Над человеком не господствует ничто, кроме воли Аллаха. Выполнение предписаний ислама рассматривалось ас-Садром в контексте социальной революции, направленной против эксплуатации и несправедливости. Эта революция должна была носить всеобщий характер, вовлекать все классы общества. Целью партии провозглашалось построение истинно мусульманского государства, возглавляемого авторитетным муджтахидом. В области экономики ас-Садр ставил перед мусульманами задачи запрещения ростовщичества, приведения доходов членов общества в строгое соответствие с их усилиями и потребностями, борьбы против излишеств, роскоши и концентрации капитала в руках немногих³.

¹ Hussein, Saddam. Democracy: A source of strength for the individual and Society. Council of Planning, July 10, 1977 // On Democracy by Saddam Hussein. Essays adapted from: Saddam Hussein: Selected Works, Volume II: Democracy. Editor: Paul Chan. Athens: Deste Foundation for Contemporary Art, 2012. P. 36. – URL: http://monoskop.org/images/e/e7/Hussein_Saddam_On_Democracy.pdf (Access date: 03.08.2014.)

² Нотин А.И., Милославский Г.В. Шиитская оппозиция на рубеже 80-х годов // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. Вып. 2. – М.: Наука, 1983. – С. 78.

³ Там же. – С. 81.

Активность шиитов в рамках «Ад-Да'ва ал-Исламийа» была отнюдь не первым опытом их участия в деятельности политических организаций. В 30-е годы XX в., благодаря реформе системы образования, шииты получили возможность учиться в светских учебных заведениях. Повышение образовательного уровня привело к росту политического самосознания среди шиитского населения. Так, в 1940-е годы почти половина членов Иракской коммунистической партии были шиитами. И хотя доля шиитов в общем числе членов компартии упала с 46,9% между 1949 и 1953 гг. до 33,4% между 1955 и 1963 гг., они продолжали играть важную роль в ИКП, занимая высокие посты¹.

К идеологии БААС шииты испытывали меньшую симпатию, но в 50–60-е годы XX в. молодые образованные шииты довольно охотно вступали в ее ряды. Между 1951 и 1963 гг. шииты дважды становились председателями БААС: Фуад аль-Рикаби возглавлял партию в 1951–1959 гг., Али Салих ас-Са`ди – в 1961–1963. Но после того как в 1963 г. Са`ди был исключен из партии, шииты потеряли доминирующие позиции и были вытеснены со всех руководящих постов суннитами². Тогда, разочаровавшись в светских партиях, шииты стали вступать в набиравшие популярность шиитские религиозно-политические организации. Одной из них и стала «Ад-Да'ва ал-Исламийа». Примечательно, однако, что, несмотря на религиозный уклон в ее идеологии, обусловленную им определенную солидарность с иранскими единоверцами и выраженный оппозиционный настрой, члены этой партии гордились арабским происхождением и подчеркивали свою иракскую идентичность³.

Революционные события в Иране побудили иракское руководство принять жесткие меры против оппозиционно настроенной части шиитской общины. В 1979 г. власти арестовали аятоллу Мухаммада Бакра ас-Садра. В день его ареста на улицы Багдада, Басры, Диялы, Самавы, Кербелы и других городов вышли тысячи разгневанных шиитов, в Неджефе по призыву шиитских религиозных авторитетов был закрыт городской базар, имели место схватки

¹ Batatu, Hanna. *The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq: a Study of Iraq's Old Landed and Commercial Classes and of its Communists, Ba'athists, and Free Officers.* – Princeton: Princeton Univ. Press, 1978. – P. 998.

² Ibid. – P. 1132–1133.

³ Nakash, Yitzhak. *The Shi'is of Iraq...* – P. 137.

населения с полицией¹. Властям пришлось освободить шиитского лидера. Однако уже в следующем году он был снова арестован и казнен². В марте 1980 г. были казнены еще 97 человек, половина из них состояла в «Ад-Да'ва»³. В ответ ее боевики совершили 1 апреля 1980 г. покушение на заместителя премьер-министра Тарика Азиза⁴, закончившееся неудачей. В апреле 1980 г. деятельность партии была запрещена, членство в ней каралось отныне смертной казнью, и эта мера применялась даже к бывшим членам партии⁵.

V

В отношениях Ирака и Ирана имелись немалые территориальные разногласия, которые привели в итоге к войне между ними. В 1971 г. Иран занял несколько иракских островов в Персидском заливе. Позже Ирак захотел присоединить Хузистан⁶ – богатую нефтью область Ирана, населенную арабами. Еще до начала ирано-иракской войны, в сентябре 1980 г., спецслужбы Ирака начали призывать арабское население этой иранской провинции, которая в Ираке именуется Арабистан, к вооруженной борьбе за автономию. Ирак оказывал поддержку таким антииранским организациям Хузистана, как «Борцы за дело арабского мусульманского народа», «Народное движение Арабистана», «Политическая организация арабского народа Арабистана»⁷. Однако поддержка Хусейном хузистанских оппозиционеров реально способствовала лишь отдельным антииранским акциям, предпринятым за пределами Ирана.

¹ Люсин С.Г. Роль шиитского движения в общественно-политической жизни Ирака... – С. 41.

² Нотин А.И., Милославский Г.В. Шиитская оппозиция на рубеже 80-х годов... – С. 80.

³ Там же.

⁴ Тарик Азиз – псевдоним, наст. Михаил Юханна, род. в 1936 г. в Тель-Кеппе, Найнава (Ниневия), ассириец, католик-халдей. Иракский общественный, политический и государственный деятель, министр информации (1974–1977), министр иностранных дел (1983–1991) и заместитель премьер-министра Ирака (1979–2003). Один из ближайших соратников Хусейна, единственный христианин в правительстве. После вторжения американских войск был арестован, в октябре 2010 г. приговорен к смертной казни. Под давлением мировой общественности смертная казнь была заменена на пожизненное заключение.

⁵ Люсин С.Г. Указ. соч. – С. 41.

⁶ Хузистан – провинция на юго-западе Ирана, граничит с Ираком.

⁷ Нотин А.И., Милославский Г.В. Указ. соч. – С. 85.

Споры возникали и относительно прав на использование для судоходства вод реки Шатт эль-Араб (в Иране именуется Арвандруд), по фарватеру которой проходит граница¹. Через год после исламской революции в Иране иракское руководство в одностороннем порядке разорвало подписанное с Ираном в 1975 г. в Алжире соглашение, предусматривавшее совместное использование вод пограничной реки.

Помимо территориальных претензий с обеих сторон в развязывании войны свою роль сыграли бонапартистские амбиции иракского лидера, его стремление превентивно оградить Ирак от ожидавшегося им экспорта исламской революции и надежды на быструю победу над противником, пребывающем в состоянии революционного хаоса. В сентябре 1980 г. иракская армия вторглась на территорию Ирана, начав войну. На первом этапе боевых действий Ираку действительно удалось добиться успехов, но к лету 1981 г. Иран перехватил инициативу и перешел в контрнаступление на некоторых участках фронта.

На протяжении войны иракское руководство активно использовало как исламскую риторику, так и исторические параллели противостояния персов и арабов. В частности, одним из символов, взятых саддамовским режимом на вооружение, была победа при Кадисии². Также для того чтобы мотивировать иракскую армию, в которой большинство личного состава было шиитским, использовалась фигура халифа Али³. Одновременно в риторике официальных властей постоянно фигурировало понятие «арабской нации». Со своей стороны Иран, призывая народ Ирака к свержению Хусейна, питал немалые надежды на «шиитский фактор». Однако они не оправдались, что дало возможность Хусейну в одном из «открытых писем» народам и армии Ирана гордо заявить, что «если бы народ и армия Ирака не были довольны своим режи-

¹ Ближневосточные конфликты. Ирано-иракский конфликт // Ближний Восток. Информационный центр. – URL: <http://www.middleeast.org.ua/conflicts/2.htm> (Дата посещения: 15.09.2014.)

² Битва при Кадисии (предположительно, 2 декабря 636 г. / 27 шаввала 15 г. х.) – решающее сражение между арабами и персами. Несмотря на серьезные потери (до трети убитыми), арабы остались победителями. При этом крупнейшая в то время персидская армия была разбита, участь государства Сасанидов предрешена. В результате арабо-мусульманского завоевания произошла исламизация населения Ирана.

³ Bengio, Ofra. Saddam's word: Political discourse in Iraq. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. – Pp. 184–185.

мом, то положение его было бы не таким, как это почувствовали многие из вас на поле боя после трех лет войны...»¹. Уровень дезертирства среди шиитов в армии был сопоставим с тем, что наблюдалось у суннитов, в курдских подразделениях это явление встречалось гораздо чаще. И хотя большинство офицерского состава по-прежнему составляли сунниты, некоторые шииты выдвигались на офицерские должности и, заняв их, стремились показать свою компетентность и преданность Ираку².

Вместе с тем, когда в 1982 г. позиции Ирака в войне ухудшились, оппозиционно настроенная часть иракских шиитов создала Высший совет исламской революции в Ираке (ВСИРИ). ВСИРИ объединял десятки организаций: «Ад-Да`ва аль-Исламия», «Исламское действие», «Исламское движение в Ираке» и др. Главой ВСИРИ был аятолла Мухаммад Бакир аль-Хаким. У ВСИРИ имелось боевое крыло, подконтрольное иранскому Корпусу стражей исламской революции (КСИР), так называемый «Корпус Бадр». Его штаб находился на территории Ирана, в г. Ахвазе. С помощью «Бадра» КСИР осуществляла диверсии и теракты на юге Ирака и в центральной части страны³. Главной целью вооруженной шиитской оппозиции было свержение режима С. Хусейна и установление исламского правления в Ираке. Однако проиранским группировкам не удалось заручиться поддержкой шиитских масс Ирака. Большинство просто опасалось репрессий, которые и без того практиковались властями против шиитов не только в военное, но и в мирное время: с 1970 по 1981 г. был казнен 41 шиитский религиозный деятель и 150 тыс. шиитов депортированы⁴. Но помимо страха репрессий патриотическую позицию иракских шиитов можно объяснить и тем, что историческая память тесно связывала

¹ Расаиль куваа ва саялям мин раис аль-каид аль-муғиб аркан садама хусейн иля шууб ва аль-хуккам иран. Багдад, Визарат ад-дифа, 1986 (араб. яз.).

² Tripp, Charles. A History of Iraq. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. – P. 246.

³ Степанова Н.В. Шиитская проблема в Ираке // Этносы и конфессии на Востоке: Конфликты и взаимодействие / МГИМО (У) МИД России; пред. редкол. А.В. Торкунов; отв. ред. А.Д. Воскресенский; сост., науч. ред. В.Я. Белокреницкий, М.А. Сапронова. – М., 2005. – С. 144.

⁴ Nazran, Yusri. The Rise of Politicized Shi'ite Religiosity and the Territorial State in Iraq and Lebanon // Middle East Journal, 2010, Vol. 64. No. 4. P. 532. Автор, в свою очередь, ссылается на данные, приводимые в работе: Fuller, Graham E., Francke, Rend Rahim. The Arab Shi'a: The Forgotten Muslims. – New York, St. Martin's Press, 1999.

их с Ираком. И напротив, на протяжении всей войны баасисты умело подогревали исторически сложившуюся неприязнь между персами и арабами.

VI

Ирано-иракское противостояние продлилось до 1988 г. По продолжительности, задействованным ресурсам и человеческим жертвам (более миллиона убитых с обеих сторон) этот конфликт стал одним из самых крупных. Но мирная жизнь иракцев продлилась недолго: 2 августа 1990 г. Ирак оккупировал Кувейт. Причиной нападения на Кувейт было стремление Хусейна овладеть огромными запасами кувейтской нефти и занять место регионального лидера в регионе Персидского залива. После безуспешных дипломатических переговоров, целью которых было заставить Ирак отказаться от своих намерений, под эгидой США была создана международная коалиция, которая провела крупномасштабную военную операцию под кодовым названием «Буря в пустыне» (январь 1991 г.)¹.

За месяц боевых действий подразделения США и их союзников, которые были несравненно лучше оснащены, обучены и организованы, чем воинство Хусейна, разбили иракские войска в Кувейте и в южных пограничных районах Ирака. Основные военные, промышленные и инфраструктурные объекты Ирака были разрушены союзниками. В конце февраля режим был вынужден прекратить боевые действия и признать поражение.

2 марта 1991 г. в преимущественно шиитском по населению г. Басра началось восстание шиитов, одновременно на севере выступили курды. Толчком к восстанию послужили поражение в войне против коалиции, огромные человеческие жертвы, понесенные шиитами в войне с Ираном, а также разруха в экономике страны². Восставших поддержал Иран, переправивший вооруженные группы на юг Ирака. США также обещали помощь, но не оказали ее, убоявшись усиления в Ираке исламского фундаментализма. На подавление восстания была брошена иракская армия.

¹ Хамидов З. Межэтническая и межконфессиональная борьба в Республике Ирак в конце XX в. Ближний Восток и современность. Вып. 11. – М.: ИИИиБВ, 2001. – С. 303.

² Люсин С.Г. Роль шиитского движения в общественно-политической жизни Ирака... – С. 43.

В ходе военной операции особенно упорное сопротивление оказывали жители Неджефа и Кербелы. В этих городах из артиллерийских орудий были обстреляны шиитские гробницы и мечети. 16 марта 1991 г. восстание было подавлено, но в отдельных районах бои продолжились¹.

Чтобы умиротворить шиитов, в марте 1991 г. после подавления восстания Саддам Хусейн назначил премьер-министром шиита Са`дуна Хаммади. Однако уже в сентябре Хаммади был отправлен в отставку, его место занял другой лояльный режиму шиит – Мухаммад Хамза аз-Зубейри. Эти назначения фактически не повлияли на положение шиитов, так как важнейшие решения принимались лично Хусейном². Стремясь вызвать симпатию шиитов, С. Хусейн стал публично заявлять о своем происхождении от имама Али. Президент Ирака также выделял личные средства на развитие шиитских районов Ирака, посещал шиитские мечети. Лояльные режиму шиитские богословы поощрялись материально, фактически становясь государственными служащими.

В 1992 г. иракские власти начали осушение болот в междуречье Тигра и Евфрата, где проживали болотные арабы³. Власти пошли на данный шаг, чтобы легче было контролировать южную часть страны. Примерно 100 тыс. болотных арабов пришлось покинуть свои дома. Против обитателей болот проводились и силовые операции, при этом разрушались целые деревни. Параллельно иракские власти продолжили политику, направленную на ослабление самостоятельности шиитского духовенства, фактически подчиняя его государству. При этом режим делал ставку на одних богословов и притеснял или ликвидировал других. Например, в 1992 г. в качестве духовного лидера шиитов властями был выдвинут аятолла Мухаммад Садык ас-Садр (двоюродный брат аятоллы Мухаммада Бакра ас-Садра, казненного в 1980 г.). Пона-

¹ Люсин С.Г. Роль шиитского движения в общественно-политической жизни Ирака... – С. 43.

² Степанова Н.В. Шиитская проблема в Ираке... – С. 151.

³ Болотные арабы – преимущественно мусульмане-шииты, когда-то жившие в заболоченных районах южной части долины рек Тигра и Евфрата в примитивных хижинах из тростника, занимаясь скотоводством. В наши дни большинство болотных арабов – по данным на начало 1990-х годов их было около 250 тыс. – живут в других районах Ирака, а болотистая местность почти вся осушена. См.: Народы Ирака // BBC Russian.com, 20 марта 2003. – URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/special_report/bbcussian/2002_07/newsid_2867000/2867705.stm#sunnii (Дата посещения: 03.08.2014.)

чалу ас-Садр не конфликтовал с властями, однако по мере возрастания своей популярности стал позволять себе критиковать режим. В 1999 г. аятолла был убит, и есть веские основания считать, что за этим убийством стояли иракские власти¹.

VII

Подавление режимом С. Хусейна восстаний шиитов и курдов послужило предлогом для вмешательства в ситуацию США и их союзников. Уже в начале 1990-х годов США, Великобритания и Франция при поддержке Генерального секретаря ООН объявили о создании над Ираком бесполетных зон. Одна из них, установленная в 1991 г., проходила по 36-й параллели и предназначалась для защиты курдов; вторая, об установлении которой было заявлено в следующем году, прошла южнее 32-й параллели, обезопасив шиитов от атак с воздуха. Но этим дело не ограничилось, США взяли решительный курс на ликвидацию иракского режима. Обоснованием для подготовки США к силовой акции против Багдада служили обвинения иракских властей в несоблюдении прав человека, жестокости по отношению к своему народу, в массовом уничтожении курдов в 1988 г., в нарушении международной законности и в угрозах безопасности своим соседям, а также в связях с организацией «Аль-Каида». Но главные обвинения по-прежнему сводились к якобы тщательно скрываемому багдадским режимом факту обладания химическим и биологическим оружием. В дополнение к этому США отнесли Ирак к числу «пороговых» государств, вплотную приблизившихся к созданию ядерного оружия массового поражения (ОМП). Доводы международных экспертов, не подтверждавшие американские предположения, Вашингтоном полностью игнорировались, и в итоге это привело к военной операции в Ираке, начатой войсками США, Великобритании и Австралии 20 марта 2003 г.

Несмотря на то что режим С. Хусейна был для шиитов ненавистным, они не вели боевых действий на стороне оккупантов. Американский исследователь Ицхак Накаш дает этому следующее объяснение²: «События 1991 г. (восстание шиитов и курдов. – В. К.) оставили глубокий след в сознании шиитов. Память

¹ Степанова Н.В. Указ. соч. – С. 154.

² Nakash, Yitzhak. The Shi'ites and the Future of Iraq // Foreign Affairs, 2003, Vol. 82, N 4. P. 24.

о прошлом, усиление националистических и религиозных настроений подпитывали недоверие к вторгшимся в страну иностранцам-христианам. Желая крушения баасистского режима, шииты в то же время заботились и о своем имидже в арабском – преимущественно суннитском – мире».

Фактически же шииты заняли позицию, которая, независимо от того, основывалась ли она на страхе, на искреннем неприятии иностранного вмешательства в дела их родной страны или, скорее всего, на смеси того и другого, может быть квалифицирована как гражданская и национальная по преимуществу, а не как конфессиональная и сепаратистская.

Спустя десятилетие после свержения Хусейна политическая ситуация в Ираке остается сложной. Страну сотрясают теракты, суннито-шиитские противоречия продолжают оставаться дестабилизирующим фактором, несмотря на то что представители шиитской общины Ирака получили власть.

VIII

Подводя итоги, нужно отметить, что хотя С. Хусейн видел в шиитах вызов национальному государству и господству суннитов в Ираке, «шиитский фактор», даже когда он был целенаправленно использован Ираном в борьбе за влияние в регионе, не реализовал своего предположительно угрожающего потенциала. Причин тому было несколько. Репрессии по отношению к шиитам в Ираке заставили последних в большинстве своем отказаться от открытого противостояния режиму. Не менее, если не более, важно то, что модернизация Ирака, проводившаяся националистическим режимом, принесла свои плоды и в деле формирования иракской идентичности и гражданской лояльности. Иракские шииты, хотя и недовольные засильем суннитов во власти, в массе своей были настроены патриотично, чувствовали себя частью иракского народа и поэтому не откликнулись на антиправительственные призывы со стороны Ирана во время войны с ним Ирака. Следует также отметить, что большинство шиитов, живших в сельской местности, обладали в лучшем случае лишь зачатками политического сознания и очень слабой мотивацией к коллективному действию, выходящему за пределы местных деревенских забот и нужд. В то же время лояльность этого большого сегмента шиитского населения Ирака была укреплена применявшейся Саддамом

политикой смягчения недовольства шиитов путем вливания крупных денежных средств в районы их компактного проживания.

Если вернуться к вопросам, поставленным во введении, ответ на первый из них с высокой степенью уверенности можно сформулировать следующим образом: несмотря на свою объективную включенность в трансграничную по положению в пространстве этноконфессиональную общность, шииты Ирака не обладали действительно значимым потенциалом угрозы той модели национального государства, что формировалась в Ираке в годы правления Саддама Хусейна. Их «вызов» был скорее воображаемым, чем реальным; однако представление власти о недостаточной лояльности шиитов повлияло на политику режима таким образом, что фактически способствовало появлению вызова. В том же направлении действовали и другие, уже международные по своей природе факторы – политика послереволюционного Ирана и разгром вооруженных сил Ирака в ходе операции «Буря в пустыне». Фактически получился своеобразный резонанс трехсторонних воздействий – со стороны режима С. Хусейна, со стороны соседнего государства и со стороны антииракской коалиции. И именно это, внешнее по отношению к шиитам политическое провоцирующее воздействие извне, а отнюдь не их принадлежность к трансграничной этноконфессиональной общности, предопределило восстание 1991 г. Даже выступив против государства, шииты Ирака в большинстве своем не отвергали это государство в принципе, но главным образом хотели изменить свое положение в нем. Поэтому ответ и на второй вопрос: реализовался ли потенциал именно трансграничного этноконфессионального вызова национальному государству в Ираке, – тоже следует признать отрицательным.

*«Трансграничные вызовы национальному государству»
СПб.: Интерсоцис, 2015 г., с. 263–281.*

Г. Карпов,

кандидат исторических наук

(Институт Африки РАН)

«ШАРЛИ ЭБДО»: ВЗГЛЯД ИЗ АФРИКИ

8 января 2015 г. были ликвидированы исполнители теракта в «Шарли Эбдо» – братья Саид и Шериф Куаши. Их сообщник, Амеди Кулибали, 9 января 2015 г. захватил магазин кошерных продуктов у Венсенских ворот в Париже, убив четырех человек.

В ходе спецоперации французских силовиков 9 января 2015 г. Кулибали был убит.

Эта трагедия стала одной из самых драматичных страниц современной истории Франции. Расследование продолжается, но уже понятно, что исполнителями терактов были французы алжирского происхождения, сторонники радикального ислама. Возможно, у них были сообщники, которые остаются сейчас на свободе.

Международные скандалы с публичным оскорблением ислама случались и ранее. Однако в отношении числа пострадавших от них, расстрел редакции «Шарли Эбдо» занимает, безусловно, положение, из ряда вон выходящее.

В 1988 г. большое негодование мусульман во всем мире вызвала публикация романа англоязычного индийского писателя Салмана Рушди «Сатанинские стихи». Данное произведение было запрещено в Индии, ЮАР, Пакистане, Египте, Сомали, Бангладеш, Судане, Малайзии, Катаре. Зафиксированы случаи сожжения книг Рушди, прошли массовые манифестации в Индии, Пакистане, Иране. Исламисты объявили награду в несколько миллионов долларов за голову писателя.

По аналогичному алгоритму разворачивался скандал с сообщением об издевательствах над мусульманскими узниками в тюрьме Гуантанамо в 2005 г. В феврале 2006 г. произошел «карикатурный» скандал с датской газетой. В сентябре 2006 г. критика мусульман обрушилась на Папу Римского Бенедикта XVI. Выступая с лекцией в Регенбургском университете, Бенедикт XVI процитировал фразу византийского императора Мануила II (1350–1425) из философско-религиозного диспута императора с современником, оставшимся неизвестным: «Хорошо, покажи мне, что нового принес Мухаммед, и ты найдешь там только нечто злое и бесчеловечное, такое, как его приказ распространять мечом веру, которую он проповедовал»¹.

После расстрела «Шарли Эбдо» прошло пять недель, и в Копенгагене произошел новый теракт с «карикатурной подоплекой». 14 февраля 2015 г. в кафе «Пороховая бочка», в самом центре датской столицы, где проходил общественный семинар «Искусство, богохульство и свобода слова», неизвестный открыл стрельбу. Предполагается, что целью террориста был шведский художник Ларс Вилкс, который, однако, не пострадал. Погибли четыре человека, из них трое полицейских. Через несколько часов произошла стрельба в Большой синагоге Копенгагена, погиб охранник. На следующий день подозреваемый в обоих нападениях, ранее суди-

мый Омар Абдель Хамид аль-Хуссейн, в перестрелке с полицейским был убит.

Актуальность данных событий для нашей страны обусловлена проживанием в России свыше 15 млн мусульман. Самая активная часть мусульман – на Северном Кавказе, где традиционно велико влияние радикальных элементов, готовых с оружием в руках продвигать свое видение исламских норм и обычаев. Многие из них получили реальный боевой опыт в рядах группировки «Исламское государство» (ИГ). По данным ФСБ России, в Ираке сейчас воюет не менее 1,7 тыс. граждан России и около 20 тыс. граждан других государств².

Практически все ведущие политические лидеры Африки осудили теракты и выразили глубочайшие соболезнования руководству Франции и французскому народу.

В том же ключе высказались и представители региональных союзов стран Африки, например Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), призвавшее продолжить борьбу с экстремизмом и терроризмом во всех его проявлениях. Заседание Африканского национального конгресса в ЮАР в четверг, 8 января 2015 г., началось с минуты молчания в память о погибших во французской столице. 10–11 января 2015 г. Марш Республики в Париже собрал свыше 1 млн человек (в других городах страны еще не менее 2,5 млн), в том числе 44 представителя иностранных государств, среди них десять представляли страны Африки – Мали, Алжир, Тунис, Габон, Нигер, Того, Бенин, Египет, Сенегал. Примечательно, что лидеры стран шли не в общей колонне парижан, а прошли отдельной группой по охраняемой службами безопасности улице.

Президент Кении Ухуру Кениата и правительство этой страны одними из первых среди африканских стран выразили солидарность с французскими гражданами и направили свои соболезнования.

Официальные власти Туниса осудили теракты в Париже. Президент страны внес запись в книгу соболезнований семьям погибших в резиденции французского посла, отметив, что уверен в способности Франции преодолеть данный инцидент с мужеством и решимостью.

Президент Либерии, 85% населения которой исповедуют христианство, Элен Джонсон-Серлиф, выразила глубочайшие соболезнования президенту Франции Франсуа Олланду и всему французскому народу. В своем сообщении она отметила, что эта

трагедия близка и понятна ее стране, придерживающейся общих с Францией ценностей.

Не остался безучастным к парижским событиям Маврикий, чье правительство в лице премьер-министра Анируда Джагнота отправило телеграмму с соболезнованиями президенту Франции. Президент Республики Сейшельские Острова Джеймс Мишель утром 13 января 2015 г. в знак солидарности с народом Франции посетил французское посольство и расписался в книге соболезнований.

Однако даже на официальном уровне веско звучит религиозный аспект. Несмотря на то что президент Сенегала принял участие в Марше Республики, в самой стране, где 94% населения исповедуют ислам, после бурных протестов любое распространение «Шарли Эбдо» и газеты «Либерасьон», также опубликовавшей карикатуры, было запрещено³. Участие президента в Марше Республики спровоцировало волну критики, хотя представители исламского духовенства страны, например священнослужитель Серин Моду Кара, данный поступок президента поддержали⁴.

Министр иностранных дел Марокко вообще отказался участвовать в Марше в Париже из-за того, что его просьба не демонстрировать карикатуры во время шествия не была удовлетворена⁵.

Религия в Африке больше, чем религия...

Радикальные исламские организации поддержали террористов и их сообщников. Ответственность за теракты в Париже взяла на себя террористическая группировка «Аль-Каида». Один из ее руководителей – Насер аль-Анси заявил, что братья Куаши действовали по приказу лидера «Аль-Каиды» Аймана аз-Завахири, а Ахмед Кулибали был связан с ИГ⁶. Достоверность этой информации может быть поставлена под сомнение в связи с ликвидацией исполнителей терактов. Лидер тунисской террористической организации «Ансар аль-Шариа» Камель Заррук пригрозил расправой двум тунисским журналистам, высказавшимся в поддержку пострадавших от рук террористов.

Угрозы в адрес Франции также озвучил лидер исламистской группировки «Боко Харам» Абубакар Шекау. В двух видеообращениях он одобрил действия террористов и пообещал устроить новые теракты, если публикация карикатур продолжится. По его мнению, нельзя быть мусульманином и не осуждать демократию⁷.

Сомалийская террористическая группировка «Аш-Шабаб» призвала своих сторонников в Европе к совершению терактов, аналогичных расстрелу редакции «Шарли Эбдо». На своем официальном сайте в Интернете радикалы поддержали действия террористов, видя в расстреле редакции героический акт мести за оскорбление Пророка Мухаммеда. Нельзя назвать абсолютно мирной позицию официального ислама в Африке.

Умеренно настроенные представители исламского духовенства Сомали, в частности имам мечети «Масджид Рахма» в Могадишо Омар Шейх Абдирахман, негативно отозвались о карикатурах, но в то же время открестились от силового решения данной проблемы. Журналист аналитического издания «Ирин Ньюс» Мустафа Ахмед призвал сомалийцев и мусульман, живущих в странах с немусульманским большинством, только мирно осуждать подобные оскорбления ислама и добиваться уважения к себе через давление на власти в рамках закона⁸.

Министр по делам религии Алжира Мохамед Аисса заявил в интервью, что алжирские имамы, прошедшие специальную подготовку, привлечены к формированию положительного образа ислама во Франции. По его мнению, «путаница между исламом и терроризмом лишь на руку экстремистам». Что касается терактов в Париже, министр полагает, что это сугубо французская проблема, поскольку исполнители этих терактов никогда не были в Алжире, не посещали там мечети и религиозные школы⁹.

Совет имамов и проповедников Кении в лице шейха Мухаммеда Халифа осудил публикацию карикатур на Пророка Мухаммеда в «Шарли Эбдо» и предупредил, что подобные действия в дальнейшем могут только усилить негодование мусульман во всем мире¹⁰.

Совет имамов и улемов штата Кадуна в Нигерии, по результатам проведенной пресс-конференции, заявил, что трагедии в Париже можно было избежать, если бы французские власти привлекли редакцию сатирического еженедельника к ответственности за публикацию карикатур и убедили журналистов впредь так больше не делать. «Для Запада настало время пересмотреть понятие свободы слова и выражения, если дело касается религиозных вопросов»¹¹.

Между тем мусульманские организации ЮАР, например «Исламское единство», указывают на демонизацию ислама в западных СМИ. По их мнению, вина за теракты лежит не только на радикальных мусульманах, есть вопросы к работе французской

полиции и спецслужб. Мусульмане всего мира не должны извиняться за действия нескольких радикалов. В других странах от рук террористов постоянно гибнут люди, например в день расстрела редакции «Шарли Эбдо» взрыв в столице Йемена унес жизни 38 человек, но мировые СМИ, продолжая раскручивать трагедию в Париже, никак не отреагировали на гибель людей в Санае¹².

Не обошлось без эксцессов на религиозной почве.

В Нигере, где 80% населения – это мусульмане-сунниты, протестующие в Ниамее и Зиндере сожгли христианские церкви и французский культурный центр, выразив, тем самым, негодование по поводу публикаций в «Шарли Эбдо». Также были повреждены здания нескольких баров, отелей и французских компаний. Президент страны Махамату Иссуфу осудил эти выступления¹³, в ходе которых, по данным «Всемирного совета церквей», было сожжено около 70 христианских храмов¹⁴. Для разгона более 1 тыс. протестующих полиция применила слезоточивый газ, во время беспорядков погибли 10 человек, 45 – были ранены.

Католический архиепископ из Нигерии Игнатиус Каигама обвинил страны Запада в игнорировании террористической угрозы от исламистской группировки «Боко Харам», чья деятельность уже привела к гибели сотен людей, и заявил, что Нигерия сейчас нуждается в не меньшей поддержке, чем Франция. По его мнению, терактам в Европе придается более значительное внимание, чем терактам в Нигерии, Нигере или Камеруне¹⁵, а президент Нигерии Гудлак Джонатан нашел время для выражения солидарности французскому народу, но не способен сделать то же самое в отношении собственных граждан, погибающих в терактах гораздо чаще французов. Однако это не вызывает такого резонанса и редко выходит за границы страны.

Таким образом, мы можем наблюдать, что реакция на теракты в Париже со стороны религиозных структур и отдельных деятелей Африки теснейшим образом связана с религиозным составом населения каждой отдельно взятой страны. Наибольший резонанс наблюдался в странах с заметной долей исламского населения. Однако и христианские организации, особенно в Нигерии, безучастными к обсуждению данной темы не остались.

Реакция африканцев

Особое место в оценке расстрела редакции «Шарли Эбдо» принадлежит нигерийским СМИ и общественным деятелям по причине перманентного религиозного конфликта в этой стране. Трагедия в Париже активизировала в нигерийском обществе поиск путей к урегулированию религиозного противостояния. Ислам проник в Африку гораздо раньше христианских миссионеров из Западной Европы и оказал заметное влияние на местную культуру. По мнению ряда нигерийских журналистов, Нигерия должна дистанцироваться от навязываемого Западом сугубо негативного образа ислама и сконцентрироваться на решении внутренних политических проблем, борьбе с коррупцией, развитии собственной экономики, преодолении безработицы и стабилизации отношений между Севером и Югом¹⁶.

Достоинна внимания серия статей журналиста Месуеда Мустефы в эфиопской газете «Репортер». Автор указал на лицемерие и двуличность абсолютного большинства мировых СМИ в оценке недавних терактов во Франции, постоянных терактов «Боко Харам» в Нигерии и т.д. Убийство нескольких европейцев вызывает гораздо больше возмущения в мировых СМИ, чем убийство нескольких сотен африканцев. Необходимо выработать четкий однозначный стандарт в оценке террористических атак, где бы они ни случались. По его мнению, нет «хороших» и «плохих» террористов, любая помощь и взаимодействие с террористическими структурами, особенно с ИГ, должны быть прекращены¹⁷. В другой статье М. Мустефа обосновал, почему он в карикатурах «Шарли Эбдо» видит, скорее, не проявление свободы слова, а оскорбление и ненависть, прикрытую свободой слова. Свобода слова и свобода оскорблять – это разные вещи¹⁸.

Небезынтересна позиция нигерийского журналиста Окей Ндибе, указывающего на то, что мировое сообщество не будет придавать такое же внимание терактам в Нигерии, какое придается терактам во Франции, до тех пор, пока нигерийцы и, прежде всего, их лидеры не начнут уважать самих себя и свой народ. Разителен контраст в поведении французского и нигерийского президентов после терактов. Франсуа Олланд в кратчайшие сроки прибыл на место теракта, выразил глубочайшие соболезнования семьям погибших и пострадавших, объявил во Франции трехдневный траур, а через несколько дней возглавил Марш Республики в Париже. Гудлак Джонатан на теракты в собственной стране, например

в Баге, либо вообще не реагирует, либо реагирует с большим опозданием и невыразительно¹⁹.

Такое поведение нигерийского президента вызвало шквал критики со стороны одного из молодых политических лидеров ЮАР – Джулиуса Малемы. По его словам, Национальная ассамблея (нижняя палата парламента ЮАР) будет рассматривать ходатайство о возможном вмешательстве во внутренние дела Нигерии из-за терактов «Боко Харам»²⁰. Есть также мнение, что теракты в Нигерии происходят настолько часто (за первые шесть месяцев 2014 г. было 95 нападений), что СМИ уже перестают реагировать на это.

Союз журналистов в Алжире, где зафиксировано немалое число жертв терактов среди работников СМИ, осудил действия французских террористов и пожелал пострадавшим скорейшего выздоровления.

Известный алжирский писатель, бывший военный, Ясмينا Хадра, комментируя ситуацию вокруг «Шарли Эбдо» в интервью арабскому изданию «Аль-Джазира», указал на то, что террористы есть продукт французского общества, а не исламского мира. Бог, по его мнению, в защите со стороны смертных не нуждается²¹.

В Марокко большая часть изданий осудила парижские теракты, но при этом практически все политические партии накануне выборов не выразили солидарности с жертвами этих терактов. «Египетская правозащитная организация» попросила французские власти, несмотря на всю кровавость и бесчеловечность данных терактов, не принимать мер, которые могут ухудшить положение мигрантов из арабских стран вообще и египетской общины в частности. А министр вакуффов Египта Мохаммед Мухтар Гомаа предостерег от принятия антитеррористических мер – как способа оказать давление на исламские государства региона²².

Подобного рода заявления на фоне преследования христиан в самом Египте выглядят несколько неуместными. Как сообщает египетская газета «Иджипт Индепендент», 11 января 2015 г. 21-летний студент Карим Аль-Банна был приговорен к трем годам тюремного заключения за атеизм и оскорбление ислама. В июне 2014 г. копт тоже за оскорбление ислама получил шесть лет тюрьмы²³.

В Камеруне резкой общественной реакции не наблюдалось. По сообщениям местных СМИ, многие камерунцы даже ожидали доставку печатных экземпляров «Шарли Эбдо» в их страну, чтобы ознакомиться с карикатурами, вероятно из любопытства.

В Кении, где мусульмане составляют 10% населения, три крупнейшие газеты страны – «Стар», «Бизнес Дейли» и «Аполоджайзинг» перепечатали карикатуры из «Шарли Эбдо», однако после протестов со стороны мусульман были вынуждены принести публичные извинения. Кенийский совет по СМИ, назначаемый правительством, даже поднял вопрос об аккредитации журналистов этих изданий.

Журналист из Зимбабве, где 80% населения – христиане различных течений, Тичаона Зиндога указал на проблему границы свободы слова на Западе. События в редакции «Шарли Эбдо», по его мнению, демонстрируют абсолютную веру западных журналистов в идеал свободы выражения, что, например, для реалий Зимбабве, где действуют «Закон о защите информации» («Access to Information and Protection of Privacy Act, 2004»²⁴) и «Закон о защите общественного порядка» («Public Order and Security Act, 2002»)²⁵, неприменимо на практике. Однако такая свобода слова на Западе носит односторонний характер. Можно муссировать тему угрозы ислама и насмеяться над Пророком Мухаммедом, но нельзя оценивать такие действия как пропаганду насилия и подстрекательство к войне. И никто на Западе даже не задумывается о привлечении к ответственности тех, кто позволяет себе публикацию материалов исламофобского содержания²⁶.

Предметом национальной гордости для Мали стал 24-летний мигрант-мусульманин Лассана Батили – работник того самого магазина кошерных продуктов у Венсенских ворот в Париже, который помог в спасении 20 заложников²⁷.

Неоднозначная реакция на события в Париже имела место среди карикатуристов ЮАР, которые уже неоднократно становились участниками «карикатурных» скандалов, правда, без таких печальных последствий. Хотя и в их адрес поступали угрозы. В частности, мусульманская организация «Джамиатул Улама» через Верховный суд ЮАР добилась запрета на публикации карикатур из журнала «Шарли Эбдо». Судья объяснил такое решение тем, что хотя свобода слова и есть основополагающий принцип демократического общества, это не первостепенная ценность.

Самый известный карикатурист ЮАР Джонатан Шапиро, выступающий под псевдонимом «Запиро», потребовал самого сурового осуждения убийства журналистов в Париже и заверений от руководства страны о защите свободы СМИ в стране²⁸. С ним солидарны журналисты и карикатуристы из ряда других африкан-

ских государств – Буркина-Фасо, Мавритании, Сенегала, Кении, Нигерии²⁹.

Примечательно, что реакция африканских СМИ оказалась почти идентична реакции мировых СМИ, распределившихся по вопросу карикатур «Шарли Эбдо» на три лагеря. Большинство ведущих изданий решило не публиковать карикатуры. Этой позиции придерживаются преимущественно американские издания – «Эн-би-си», «Си-эн-эн», «Эй-би-си», «Си-би-эс», «Нью-Йорк Таймс». Противоположную точку зрения можно обнаружить среди европейских СМИ, опубликовавших карикатуры в знак солидарности с французскими коллегами, а именно: немецкое издание «Гамбургер Моргенпост», датская газета «Берлингске», а также некоторые американские издания. Другие издания, в частности «Дейли Телеграф» и «Дейли Ньюс», опубликовали фото обложки скандального номера «Шарли Эбдо», но с размытой карикатурой.

Что дальше?

Таким образом, мы можем наблюдать, что реакция африканцев на теракты в Париже не ограничивается сочувствием к пострадавшим и имеет четкую религиозную подоплеку. Погибших не вернуть, но и оскорбление Пророка нельзя оставлять без внимания. Тем не менее вопрос о границах свободы слова был поднят и со стороны представителей христианских общин ряда африканских государств, не говоря уже о мусульманах Африки.

Не следует также забывать о том, что французские власти, преследуя свои внешнеполитические цели, длительно и успешно поддерживали радикальный ислам в других странах, на что указывает, в частности, известный американский ученый-африканист Хорас Кэмпбелл. Так было в Мали, Центральноафриканской Республике, Ливии и Сирии, где Франция поддерживала действия исламистских группировок, продолжая осуждать действия террористов там, где это было ей выгодно. Очень странным выглядит неожиданное самоубийство комиссара французской полиции Эльрика Фреду прямо накануне публикации его доклада о первых результатах расследования. Э. Фреду с 2012 г. был заместителем начальника отдела полиции в городе Лимож, где провели школьные годы брата Куаши³⁰.

Французские власти были осведомлены о тесных связях террористов с «Аль-Каидой». Шериф Куаши многие годы вербовал людей для войны в Ираке, в 2005 г. он был арестован при попытке

попасть в Ирак через Сирию, в 2008 г. – был осужден на полтора года за терроризм. Его брат Саид проходил тренировку в лагерях «Аль-Каиды» в Йемене. Амеди Кулибали познакомился с Шерифом Куаши в тюрьме, куда попал за грабежи.

Однако предотвратить теракт инструментами, имеющимися в арсенале властей, оказалось невозможно. Смертной казни во Франции нет, тюремные сроки за терроризм чрезвычайно малы и часто ведут только к росту популярности осужденного среди радикалов и экстремистов. 70% заключенных во французских тюрьмах исповедуют ислам, представляя питательную среду для радикалов. Число мусульман неуклонно возрастает (сейчас во Франции проживает около 6 млн мусульман, или 8% населения), пропорционально растет и число радикалов.

После теракта карикатуры из сатирического издания «Шарли Эбдо» были перепечатаны множеством других французских изданий. Наверное, это и есть та свобода слова, от которой французскому обществу не представляется возможным отказаться. Первый после теракта выпуск еженедельника, тираж которого составил 3 млн экземпляров (вместо обычных 60 тыс.), тоже содержал карикатуры и был распродан за считанные часы. Позднее тираж был увеличен до 7 млн экземпляров.

Подводя итоги, можно предположить, что при существующем положении дел в странах ЕС со свободой слова и прессы касательно публикаций исламофобского содержания высока вероятность повторения подобных терактов в дальнейшем.

Примечания

- ¹ Речь Папы Римского Бенедикта XVI, 12.09.2006. – <http://alkitab.livejournal.com/8490.html>
- ² Директор ФСБ: В рядах боевиков в Ираке воюют около 1,7 тыс. россиян // ИТАР-ТАСС, 20.02.2015. – <http://tass.ru/politika/1780775>
- ³ Mwendia S. Charlie Hebdo in Africa: Senegal bans magazine's distribution // This is Africa, 16.01.2015. – <http://thisisafrika.me/charliehebdo-africa-senegal-bans-magazines-distribution>
- ⁴ Charlie Hebdo attack: African newspapers apologise over cover // BBC News, 15.01.2015. – <http://www.bbc.com/news/world-africa-30829167>
- ⁵ Jannic-Cherbonnel F. African Press Review 12 January 2015 // Radio France Internationale, 15.01.2015. – <http://www.english.rfi.fr/africa/20150112-african-press-review-12-january-2015>
- ⁶ Adamu A. Vous etes Charlie? // Daily Trust, 16.02.2015. – <http://www.dailytrust.com.ng/daily/columns/friday-columns/44534-vous-etes-charlie>

- 7 Boko Haram returns to sending emails, attacks Borno Barracks // Daily Trust, 14.01.2015. – <http://www.dailytrust.com.ng/daily/topstories/44311-boko-haram-now-communicates-via-email-youtube>
- 8 Somalia: Somalis Respond to Paris Attacks, Denounce Violence. – <http://allafrica.com/stories/201501130094.html>
- 9 Algerian Imams in Europe Committed to Presenting Real Image of Islam // ALGERIA PRESS SERVICE, 18.01.2015. – <http://www.aps.dz/en/algeria/5708-algerian-imams-in-europe-committed-to-presentingreal-image-of-islam>
- 10 Mwendia S. Charlie Hebdo: African newspapers apologise over cover // This Is Africa, 16.01.2015. – <http://thisisafrika.me/charlie-hebdoafrican-newspapers-apologise-cover/>
- 11 Ahmadu-Suka M. Charlie Hebdo massacre avoidable // Daily Trust, 16.01.2015. – <http://www.dailytrust.com.ng/daily/news/44513-charlie-hebdo-massacre-avoidable-ulas>
- 12 South Africa: Islamic Unity Convention's Comment on French Terror Attacks // PAMBAZUKA NEWS, 14.01.2015. – <http://pambazuka.net/en/category/features/93708>
- 13 Niger Police Fire Tear Gas As Charlie Hebdo Opponents Take to the Streets. – <http://allafrica.com/stories/201501192078.html>
- 14 Niger: WCC Condemns Attacks On Churches in Niger. – <http://allafrica.com/stories/201501231265.html>
- 15 Nigeria: Yes, Nigeria Needs the Same Support As France. – <http://allafrica.com/stories/201501201693.html>
- 16 Princewill T. Charlie Hebdo and the fear of islamization in the Nigerian context // Vanguard, 21.01.2015. – <http://www.vanguardngr.com/2015/01/charlie-hebdo-fear-islamization-nigerian-context>
- 17 Musetefa M. We all pay the price for terrorism // The Reporter, 07.02.2015. – <http://www.thereporterethiopia.com/index.php/opinion/viewpoint/item/3118-we-all-pay-the-price-for-terrorism>
- 18 Musetefa M. Hate speech and freedom of speech // The Reporter, 31.01.2015. – <http://www.thereporterethiopia.com/index.php/opinion/viewpoint/item/3089-hate-speech-and-freedom-of-speech>
- 19 Ndibe O. «Je suis Charlie» and Nigerian Envy // Premium Times, 21.01.2015. – <http://blogs.premiumtimesng.com/?p=166604>
- 20 Hassan A. South African Politician, Malema, Attacks Jonathan, Says President «Irresponsible» Over Silence On Baga // Sahara Reporters, 14.01.2015. – <http://saharareporters.com/2015/01/14/southafrican-politician-malema-attacks-jonathan-says-president-%E2%80%9Cirresponsible%E2%80%9D-over>
- 21 Pilane P. Charlie Hebdo murderers are children of France, not children of Islam // The Daily Vox, 22.01.2015. – <http://www.thedailyvox.co.za/charlie-hebdo-murderers-are-children-of-france-not-children-ofislam/>
- 22 Egypt: Awqaf Ministry Condemns Charlie Hebdo Attack. – <http://allafrica.com/stories/201501091700.html>
- 23 Jannic-Cherbonnel F. Op. cit.
- 24 The Access to Information and Protection of Privacy Act, 2004. – http://archive.kubatana.net/docs/legisl/aippa_amd_act_050110.pdf

- ²⁵ The Public Order and Security Act, 2002. – <http://archive.kubatana.net/docs/legisl/posa060203.pdf>
- ²⁶ Zimbabwe: What to Do With ‘Freedom’ of Expression? – <http://allafrica.com/stories/201501110278.html>
- ²⁷ Malian Hero of Jewish Supermarket Attack to Get French Nationality // Radio France Internationale, 15.01.2015. – <http://thisisafrica.me/charlie-hebdo-africa-senegal-bans-magazinesdistribution>
- ²⁸ Ferreira F. South Africa: Condemn Paris Media Massacre – Zapiro // Business Day, 09.01.2015. – <http://www.bdlive.co.za/national/2015/01/09/condemn-paris-media-massacre-says-zapiro>
- ²⁹ Matthaei K. African Press Saddened By Paris Attack, Some Question Media Ethics // Deutsche Welle, 08.01.2015. – <http://www.dw.de/african-press-saddened-by-paris-attack-somequestion-media-ethics/a-18180259>
- ³⁰ Campbell H. Manipulation in Paris: Racism, Islamophobia and the capitalist crisis in Europe // PAMBAZUKA NEWS, 21.01.2015. – <http://pambazuka.net/en/category/features/93796>

*«Азия и Африка сегодня»,
М., 2015 г., № 6, с. 47–51.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

А. Ниязи,

кандидат исторических наук,
заместитель главного редактора бюллетеня
«Россия и мусульманский мир»
(Институт востоковедения РАН)

ИСЛАМСКИЕ ЦЕННОСТИ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ И ПРОГРЕССЕ*

Проявления мирового системного кризиса начали прослеживаться еще в конце минувшего века. Но сейчас на наших глазах глобальная нестабильность, охватывающая все сферы человеческой жизни, резко возросла. Усилилась неустойчивость мировой политики, экономики, финансовой и энергетической систем, отбрасывается назад культурное развитие и сближение народов, трещит по швам хозяйственная емкость биосферы.

Во многом такое положение дел связано с установившимся за последние десятилетия диктатом неолиберальной идеологии и практики. Экономическая доминанта в неолиберальном проекте очевидна, идея всемирной демократизации – вторична. На практике она используется скорее как политический инструмент продвижения лидирующей транснациональной капиталистической модели, причем как инструмент избирательный.

Напомним, что неолиберальная экономическая доктрина разрабатывалась в конце 70-х годов для оживления экономик Великобритании и США. Ее главный постулат сводился к поэтапному освобождению рынка от опеки государства и социальных обязательств, а также к утверждению новой мировой валютно-

* Статья подготовлена на основе доклада представленного на международной конференции «Алматы – столица исламской культуры 2015 года», г. Алматы 25 февраля 2015 г.

финансовой системы. Со временем этот проект заметно трансформировался и превратился в некое подобие философии развития мировой цивилизации. Его сторонники, провозгласившие свободный рынок локомотивом прогресса, дружно взялись за переустройство мира, как только начала рушиться советская система. Неолиберализм в это время существенно радикализировался. В отношении постсоветской экономики были предложены намного более жесткие реформы известные как «шоковая терапия», нежели те, что ранее были рекомендованы ряду развивающихся стран. Вслед за падением соцлагеря последовала попытка форсированного распространения неолиберального проекта, иначе – глобализма, уже по всей планете. Трудно представить, но неолиберальный инструментарий додумались применять в разрушенных войной Ираке и Афганистане после ввода туда войск коалиции. В результате получили долговременные социально-экономические и политические кризисы¹.

Неолиберальная теория породила собственные крайние догмы, на которые по инерции продолжает опираться Запад в отношениях с Востоком. Запад неоднороден, но совместно на политическом уровне он продолжает рассматривать перемены в остальном мире через призму именно этого проекта, давая советы, которые он сам, как ни парадоксально, зачастую опровергает своей практикой. Открытие рынка, следование постулатам монетаризма, приватизация госсобственности, долларизация финансовой системы, ориентация на экспорт, сворачивание социальной ответственности государства, его присутствия в экономике, его протекционистских действий, причем всё это в самых радикальных формах, – формула прогресса для других. Чаще всего практика, выстроенная на таких рекомендациях, приводит к противоположным результатам от ожидаемого².

Опыт мирового развития последних десятилетий показывает, что в рамках глобалистской модели самые насущные проблемы человечества так и не получили разрешения. Ориентированная на форсирование экономического роста, максимизацию потребления и культивирование гедонизма, практика сама воздвигает на своем пути разнообразные препятствия, социально-экономического, политического, военного, культурного и природного характера, преодолевать которые по ее схемам развития становится все сложнее.

В то же время сейчас наблюдается активный поиск иной ценностной и технологической парадигмы развития, призванной сменить потребительское отношение к жизни на осознанное сбе-

режение окружающего мира и человеческое в человеке. Разумеется, универсального рецепта для излечения болезней современности быть не может. Конечно, невозможно сделать всех счастливыми, но человечество способно создать более справедливый, разумный и стабильный мир. Представляется, что объединяющей антитезой неолиберальному проекту является концепция устойчивого развития, разрабатываемая под эгидой ООН. Время ее осознания и реализации только начинается.

Ключевой принцип концепции сводится к необходимости сбалансированности экономического, социального и экологического благополучия. Предлагается схема взаимоподдерживаемой социоприродной эволюции через внедрение альтернативной энергетики, ресурсосберегающих и чистых технологий, утверждение бережливых социально-экономических моделей регулирования производства и потребления, что принято именовать «зеленой экономикой». Очень важно, что за последние годы вокруг этой базисной цели разрабатываются новые взгляды на мировое политическое и экономическое устройство, роль государства и рынка, образование и просвещение, решаются проблемы самоуправления, социальной ответственности бизнеса и государства. Серьезное внимание начало уделяться вопросам поддержки и развития культуры, сохранению традиционных духовных ценностей, их важнейшей роли в утверждении новых векторов прогресса.

Концепция устойчивого развития регенерирует прогрессирующую систему взглядов на гармоничное устройство мира. Ее содержание непрерывно расширяется и кристаллизуется. Важно, что в нее вписываются многие новые альтернативы, как бы они ни назывались в различных частях света и независимо от того, присутствует ли в них религиозное обоснование или нет. Теория устойчивого развития интернациональна, открыта для передовых идей Востока и Запада, способна расширяться, впитывать опыт различных культур.

Немало полезного на пути выхода из глобального системного кризиса способно дать исламское наследие. Связанные в исламе воедино вера, этика и закон сохранили до наших дней среди широких слоев мусульман такие культурно-психологические установки, как стремление к справедливости, взаимопомощи, ответственности за настоящее и будущее, за духовное и физическое здоровье человека, трудолюбие, умеренность, заботу о семье и нуждающихся, осуждение корысти и паразитизма, бережное отношение к окружающему миру. Этим принципам следуют или стараются следо-

вать миллионы людей. Для них ислам – образ жизни, жизненный уклад, сохраняющий человеческое достоинство и духовное равновесие. Сейчас возникает всё больше исламских социальных и экологических организаций, вносящих свой вклад в общее дело защиты человека и природы. Начинают издаваться серьезные труды по теории и практике устойчивого развития в мусульманском мире. Всё более актуальными становятся примеры выстраивания элементов исламской экономики, социальной политики и благотворительности. Эти факторы могут быть удачно применены в общем деле становления нового вектора прогресса.

Намечающаяся система координат мирового развития в обозримом будущем предполагает вынужденный отказ от приоритета экономического роста над социальным развитием и экологической безопасностью, что должно повлечь усиление регулятивной роли государства с целью ужесточения контроля над потреблением и производством и даже, в отдельных случаях, сокращения их в развитых странах ради сохранения окружающей среды и предотвращения конфликтов на почве борьбы за ресурсы³. Многие модели либерально-демократического устройства с приоритетом личного над общественным могут смениться социально ориентированными, уравнивающими интересы личности и общества конструкциями. При необходимости придется поступиться отдельными демократическими нормами и личными свободами в их нынешнем западном проявлении в пользу коллективных прав и обязанностей. Другая не менее важная задача – содействие развивающимся государствам в получении новых технологий, возможно, в обмен на сырье.

В России сейчас прослеживается тенденция к укреплению государственного регулирования и планирования социально-экономического развития. Пока можно наблюдать лишь фрагментарные изменения по отдельным секторам. Но в ближайшие годы требуется провести комплексную структурную перестройку экономики, причем в мобилизационном режиме⁴. Речь идет не о возврате к директивному планированию советского образца, а к целевым программам развития, индикативным планам, определяющим прорывные отрасли и предприятия и объёмы их финансирования.

В обозначаемой макроэкономической стратегии важное место занимает выработка инструментов для снижения инфляционной составляющей экономического роста и перехода от монетаристской политики сдерживания денежного предложения к полно-

ценной банковской и финансово-инвестиционной системе. Такая система должна быть направлена на избавление российской экономики от жесткой привязки к обслуживанию потребностей мирового рынка и интересам иностранных кредиторов, а также на удовлетворение денежного спроса в реальном секторе экономики и расширение покупательной способности потребителей.

В связи с этим всё большее внимание российских специалистов и общественности, в том числе и Русской православной церкви, привлекает система исламского банкинга. В последнее десятилетие она демонстрирует стабильное развитие собственных финансовых механизмов⁵. Во время проведения мероприятий XVIII Всемирного русского народного собора глава синодального Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин призвал обратиться к нравственным основам экономики и привел пример исламского банкинга, который отказался от ссудного процента, что «не убавило ему эффективности»⁶.

Не менее интересен и опыт работы в ряде мусульманских стран исламских коммерческих компаний, благотворительных фондов и вакфов, использования в государственной собственности стратегических ресурсов, планирования социально-экономического развития, в основе которых лежат социальные, этические принципы ислама. В целом это можно назвать опытом исламской экономики, которая, конечно, не представляет четко выписанной единой модели, а многогранно реализуется в разных странах в различных вариантах. Следует учитывать, что это лишь начало практического пути исламской экономической альтернативы.

Специфика исламской экономической мысли заключается в том, что она опирается на собственные основополагающие принципы религиозно-этического характера, такие как: запрет на ростовщический процент; запрет на нетрудовые, незаработанные доходы, полученные в ходе жульничества или азартных игр; распределение пожертвований и налогов в пользу бедных и обездоленных через различные государственные и негосударственные религиозные организации; равноправие всех видов собственности, но ограничение частной собственности на жизненно важные сферы существования государства; обеспечение равного доступа к ресурсам и потребительским товарам при сохранении за государством роли главного собственника на общенародное достояние – земельные, водные ресурсы и недра.

В теории исламская экономика во главу хозяйственных отношений ставит нравственные принципы, а не голый материаль-

ный расчет. В ней частная собственность священна. Право на нее человек получил от Бога и как его наместник на Земле несет ответственность перед Творцом по ее разумному и благочестивому применению. Поэтому запреты на использование частной собственности в ущерб интересам мусульманской общины ограничивают не саму собственность, а лишь ее использование. Считается, что государственное социально-экономическое управление и планирование должны проводиться во имя достижения баланса личных и общественных интересов, но от меняющихся условий свобода предпринимательства может устанавливаться в разных границах. Как правило, в кризисные переходные периоды вмешательство государства в экономику возрастает, что может проявляться в регулировании цен, финансовых потоков, протекционистских мерах, субсидировании жизненно важных отраслей, сокращении присутствия в них частных компаний. Такие меры, как показывает пример начального развития постреволюционного Ирана, весьма эффективны. Не менее показателен и опыт Малайзии по выходу из финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг., вызванного резким оттоком краткосрочных спекулятивных инвестиций из региона Юго-Восточной Азии.

Важно отметить и еще одно принципиальное положение в исламской экономической теории, которое ведет к неприятию глобальной спекулятивной деятельности. Считается, что доход незаработанный, возникший из случайного стечения обстоятельств (например, во время азартной игры), без производительного приложения ресурсов (капитала, труда и пр.) является несправедливым. На этом основании современная финансовая система подвергается резкой критике со стороны мусульманских ученых, поскольку позволяет маневрировать на глобальном уровне колоссальными денежными потоками с целью собственного расширенного воспроизводства без производства реального продукта. В ходе трансграничных спекулятивных операций теряется органическая связь между реальной экономикой и ее финансами. Получив самостоятельность от производительной части экономики, они обрели беспрецедентную власть над ней. Мировые рынки финансов становятся всё более непредсказуемыми и могут вызывать непредвиденные последствия.

С целью преодоления такого явления в мировой экономике предлагаются разные альтернативные варианты – от введения очень высоких налогов на сверхприбыли мировых спекулянтов до введения единого международного платежного средства. В этой

связи небезынтересна концепция Института исламского банкинга и финансов Малайзии, предложившая общую денежную единицу для международных расчетов – «золотой динар»⁷. Возможно, она получит своё развитие в ближайшие годы. Несомненно, последует и коррекция глобальных спекулятивных механизмов в сторону ужесточения контроля над ними, а исламский банкинг окажет заметное влияние на мировую кредитно-хозяйственную практику, в частности на расширение сети нетрадиционных кредитных сделок, ограничение трансконтинентальных спекулятивных операций, и может быть на введение единой международной расчетной денежной единицы.

Принципы и практические шаги по выстраиванию исламской экономики вкупе с примерами общественного устройства ряда мусульманских стран являют миру специфический «третий путь» развития – срединный вариант между крайностями неолитерализма (дерегулированием экономики, голым материалистическим расчетом, доминированием эгоизма и личной мотивации) и жесткими социалистическими (коммунистическими) экспериментами, низводящими частную собственность, индивидуальный стимул и свободу граждан до минимума. Многие страны прошли через эти крайности и в построении нового общественного и технологического уклада обращаются к традиционным нравственно-этическим ценностям.

Следует обратить внимание на исламскую концепцию срединного пути, известную как «аль-васытыйя». Она охватывает важнейшие сферы жизни мусульман, начиная от богословия, образования до права и экономики. В ней превалирует стремление к балансу личных и общественных интересов, сохранению высоких идеалов мусульманской культуры. С этой позиции, как видим, исламское учение не отвергает рыночную экономику как таковую, но требует разумного и справедливого ее регулирования. В то же время оно ставит пределы рыночному обществу безграничного потребления, призывает к умеренности и гармонии с окружающим миром, что отвечает принципиальным ценностям устойчивого развития⁸.

* * *

По всей видимости, мы болезненно входим в новую эпоху человеческого прогресса. Переосмысливаем прошлое и настоящее, стараемся вернуться к общечеловеческой нравственности, зарабо-

танним веками понятиям о чести, долге и добродетели. Постепенно возвращаемся к высокой культуре, в которой непреходящую созидательную роль играют традиционные общественные ценности. В конечном счете именно культура является точкой опоры для нашего дальнейшего развития, что именуется прогрессом.

Примечания

- ¹ О неолиберальном эксперименте в Ираке см.: Харви Дэвид. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. – М.: «Поколение», 2007. – С. 16–17. О неолиберальном эксперименте в Афганистане см.: Ниязи А.Ш. Афганистану навязываются пережитки глобализма // <http://afghanistan.ru/doc/15268.html>
- ² О внедрении неолиберализма в развивающихся странах см.: Кляйн Наоми. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. – М.: Добрая книга, 2009. – 656 с.
- ³ Функционирование сообществ за счет возрастающей эксплуатации природы имеет свой предел. Истощение экосистем при интенсивном потреблении ресурсов вызывает серьезные сбои в жизнедеятельности социумов. Многие социально-экономические модели, будь то развитых или развивающихся стран, начинают терять перспективу развития. Выстроенные на неэкономном, потребительском отношении к природе и человеку они к тому же тормозят общее глобальное развитие.
- ⁴ См.: Об альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики (предложения ученых секции экономики Отделения общественных наук РАН) // Российский экономический журнал. – 2011. – № 4.
Глазьев С.Ю. Как не проиграть в войне. Интернет-издание. 2014. 192 с. – <http://bankknigs.com/knigi/290526-glazev-s-yu-kak-ne-proigrat-v-voynе.html> (Дата обращения: 06.01.2015.)
Гремучая смесь. Интервью с академиком РАН Олегом Богомоловым (вел Олег Назаров). Литературная газета. № 51–52, 24–30 декабря 2014 г. – С. 3.
- ⁵ Искандер Исхаков. Почему вопросы исламского банкинга заинтересовали Центральный банк РФ? 22.09.2014. <http://www.muslimeco.ru/opubl/393/> (Дата обращения: 23.01.2015.)
- ⁶ Чаплин предложил создать систему православного банкинга. 11.11.2014. – <http://lenta.ru/news/2014/11/11/orthodox/> (Дата обращения: 20.11.2014.)
- ⁷ Ahamed Kameel Mydin Meera. Islamic Gold Dinar. – Selangor: Pelanduk Pub., 2002.
Медина аль Ислам. Еженедельная всероссийская газета. 31 мая – июня 2008 г. № 22 (71). – Нижний Новгород. – С. 5.
- ⁸ См.: Наумкин В.В. Исламская концепция устойчивого развития // Ислам в современном мире. Научный ежеквартальный альманах. № 1 (11), 2008. – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина». – С. 5–9.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2015 – 11 (281)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 25/X-2015 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 8,9 Уч.-изд. л. 8,4
Тираж 250 экз. Заказ № 145

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

